ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 8 (850)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

8

выпуск 850

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

8

Issue 850

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ванько Т. Р.
Своеобразие жанров кинорецензии в медиапространстве 9

Власенко С. В.
Грамматико-семантические особенности
префиксального отрицания в английском языке 21

Грибанова Т. И., Лебедева И. С., Павлова Е. Б.
Гендерный аспект хеджирования (*на англ.*) 31

Гурецкая М. В.
Диахронные изменения репрезентации концепта «состояние»
(на материале английской художественной прозы XIV–XX вв.) 44

Керова А. В.
Эволюция синтаксических средств выражения эмотивной интенции
в новоанглийский период 56

Лебедева И. С., Романова И. Д.
Базовая технология персуазивности «проблема – решение»
в современной англоязычной рекламе 66

Маркова Ю. Б.
Сравнительный анализ грамматических категорий
общегерманского и старославянского языков 80

Парфенова Л. В.
Актуальные вопросы теории имплицитности
с позиций Лионской школы дискурсологии 94

Петрова Л. С.
Лингвистическая норма: критерии дефиниции 106

Попова Е. А., Лавинская М. В.
Структурно-семантические особенности сложных существительных
в испанском языке 118

Садовникова Е. В.
Использование пассивного залога в вербализации коммуникативно-прагматических характеристик немецкоязычной научной статьи 129

Салькова М. А., Мамсурова З. Р.
Конфликт в драматургическом произведении: размышления на перекрестке мысли и слова (к исследованию пьес британских драматургов) 143

Сорокина Т. С.
Грамматикализация английских модальных глаголов в диахронии 155

Сорокина Т. С., Барсукова Э. К.
Исторические истоки двойной грамматической модальности в английском языке 165

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Макуни Е. А.
Метапроза и метаповествование в фантастических романах с авторским комментарием Сэнди Митчелла 177

Михайлова М. В.
Положительный герой в раннем творчестве Ф. М. Достоевского: специфика формирования образа в традициях святоотеческой литературы 192

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Афанасьевская Н. В.
Трансформация понятия «образ» в контексте визуального поворота в культуре 202

Демина Д. А.
Теологический дискурс как особый тип дискурса 212

CONTENTS

LINGUISTICS

Vanko T. R.
Genre Peculiarities of On-Line Film Reviews 9

Vlasenko S. V.
Grammatical and Semantic Distinctions of Prefixal Negation in the English Language 21

Gribanova T. I., Lebedeva I. S., Pavlova E. B.
Gender Aspect of Hedging (*in English*) 31

Guretskaya M. V.
Diachronic Changes in Representation of the Concept «State» (based on the English prose of 14–20th cc.) 44

Kerova A. V.
The Development of Syntactic Means Expressing Emotive Intention in the New English Period 56

Lebedeva I. S., Romanova I. D.
"Statement of the Problem – Solution" as a Rhetorical Principle of Persuasive Advertising 66

Markova Ju. B.
Contrastive Analysis of Grammar Categories in Common Germanic and Old Slavonic 80

Parfenova L. V.
Current Issues of the Theory of Implicitness from the Point of View of the Lyon School Of Discourse Studies 94

Petrova L. S.
Linguistic Norm: the Criteria of Definition 106

Popova E. A., Lavinskaya M. V.
Structural and Semantic Features of Complex Nouns in the Spanish Language 118

Sadovnikova E. V.
Usage of the Passive Voice in Verbalization of Communicative-Pragmatic Characteristics of the German Scientific Article 129

Salkova M. A., Mamsurova Z. R.
Conflict and Drama: at the Crossroads of Thought and Language (towards a treatment of plays by British dramatists) 143

Sorokina T. S.
Grammaticalization of English Modal Verbs: Diachronic Approach 155

Sorokina T. S., Barsukova E. K.
Historical Sources of Double Modality in English 165

LITERARY STUDIES

Makuni E. A.
Metafiction and Metanarration in the Science Fiction Novels with Fictional Commentaries by Sandy Mitchell 177

Mikhaylova M. V.
A Positive Hero in the Early Literary Works of F. M. Dostoevsky: Specific Formation of Image in the Traditions of the Holy Patristic Literature 192

CULTUROLOGY

Afanasievskaia N. V.
Transformation of the Concept "Image" in the Context of the Visual Turn in Culture 202

Demina D. A.
Theological Discourse as a Special Type of Discourse 212

УДК 81.271.16
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_9

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики
и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
bestgrammar@yandex.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРОВ КИНОРЕЦЕНЗИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье описываются результаты сопоставительного анализа синтаксических параметров англоязычных профессиональных онлайн-кинорецензий и непрофессиональных любительских отзывов о кинофильмах. Тема профессиональной кинорецензии и любительского отзыва в электронной среде особенно актуальна в контексте широкого использования интернет-технологий, определяющих своеобразие онлайн-коммуникации и дающих доступ массовому интернет-пользователю к таким инструментам самовыражения и самопрезентации как кинорецензии.

Ключевые слова: профессиональные онлайн-кинорецензии; зрительские отзывы; синтаксис; электронные медиа; своеобразие.

T. R. Vanko

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Grammar
and History of English, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
bestgrammar@yandex.ru

GENRE PECULIARITIES OF ON-LINE FILM REVIEWS

The article describes the comparative analysis of syntax of English professional film critical reviews and audience on-line comments. The issue of the professional as opposed to the non-professional in electronic media is in the focus of attention now that Internet technologies determine specific character of on-line communication and provide Internet users with an opportunity to post on-line reviews which are an instrument of self-presentation and self-expression.

Key words: professional online film reviews; audience comments; syntax; on-line media; peculiarity.

CC BY

Введение

Жанр кинорецензии, возникший с рождением кинематографа в начале XX века, претерпел значительные изменения в эпоху Интернета. Первоначально кинорецензии публиковались в газетах, журналах и специализированных изданиях, со второй половины XX века они стали размещаться также на радио и телевидении, а с появлением Интернета начался бурный рост количества не только профессиональных, но и непрофессиональных, любительских кинорецензий в виртуальном пространстве. Сегодня онлайн-кинорецензии публикуются на сайтах периодических изданий, в профессиональных и любительских блогах и социальных сетях. Технические возможности Интернета привели к росту популярности любительской кинорецензии. Профессиональные онлайн-кинорецензии также претерпели изменения: они разделились на искусствоведческие и рассчитанные на широкую массовую аудиторию.

Изучение жанра онлайн-кинорецензии в лингвистике

Жанр кинорецензии неоднократно становился предметом изучения лингвистов. Считая кинорецензию разновидностью жанра рецензии [Эрман 2011], исследователи рассматривают ее в одном ряду с научной и публицистической рецензиями [Сабурова, Голикова 2015] либо как жанр массово-информационного дискурса, совмещающий черты публицистического и художественного дискурса [Брежнева 2013], либо как один из аналитических жанров современной журналистики [Тертычный 2010].

Являясь разновидностью жанра рецензии, кинорецензия имеет следующие цели: информировать о фильме, оценить, аргументировать (доказать оценку на основе анализа различных аспектов фильма), рекламировать (акцентировать положительные стороны и скрыть недостатки фильма), воздействовать на аудиторию (стимулировать к просмотру или отказу от просмотра фильма) [Набиева 2010]. Однако, обладая типологическими признаками рецензии, кинорецензия характеризуется некоторым своеобразием.

Так Д. Д. Брежнева, рассматривавшая лингвокогнитивные и экспрессивно-стилистические особенности газетной кинорецензии в популярных печатных изданиях, выделяет ее основные жанрообразующие

признаки: полифункциональность (выполнение функций информирования, анализа, оценки и воздействия), аргументативность авторской оценки, эмоциональность, полиадресатность (наличие разных адресатов в зависимости от типа печатного издания: специализированного, качественного или массового), гибридность (совмещение признаков аналитических и художественно-публицистических стилей) [Брежнева 2013].

По мнению Д. Д. Брежневой, основными категориями кинорецензии являются диалогичность и оценочность. Реализация функций информирования и воздействующей функции определяет диалогичность кинорецензии. Кинокритик ведет виртуальный диалог с аудиторией, доказывая свою авторскую точку зрения. Диалогичность речи проявляется в характере взаимоотношений между адресатом-читателем и адресантом-автором кинорецензии, различающихся в трех видах печатных изданий: специализированных, качественных и массовых. В зависимости от того, является ли адресат профессионалом, полупрофессионалом или непрофессионалом, различается не только глубина освещения информации о фильме, но и используемые языковые средства. Как указывает Д. Д. Брежнева, диалогичность кинорецензии выражается на синтаксическом уровне побудительными и вопросительными предложениями, риторическими вопросами, обращениями и вводными словами. На морфологическом уровне используются местоимения 1-го и 2-го лица, союзы с противительным значением и наречия меры и степени. На лексическом уровне употребляются оценочные и стилистически окрашенные слова. Оценка в кинорецензии выражается оценочными прилагательными, существительными, фразеологизмами и средствами экспрессивного синтаксиса. В специализированной прессе кинорецензия не содержит эксплицитных оценочных суждений, а воздействует на мнение читателя посредством отбора контента и его оценки. В популярной прессе, наоборот, оценка выражается междометиями, экспрессивно-оценочной лексикой, экспрессивным порядком слов и оценочными синтаксическими структурами. В качественной прессе кинорецензии содержат эмоционально окрашенные рационально-оценочные единицы [Брежнева 2013].

В. А. Эрман, изучавшая полидискурсивный и интердискурсивный характер немецкоязычной кинорецензии, также указывает на специфические особенности поли- и интердискурсивности в различных

видах медийных изданий [Эрман 2011, с. 22]. В. А. Эрман установила, что кинорецензии из популярной газеты по количеству и видам дискурсов проигрывают кинорецензиями из качественной прессы и специализированных онлайн-киножурналов. В популярной прессе кинорецензии не содержат дискурсы сценариста и третьих лиц, например рецензентов, но зато характеризуются яркой эмоциональностью, экспрессивностью и элементами рекламного дискурса. И наоборот, кинорецензии из качественной прессы и специализированных сайтов пользуются целым спектром разнообразных дискурсов (дискурсы рецензента могут перекликаться с дискурсами режиссера, сценариста, зрителей). В них оценочность и субъективность сочетается с рациональным анализом, заимствованными из научного дискурса (подробный анализ фильма, средства объективности и дистанцирования, использование специализированной терминологии) [там же, с. 22].

Если прежде исследования кинорецензии проводились на материале печатных изданий и ограничивались контент-анализом [Брежнева 2013], дискурс-анализом [Эрман 2011] и лингвистическим анализом лексико-семантических [Брежнева 2013] и синтаксических характеристик [Ванько 2013], то сейчас на фоне интенсивного использования Интернета внимание ученых сфокусировалось на рассмотрении онлайн-кинорецензий. Такое внимание к онлайн-кинорецензии объясняется как распространенностью и популярностью этого жанра, так и наличием у него специфики, накладываемой виртуальной коммуникацией, а именно, диалогичностью, мультимедийностью, снятием пространственных и временных ограничений, широким выбором как вербальных, так и невербальных средств [Галичкина 2001; Сабурова, Голикова 2015].

Т. В. Шкайдерова указывает на совершенно иные интенции адресанта онлайн-кинорецензии, что ведет к изменению жанрового содержания кинорецензии. При описании контента виртуальной кинорецензии Т. В. Шкайдерова выделяет основные позиции ее содержания: оценка, сюжет, актерский состав, авторы фильма, сравнение с другими фильмами, идея, жанр. По ее мнению, не существует определенных правил написания онлайн-кинорецензии. Ее форма и содержание определяются автором самостоятельно. Такие принципы онлайн-кинорецензии как субъективность, самовыражение, самонаблюдение,

опора на собственное впечатление позволили кинорецензии приспособиться к новым медиаусловиям [Шкайдерова 2014].

Своеобразие жанра онлайн-кинорецензии определяется спецификой виртуальной реальности – актуальностью, автономностью, интерактивностью, погруженностью и высокой креативностью в выборе и использовании лексических единиц [Галичкина 2001; Сабурова, Голикова 2015]. Гипертекстуальность кинорецензий в виртуальном пространстве проявляется в возможности любого интернет-пользователя разместить свою рецензию, отзыв или участвовать в дискуссии о фильме в социальных сетях. Виртуальным кинорецензиям свойственны открытость, диалогизм и интерактивность. Мультимедийные технологии позволяют более наглядно иллюстрировать тексты рецензий (при помощи ссылок, фото-, видео- и аудиоматериалов, смайлов и эмотиконов) [Земцова 2006; Сабурова, Голикова 2015].

Э. Ю. Гаранина, рассматривающая оценочность как основную категорию онлайн-кинорецензии, анализирует структурные, лексические и морфологические средства выражения оценки в профессиональных онлайн-кинорецензиях. По ее мнению, профессиональные онлайн-кинорецензии имеют определенную структуру: яркий, привлекающий внимание заголовок, первый абзац, содержащий мнение кинокритика и краткую информацию о фильме, основной текст кинорецензии в виде коротких параграфов:

– анализ и критика различных аспектов фильма (работы сценариста, режиссера, актеров и т. д.);
– сравнение с другими фильмами;
– описание положительных и отрицательных моментов;
– заключение с рекомендацией смотреть или не смотреть фильм [Гаранина 2013, с. 29].

В результате анализа средств выражения оценки в профессиональной кинорецензии исследователь приходит к выводу о том, что именно оценочные языковые средства позволяют кинорецензии реализовывать функции информирования, оценки, воздействия и рекламы, а их ассортимент индивидуален и предопределяется установками, целями кинокритика и характером целевой аудитории кинорецензии [там же].

Широкое распространение интернет-технологий дало толчок развитию непрофессиональных, любительских кинорецензий-отзывов, выражающих не столько объективную оценку фильма, сколько

субъективное эмоциональное мнение автора рецензии [Гаранина 2013; Шкайдерова 2013; Сабурова, Голикова 2015]. В жанре профессиональных кинорецензий также происходит разделение на искусствоведческие кинорецензии и кинорецензии для массового читателя. Поскольку целевой аудиторией искусствоведческих кинорецензий являются профессионалы в области искусства, таким киноотзывам присущи объективность оценки, глубокий и всесторонний анализ, профессиональная терминология и жаргон [Земцова 2006]. На основе профессиональных искусствоведческих кинорецензий формируются профессиональные кинорецензии, рассчитанные на массовую аудиторию, а также любительские кинорецензии – отзывы непрофессионалов. Профессиональные кинорецензии для массового потребителя демонстрируют высокий уровень оценочности и эмоциональности, а так как их цель – усредненный читатель, они активно используют разговорный стиль с молодежным сленгом [Сабурова, Голикова 2015].

Несмотря на популярность непрофессиональных кинорецензий в виртуальном пространстве, мало изученными остаются их лингвистические характеристики. Исследователи Н. А. Сабурова и А. С. Голикова предпринимают попытку описать их дискурсивные признаки на примере разнообразных лингвистических и экстралингвистических стратегий, используемых интернет-пользователями при написании отзывов о кинофильмах [там же]. Анализируются также роли авторов кинорецензий и их адресатов. Сравнивая кинорецензию с научными и публицистическими рецензиями, лингвисты отмечают отсутствие в ней точности, логичности, научного подхода и глубокого анализа, характерных для научной рецензии, а также структурно-композиционных особенностей публицистических рецензий. Ученые указывают на полифункциональность кинорецензии, выполняющей несколько функций: информационную, оценочную, мотивационную, рекламную, развлекательную. Наряду с перечисленными признаками профессиональной кинорецензии непрофессиональная онлайн-кинорецензия обладает своеобразием, обусловленным особенностями виртуальной медиасферы. Н. А. Сабурова и А. С. Голикова считают непрофессиональную онлайн-кинорецензию перенесенной в пространство электронной коммуникации копией профессионального жанра, обладающей особыми признаками, обусловленными виртуальной

средой ее существования, а также ее адресатом и адресантом. В непрофессиональных онлайн-кинорецензиях наблюдается снижение аналитического компонента и преобладание эмоциональной оценки. Их автор, как правило, непрофессионал-любитель, представитель любой возрастной категории, делящийся с другими пользователями своими эмоциональными впечатлениями и оценкой фильма. Он менее компетентен в силу различного образовательного уровня интернет-пользователей. В отличие от профессиональной, кинорецензия непрофессионала это продукт его личных эмоциональных переживаний и опыта. Этим объясняется большое количество «I предложений» [Сабурова, Голикова 2015, с. 285]. Непрофессиональные кинорецензии не ведут серьезный диалог с читателем. Они поддерживают непринужденный тон общения использованием разговорной лексики, обращением к собеседнику, междометиями.

Итак, очевидно, что язык непрофессиональных онлайн-кинорецензий, в частности их синтаксический строй, не анализировался до сих пор, что делает рассмотрение синтаксических характеристик этого жанра и сопоставление их с синтаксическим строем профессиональных онлайн-кинорецензий особенно актуальным.

Синтаксические характеристики профессиональных и непрофессиональных онлайн-кинорецензий

Материалом для синтаксического анализа послужили профессиональные кинорецензии и непрофессиональные отзывы о телевизионном минисериале канала HBO «The Undoing» («Отыграть назад»), размещенные на сайте-агрегаторе «Rotten Tomatoes», который составляет рейтинги фильмов на основе как рецензий профессиональных кинокритиков, так и отзывов рядовых зрителей. Были отобраны четыре рецензии (3 105 слов) из раздела «Top Critics», написанные рецензентами-мужчинами с опытом работы не менее 20 лет в сфере кинокритики в изданиях «Los Angeles Times», CNN, «The Washington Post», «The Age and the Sydney Morning Herald». А также анонимные отзывы из раздела «Audience» (с приблизительно равным количеством слов) зрителей-мужчин, возрастную и профессиональную принадлежность, а также образовательный уровень которых установить не представляется возможным. Выборка материала производилась

лишь с учетом гендерного фактора, положительный или отрицательный характер рецензии не принимались во внимание.

Очевидна разница в объеме между профессиональными и непрофессиональными онлайн-кинорецензиями. Количество слов в профессиональных рецензиях варьируется от 785 до 1 072 слов, в то время как максимально длинный любительский отзыв в нашей выборке содержал лишь 350 слов, а самый короткий всего четыре.

Embarrassing writing and acting (*Ben D*, *Feb 22, 2021*).

Разница в объеме профессиональных и непрофессиональных онлайн-кинорецензий определяется качеством контента. При написании рецензии кинокритик выполняет свои профессиональные обязанности и делает это в соответствии с канонами киноиндустрии. Рядовой зритель размещает свой отзыв не в силу профессиональной необходимости, а в большей степени для реализации функции общения, для самовыражения и самопрезентации [Шкайдерова 2014].

Как показал наш материал, для профессиональных онлайн-кинорецензий характерны наличие заголовка и разбивка на параграфы, что соответствует стандартам написания рецензии и облегчает читателям восприятие информации. В непрофессиональных онлайн-кинорецензиях, наоборот, отсутствуют название и деление на параграфы независимо от их объема. Это можно объяснить контекстом их создания. Они пишутся под влиянием эмоций, спонтанно, без какого-нибудь четкого плана с целью выразить субъективные ощущения после просмотренного фильма.

Профессиональные кинорецензии в обследованном материале имеют в среднем около 30 предложений, что свидетельствует о наличии определенного стандарта написания рецензии, которого придерживаются кинокритики. В то же время количество предложений в любительских отзывах в нашей подборке варьируется от 1 до 15. Чаще всего встречаются любительские кинорецензии, состоящие из одного предложения, приблизительно равная частотность наблюдается у отзывов, содержащих два, три и четыре предложения. Отзывы из пяти и более предложений зафиксированы в единичных случаях.

Сопоставление общего количества предложений показал, что в непрофессиональных кинорецензиях количество предложений в 1,4 раза больше, чем в профессиональных, однако они короче.

Средняя длина предложения в любительских отзывах составляет 22 слова, в то время как в профессиональных кинорецензиях она составляет в среднем 30 слов.

Также в любительских отзывах очень часто используются эллиптические структуры с опущенным подлежащим и сказуемым или с опущенным подлежащим (33 % предложений). Этот факт свидетельствует о спонтанном характере написания отзыва в Интернете, когда автор не заботится о соблюдении языковых норм, а сконцентрирован на выражении своего эмоционального отклика на просмотренный фильм.

Idiotic storyline. Felt like eating junk food (*Alex D. Dec.26, 2020*).

Рассмотрение коммуникативных типов предложений выявило одинаковую тенденцию использовать преимущественно повествовательные предложения в обеих разновидностях онлайн-кинорецензий; вопросительные предложения не типичны в обоих типах рецензий, они встретились дважды в каждом из них. Восклицательные предложения, обладающие повышенной экспрессивностью, употреблялись только в непрофессиональных кинорецензиях, что свидетельствует о высокой эмоционально-экспрессивной окраске любительских отзывов.

Couldn't figure out the culprit until almost the end, which is always a good thing! Entertaining and a good watch! (*Jonathan Q., Dec.26, 2020*)

Анализ структурных типов предложений, употребляемых в профессиональных и любительских онлайн-кинорецензиях, обнаружил диаметрально противоположные тенденции; во-первых, профессиональные кинокритики тяготеют к использованию сложноподчиненных предложений (48 %), а непрофессионалы с такой же частотностью пользуются простыми предложениями (49 %), половина из которых – эллиптические; во-вторых, вторыми по частотности в профессиональных кинорецензиях являются простые предложения (30 %), а в любительских отзывах – сложноподчиненные (28,5 %); в-третьих, профессиональные онлайн-кинорецензии изобилуют сложными предложениями смешанного типа многоярусной структуры: с сочинительной и подчинительной связью (17 %), которые считаются признаком публицистического жанра:

HBO has kept back the sixth and final episode from reviewers, so I cannot say whether Kelley's conclusion will replicate or reverse Korelitz's – he has

generated a lot of new material, and the miniseries is more of a mystery/thriller than the book, which settles the whodunit long before the end, leaving room for a story of female friendship after a confining marriage (*Robert Lloyd, Oct.22, 2020*).

Для непрофессиональных кинорецензий такие предложения не типичны (5,5%). Наконец, сложносочиненные предложения не характерны для профессиональных кинорецензий (5%), и, наоборот, являются третьими по частотности в любительских отзывах (17%).

Single flaw was the very ending, but it probably matched in with the true nature of Grant's character (*Tony S., Dec.29, 2021*).

Что касается типов придаточных, встречающихся в профессиональных и непрофессиональных онлайн-кинорецензиях, то их ассортимент и частотность схожие. Чаще встречаются придаточные дополнительные (вводимые союзами и союзными местоимениями *that*, *which*, *what*, *who* и бессоюзно) и придаточные определительные (вводимые союзами и союзными местоимениями *that*, *who*, *which*). Например, в следующем сложноподчиненном предложении, встретившемся в любительском отзыве, используются придаточное определительное и дополнительное.

The star of the show was Hugh Grant who made me believe the entire time that he was incapable of committing such a heinous act (*Timothy G. Jan.07, 2021*).

Другие типы придаточных (обстоятельственные придаточные времени, условия, уступки, сравнительные, причины, следствия и образа действия, а также предикативные придаточные предложения) употребляются в текстах исследуемого материала реже.

Обилие эллиптических предложений, наличие грамматических и орфографических ошибок, а также использование эмотиконов для обозначения эмоции, свидетельствует о высокой скорости порождения любительских кинорецензий и чрезвычайной эмоциональной насыщенности контекста их создания, когда автора заботит не столько форма текста и соответствие ее стандартам, сколько реализация желания высказаться, самореализоваться. С другой стороны, невозможность идентификации возраста и образовательно-культурного уровня авторов онлайн-отзывов затрудняет дифференциацию непрофессиональных онлайн-кинорецензий по этим признакам.

Синтаксический строй профессиональных онлайн-кинорецензий соответствует нормам научно-публицистического стиля, разновидностью которого они считаются [Брежнева 2013; Ванько 2013; Гаранина 2013].

Выводы

Итак, широкое использование интернет-платформ при размещении кинорецензий послужило триггером для возникновения новой разновидности жанра кинорецензий, а именно непрофессиональных кинорецензий. Анализ синтаксических характеристик любительских отзывов, а также их сопоставление с синтаксическим строем профессиональных кинорецензий выявили диаметрально противоположные тенденции.

Непрофессионал-любитель склонен использовать простые синтаксические структуры, зачастую опуская члены предложения, игнорируя грамматические и орфографические ошибки, что свидетельствует о спонтанности ситуации написания отзыва, о стремлении к самореализации и самовыражению на фоне ярких эмоций, спровоцированных просмотром фильма. Синтаксический рисунок, наряду со своеобразием контента и лексико-стилистического наполнения, является жанрообразующим признаком непрофессиональных онлайн-кинорецензий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Брежнева Д. Д. Жанрово-стилистические и когнитивные особенности кинорецензии как вида массово-информационного дискурса: на материале современной британской прессы: автореф. дис. … канд. филол. наук М., 2013. [Brezhneva, D. D. (2013). Zhanrovo-stilisticheskiye i kognitivnyye osobennosti kinoretsenzii kak vida massovo-informatsionnogo diskursa (na materiale sovremennoy britanskoy pressy) (Genre, stylistic and cognitive features of film review as a type of mass information discourse (based on the material of the modern British press): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Ванько Т. Р. Своеобразие языка кинорецензии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 26(686). С. 106–111. [Van'ko, T. R. (2013). Peculiarity of Movie Reviews Language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics, 26(686), 106–111. (In Russ.)].

Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: на материале жанра компьютерных конференций: дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2001. [Galichkina, E. N. (2001). Spetsifika komp'yuternogo diskursa na angliiskom i russkom yazykakh: na materiale zhanra komp'yuternykh konferentsii (Peculiarity of Computer Discourse in English and in Russian: on the Basis of Computer Conferences): PhD in Philology. Astrakhan'. (In Russ.)].

Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник КемГУ. 2013 № 2 (54) Т. 2. С. 28–31. [Garanina, E. Yu. (2013). Evaluation in the genre of film review. Bulletin of the KemSU, 2, 2(54), 28–31. (In Russ.)].

Земцова Л. А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. [Zemtsova, L. A. (2006). Iskusstvovedcheskaya retsenziya kak zhanr massovo-informatsionnogo diskursa (Professional Critical Review as a Media Genre): PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)].

Набиева Е. А. Оценочность в жанре рецензии: лингвистический и прагматический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2010. [Nabieva, E. A. (2010). Otsenochnost' v zhanre retsenzii: lingvisticheskii i pragmaticheskii aspekty (Evaluation in Critical Review Genre: Linguistic and Pragmatic Aspects): abstract of PhD in Philology. Tyumen'. (In Russ.)].

Сабурова Н. А., Голикова А. С. Дискурсивные характеристики непрофессиональной кинорецензии в виртуальном пространстве // Вестник ТОГУ. Хабаровск, 2015. № 3(38). С. 281–290. [Saburova, N. A., Golikova, A. V. Discourse Characteristics of Unprofessional Film Reviews in the Virtual Space. Vestnik TOGU, 3(38), 281–290. Khabarovsk. (In Russ.)].

Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: учеб. пос. для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. [Tertychnyi, A. A. (2010). Analiticheskaya zhurnalistika: ucheb. pos. dlya stud. vuzov (Analytical Journalism: Textbook for Students). Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)].

Шкайдерова Т. В. Адаптация кинорецензии к новым медиаусловиям // Коммуникативные исследования. Омск, 2014. № 2. С. 141–145. [Shkaiderova, T. V. (2014). The Adaptation of a Film Review to New Media Conditions. Communicative Research, 2, 141–145. (In Russ.)].

Эрман В. А. Кинорецензия как полидискурсивный и интердискурсивный текст (на материале немецких журналистских текстов): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011. [Ehrman, V. A. (2011). Kinoretsenziya kak Polidiscursivnyi i Interdiskursivnyi Tekst (na materiale nemetskikh zhurnalistskikh tekstov) (Film Review as a Polydiscourse and Interdiscourse: on the basis of German Journal Texts): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

УДК 81'276.6:34+81'371:811.111
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_21

С. В. Власенко

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка как второго иностранного
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
svetlana.v.vlasenko@mail.ru

ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описаны особенности грамматической семантики английской лексики, в том числе из языков для специальных целей, которые характерны для фиксации значений отрицания в разных контекстах. Приведенные примеры иллюстрируют однокоренные лексемы, образованные посредством различных отрицательных префиксов, например *misdo* и *undo*, которые не всегда обнаруживают синонимические отношения. Однокоренные дериваты анализируются в ракурсе их семантической тождественности или различий, а также специфики семантических признаков.

Ключевые слова: английский язык; однокоренные синонимы; грамматическая семантика; отрицание; отрицательные префиксы.

S. V. Vlasenko

PhD (Philology),
Associate Professor at the Department of English
as the Second Foreign Language,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University
svetlana.v.vlasenko@mail.ru

GRAMMATICAL AND SEMANTIC DISTINCTIONS OF PREFIXAL NEGATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article features semantic distinctions of English lexis, including lexemes from languages for special purposes, which convey meanings of negation across various contexts. The examples of same-root lexemes with negative meanings expressed by different negative prefixes, such as *misdo* and *undo*, explore less synonymic relations than expected. Such same-root derivatives are treated in terms of their semantic identity or dissimilarity, as well as the specificity of their semantic properties.

Key words: English language; same-root synonyms; grammatical semantics; negation; negative prefixes.

CC BY

Введение

В статье анализируются грамматико-семантические особенности однокоренных дериватов из числа общеупотребительной английской лексики, а также лексических единиц из языков для специальных целей, образованных посредством различных отрицательных префиксов: *dis-, in-, mis-, un-* и др. Первые исследования отрицательных префиксов английского языка в диахронно-синхронном рассмотрении были выполнены отечественными учеными более полувека назад; среди них укажем на масштабное исследование С. М. Затуловской [Затуловская 1978]. Данная статья продолжает ранее начатые работы, включающие описание лексики из языков для специальных целей [Власенко 2020], и содержит предположение о том, что семантика корневой лексемы имеет доминантную роль в определении семантики отрицательных дериватов. Однако значения таких дериватов нельзя назвать достаточно прозрачными и предсказуемыми, поскольку в большинстве случаев возникает необходимость определения действия отрицательной семантики в предметных контекстах.

Актуальность изучения грамматической семантики в нарративах негации

Изучение проблематики грамматической семантики при словообразовании форм негации для передачи соответствующих значений единицами общелитературной английской лексики и языков для специальных целей приобретает большое значение по мере расширения сферы употребления негативно окрашенных речевых нарративов в ряде современных дискурсивных практик. Речевые портреты лиц, принимающих решения на национальном и международном уровне, публичных деятелей, всё чаще характеризуются наличием лексики в спектре отрицательного континуума значений. Такие значения могут передавать значительный диапазон действий, событий или состояний, как например: нецелесообразность или отказ от взаимодействия с партнерами по определенным вопросам; нежелательность дальнейшего сотрудничества или его запрет; законодательные ограничения на определенные виды деятельности; выражение претензий и (или) подозрений на неправомерность действий в отношении дипломатических миссий и их представителей; срыв переговоров

или разрыв отношений с бизнес-партнерами, а также многие другие языковые проявления негации в самом широком спектре значений. Подобное использование негации обусловлено необходимостью оперативного реагирования стран на обострившиеся международные ситуации в чрезвычайных обстоятельствах противостояния общим для человечества глобальным вызовам, таким как пандемия, изменение климата, массовая миграция людей из зон вооруженных конфликтов и т. д.

Особенности грамматической семантики префиксального отрицания в английском языке

Целью анализа грамматико-семантических особенностей однокоренных дериватов, выражающих негацию префиксально, является установление их семантической близости или различий, а также особенностей грамматической семантики, которая характерна для префиксально выраженных отрицательных значений в разных контекстах.

Семантическая прозрачность лексем с префиксально выраженным отрицанием во многих английских и американских контекстах могла бы быть вполне предсказуемой, но следующие далее примеры говорят об обратном. Так, *miscarriage of justice* в значении «судебная ошибка; неправильность в отправлении правосудия» [Пивовар 2003, с. 516] – недостаточно предсказуемо, поскольку для *miscarriage* более частотными контекстами являются либо медицина, где лексема имеет иные значения – «преждевременные роды, выкидыш; самопроизвольный аборт» [ABBYY 2014], либо транспортная сфера в значении «недоставка (почты, товаров) по месту назначения», например, *miscarriage of letters – недоставка писем* [там же].

Значение отрицательного префикса является грамматическим, если исходить из следующего определения И. А. Мельчука: «Значение называется грамматическим, если оно является либо словоизменительным или квази словоизменительным, либо словообразовательным» [Мельчук 1997, с. 307]. В действительности каждый отрицательный префикс выполняет словообразовательную функцию, поскольку производит дериваты от одной производящей основы, в частности: *misdo* и *undo*; *misplacement* и *displacement*; *unqualified* и *disqualified*; *unsatisfied* и *dissatisfied* и др.

Английские отрицательные префиксы в однокоренных лексемах в аспекте синонимии и антонимии

Анализ семантической структуры лексем, выражающих негацию префиксально, сам по себе не представляет сложности, однако он далеко не во всех случаях может обеспечить понимание границ действия отрицательной семантики в предметно сложных и проблемных контекстах. Показателен пример с лексемой *displace*, которая может принимать в зависимости от контекста одно из нижеуказанных значений:

- *displace* – лишиться занимаемой должности; быть смещенным с [занимаемой] должности, например: *His aides were discredited and displaced* [ABBYY 2014]. – *Его помощники были дискредитированы, в результате чего лишились своих должностей*;
- *displace* – сдвинуть / сдвигать какой-либо (неправильно расположенный) орган, например: *He seems to have displaced some vertebrae* [там же]. – *Вероятно, у него смещено несколько позвонков*;
- *displaced* (persons) – вынужденные переселенцы, беженцы, например: *Thousands of people have been displaced by the civil war* [там же]. – *Гражданская война вытеснила тысячи людей из привычных мест проживания*. Здесь семантический вектор направлен на акцентуацию семантики «согнанные с места», «вытесненные с нажитых мест люди, потерявшие кров вследствие военных действий, стихийных бедствий».

Как следует из приведенных примеров, первый из предложенных наборов значений связан с должностными полномочиями, то есть относится к экономике труда, кадровой политике. Второй набор значений связан с медициной, диагностикой состояния пациента, а третий – фиксирует ситуацию военного времени, во время которого люди переживают разные лишения, в том числе теряют дома и вынуждены перемещаться в поисках нового, более безопасного, места проживания. Такая широкозначность глагольной лексемы *displace* порождает много прочтений. Вместе с тем сема «перемещения» или «изменения места [положения, нахождения, проживания]» остается постоянной для каждого из трех названных примеров.

В этой связи важно установить отношения тождественности между *displace* и *misplace* по их возможной синонимии, чему может содействовать рассмотрение субстантивных дериватов:

displacement – «перемещение, перестановка; снятие с должности, смещение; замена, замещение» [ABBYY 2014] и *misplacement* – «неправильное размещение, неверное расположение» [там же]. Последнюю лексему иллюстрируют следующие примеры: *misplaced semicolon* – «неправильно расположенный [в тексте программы] знак точки с запятой»; *misplaced tool* – «инструмент, установленный не на (свое) место; неправильно размещенный инструмент»; *misplaced book* – «книга, поставленная не на [свое] место» [там же]. Анализ семантики приведенных дериватов не позволяет установить их полную синонимию вследствие появления у *misplaced* оценочного компонента значения «неверный, неправильный».

Учитывая вышесказанное, представляется важным понять принципиальную возможность однокоренных лексем, при образовании которых использованы разные префиксы с отрицательной семантикой, демонстрировать отношения синонимии. Рассмотрение данного вопроса предполагает консолидированный подход, в частности учет лексической и грамматической семантики. Для этого обратимся к мнению Ю. Д. Апресяна, многие работы которого посвящены интегральному описанию языка. В своих работах, в частности, по синонимическим средствам в рамках семантических исследований Ю. Д. Апресян указывает, что между номинацией признаков противоположности и простым отрицанием существуют заметные отличия. «В то время как слова с противоположным значением «располагаются» по разные стороны от нулевой отметки и при этом на равном расстоянии от нее, – утверждает лингвист, – слова с отрицанием «занимают» весь отрезок, ограниченный с одной стороны данным полюсом, а с другой – нулевой отметкой: *не тяжелый*, но и *не легкий*, *не высокий*, но и *не низкий* и т. д.» [Апресян 1995, т. 1, с. 293–294]. При этом Ю. Д. Апресян выделяет признаки бинарные, между которыми нет серединных, что лежит в основе антонимии, когда «отрицание одного состояния совпадает, по существу, с утверждением другого, полярного ему состояния». Лингвист приводит следующие примеры для иллюстрации: *женатый – холостой*, где вторая из противопоставляемых лексем семантически тождественна лексеме *неженатый*; *обязательный – факультативный*, где признак действия «факультативный» семантически тождествен таковому в *необязательный*; *присутствовать – отсутствовать*, где семантически действие в «отсутствовать»

тождественно таковой в *не присутствовать*; *соблюдать – нарушать*, где действие «нарушать» семантически тождественно *не соблюдать* [там же, с. 294].

Важно указать, что передача на русский язык значений английских однокоренных лексем, образованных посредством разных отрицательных префиксов, может сопровождаться выбором антонимического значения, например:

unambiguous – однозначный, точно / полно выраженный (*смысл*);
unabridged – полный, несокращенный;
unpermitted – запрещенный, неразрешенный;
unpersuadable – упрямый, не поддающийся убеждению;
unperturbed – спокойный, невозмутимый [ABBYY 2014].

Семантические особенности лексем с отрицательным значением при многозначности и (или) широкозначности основы

Многозначные и (или) широкозначные однокоренные лексемы с префиксальным отрицанием способны демонстрировать непростые и не всегда прозрачные семантические признаки, подобно описанному выше примеру с *displace*. Рассмотрим однокоренную пару дериватов, в которой семантические признаки глагольных лексем *misdo* и *undo* различны, что среди прочего может указывать на очевидную несхожесть контекстов их употребления. Если глагол *misdo*, означающий «поступать неправильно; ошибаться», семантически достаточно прозрачен, то однокоренной глагол *undo*, образованный посредством другого отрицательного префикса, демонстрирует иные семантические характеристики. Согласно «Большому англо-русскому юридическому словарю», первое значение *undo* – «расторгнуть, аннулировать», а второе – «разорять, доводить до разорения» [Пивовар 2003, с. 819]. Однако главный вопрос, связанный с отрицательной семантикой глагола *undo*, состоит в многозначности лексемы, ее полисемии и, как следствие, в значительно большем разнообразии контекстов употребления. Другими словами, в данном случает нет оснований автоматического признания за однокоренными лексемами синонимических отношений. В связи со сказанным,

важным следует признать мнение О. Н. Селиверстовой о том, что «разные информации, передаваемые через одно означающее, могут отличаться друг от друга разным количеством признаков» [Селиверстова 2004, с. 308]. При этом лингвист имеет в виду основы слов, не аффиксы. В вышеописанном примере *misdo* и *undo* именно неодинаковая информативность двух глагольных лексем обращает на себя внимание при анализе их значений.

Небезынтересно и другое мнение О. Н. Селиверстовой, в котором она предостерегает от понимания многозначности как широкозначности, поскольку для последней характерна максимальная степень обобщения, которая в конкретных случаях употребления сужается и конкретизируется [Селиверстова 2004]. Исходя из этого, убедительным представляется пример однокоренных атрибутивных лексем *disqualified* и *unqualified* [Словарь-справочник 2003]. Первая лексема получила широкое использование в спортивном дискурсе, где международные состязания, как правило, не обходятся без дисквалификаций:

disqualified athletes – дисквалифицированные спортсмены; спортсмены, потерявшие право выступать в дальнейших турнирах [ABBYY 2014].

В то же время правовая сфера, в частности судебное производство, содержит данную лексему в схожем значении – «лишенный права», в данном случае права выступать в качестве присяжного, например:

disqualified juror – дисквалифицированный присяжный [там же].

Иные семантические свойства демонстрирует однокоренная лексема *unqualified*, которая имеет не одно значение, а целый ряд, указывающий на ее многозначность: «неквалифицированный; необразованный, неподготовленный; не пригодный (к чему-л.); несоответствующий; не имеющий соответствующей подготовки; не отвечающий требованиям», например:

unqualified person – лицо, не удовлетворяющее установленным требованиям;
unqualified voter – лицо, не удовлетворяющее избирательному цензу; лицо, не имеющее права голоса [там же].

В то же время анализируемая лексема может принимать в специальных контекстах и другие значения: «абсолютный, безоговорочный, безусловный, неограниченный», например:

unqualified undertaking – безоговорочное обязательство;
unqualified sovereignty – неограниченный суверенитет [там же].

Так, в контексте банковского дела и банковских операций находим следующие коллокации: *unqualified approval – безоговорочное одобрение*, в аудиторском деле: *unqualified opinion – безусловно-положительное заключение аудитора* [там же].

Подобного рода семантическое несходство в рамках семантики одной лексемы позволяет заключить, что в случае с *unqualified* обнаруживает себя амбивалентность. Амбивалентность понимается здесь традиционно как совмещение в семантике слова противоположных по смыслу значений [Баранов 2003]. Из этого следует, что отрицательные префиксы способны образовывать не только смыслы в спектре негативного континуума, но и позитивные смыслы.

Аргументы в пользу амбивалентной семантики рассмотренных примеров соотносятся с мнением О. Н. Селиверстовой, которая в своих работах по семантике многозначности отмечала: «Выделение общих компонентов позволяет рассматривать семантическую структуру многозначного слова как состоящую из константных и переменных элементов» [Селиверстова 2004, с. 308]. Лингвист далее отмечает, что «признаки, которые были названы «переменными», являются такими лишь по отношению к общей структуре многозначного слова, но они постоянны для каждого отдельного значения» [там же].

Еще один пример однокоренных атрибутивных лексем *unsatisfied – dissatisfied* [Словарь-справочник 2003, с. 742]. В общих контекстах лексема *unsatisfied* понимается как *неудовлетворенный*, *неуспокоенный*; *тревожный*, в то время как в финансово-экономических контекстах специальные значения данной лексемы касаются важного обстоятельства возврата долга (кредита, ссуды и т. п.) – «невыплаченный, невозвращенный, непогашенный (о каком-л. финансовом обязательстве)»; в юридических контекстах значение может передаваться следующим образом: «неисполненный; неудовлетворенный; невзысканный», например, *unsatisfied judgement* – «неисполненное судебное решение» [ABBYY 2014]. Вторая лексема *dissatisfied* – «неудовлетворенный,

недовольный, раздосадованный чем-л. (человек)» [ABBYY 2014]. Как следует из словарных русскоязычных соответствий двух однокоренных лексем *unsatisfied – dissatisfied*, синонимичными можно назвать только их общеупотребительные, или обиходные, значения, что убедительно доказывает правомерность утверждения О. Н. Селиверстовой о «постоянстве» переменных признаков специальных значений.

Заключение

В ходе анализа грамматико-семантических особенностей однокоренных лексем, образованных посредством различных отрицательных префиксов, были проанализированы следующие пары дериватов: *misdo* и *undo*, *misplacement* и *displacement*; *unqualified* и *disqualified*; *unsatisfied* и *dissatisfied* и другие. Анализ позволил выявить как наличие синонимических отношений, так и отсутствие таковых между единицами английской лексики из общеупотребительного пласта и языков для специальных целей, имеющих семантику отрицания. Отношения между постоянными и переменными признаками грамматической семантики рассмотренных единиц характеризуются слабой предсказуемостью и выраженной контекстной зависимостью, участвуя в фиксации отрицания в несхожих предметно-деятельностных контекстах. Поскольку образованные для передачи негации дериваты не позволяют с очевидностью говорить о полной синонимии форм, это оставляет вопрос о характере семантических отношений между ними требующим дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. [Apresyan, Yu. D. (1995). Izbrannyje Trudy. (Selected Works): in 2 vols. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russ.)].

Баранов А. Н. [и др.]. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Изд. 2-е, исп. и доп. М.: Азбуковник, 2001. [Baranov A. N. et al. (2001). Anglo-russkyj slovar' po lingvistike i semiotike (English–Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics). 2e izd., isp. i dop. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].

Власенко С. В. Английская юридическая терминология с префиксальным отрицанием: анализ морфемной семантики // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 840 (11). С. 36–48. [Vlasenko, S. V. (2020). Legal English Terminology with Prefixal Negation: A Morphosemantic Analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(840), 36–48. (In Russ.)].

Затуловская С. М. Отрицательные префиксы в английском языке: опыт диахронно-синхронных исследований: дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. [Zatulovskaya, S. M. (1978). Otritsatel'nujye prefiksy v anglijskom yazyke: Opyt diakhronno-sinkhronnykh issledovanyj. (Negative Prefixes in the English Language: Experimental Diachronic and Synchronic Research): PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Мельчук И. А. Курс общей морфологии / пер. с фр. М.: Языки русской культуры; Вена: Издательская группа «Прогресс», 1997. [Mel'chuk, I. A. (1997). Kurs obschej morfologii (General Morphology Course). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; Viena: Izdatel'skaya gruppa «Progress». (In Rus.)]

Пивовар А. Г. Большой англо-русский юридический словарь. М.: Экзамен, 2003. [Pivovar, A. G. (2003). Bol'shoi Anglo-Russkii Yuridicheskii Slovar' (Great English–Russian Jurisprudence Dictionary). Moscow: Ekzamen. (In Russ.)].

Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Seliverstova, O. N. (2004). Trudy po semantike (Writings on Semantics). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury (In Russ.)].

Словарь-справочник 2003: Словарь-справочник по нормативному речеупотреблению. М.: Астрель, 2003. [Collins Cobuild. English Usage / The University of Birmingham. Harper Collins Publishers, 1995].

ABBYY 2014: Electronic Multilingual Dictionary, Version 16.0. ABBYY Software Ltd., 2014. URL: www.Lingvo.ru (дата обращения 22.03.2021).

УДК 811.81.371
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_31

Т. И. Грибанова, И. С. Лебедева, Е. Б. Павлова

Грибанова Т. И., старший преподаватель кафедры грамматики
и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
tigribanova65@yandex.ru

Лебедева И. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики
и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Павлова Е. Б., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета
английского языка Московского государственного лингвистического университета
lena.pavlova@live.ru

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ХЕДЖИРОВАНИЯ

В статье рассматривается отражение гендерных различий в использовании средств хеджирования в смешанных и несмешанных контекстах. Исследование проводилось с точки зрения их частотности в устной и письменной разновидностях неформальной коммуникации. Сравниваются два функциональных типа хеджей – эпистемический и аффективный – и анализируется их частотность и гендерная маркированность. Респонденты – 15 мужчин и 15 женщин, носители английского языка, работающие в настоящее время в Москве. Материалом для исследования послужила частная электронная переписка, телефонные разговоры и образцы неформального общения.

Ключевые слова: хеджирование; эпистемический хедж; аффективный хедж; гендер; смешанный контекст; разговорный язык.

T. I. Gribanova, I. S. Lebedeva, E. B. Pavlova

Gribanova T. I., Senior Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
tigribanova65@yandex.ru

Lebedeva I. S., PhD (Philology), Assistant Professor
at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Pavlova E. B., PhD (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
lena.pavlova@live.ru

CC BY

GENDER ASPECT OF HEDGING

The article looks into gender-related differences in the use of hedging devices in mixed and non-mixed informal contexts (both oral and written varieties). Two functional types of hedges – epistemic and affective – are compared and their frequencies are analyzed in same-sex and mixed-sex contexts. The participants are 15 male and 15 female native speakers of English currently working in Moscow. The materials for the research have been obtained from informal emails, telephone conversations and samples of face-to-face communication.

Key words: hedging; epistemic hedge; affective hedge; gender; mixed context; informal language.

Introduction

One of the major issues discussed by present-day researchers is the interrelation between the choice of linguistic means, their functions and social factors affecting communication. Among the social factors traditionally discussed in linguistics gender proves to be most controversial. Some scholars describe women's speech as different from that of men [Lakoff 1990; Tannen 1990; Caffi 2007; Durk et al 2008] suggesting that speech styles are affected by variability of the norm. D. Tannen argues that males` speech is more assertive and competitive "report talk", while females` is relational and supportive "rapport talk" [Tannen 1990]. This approach is supported by A. Colley and Z. Todo, whose research into email communication proved that female authors tended to maintain rapport and intimacy rather than male authors [Colley & Todo 2003]. Erickson, Lind, Johnson, and O'Barr refer to gender-marked speech in terms of the "poweful" and "powerless" speech styles, linked to social power and status [Erickson et al 1978]. Low-status speakers, unlike high-status ones, use powerless speech characterized by intensifiers (*so*, *very*), hedges (*I think*, *kinda*), hesitations (*uh*, *well*), hypercorrect grammar, questioning intonation (rising tones in declaratives), polite forms and gestures. Sachs claims that gender-marked language differences can be accounted for by social or environmental reasons [Sachs 2005]. Females' primary need is believed to be that of establishing rapport, while males' is that of manifesting status. Correspondingly, women tend to create intimacy, whereas men demonstrate independence. Yet, no direct link between such factors as subordination / dominance or closeness / distance, on the one hand, and a particular linguistic strategy, on the

other has been found so far. For instance, silence is not necessarily a sign of subordination, powerful speakers also resort to silence in some situations.

This also pertains to hedging devices as means of softening utterances by signaling noncommitment and imprecision. Some researchers claimed that the high frequency of hedges in females' speech is indicative of women`s indecisiveness and deficiency [O'Barr & Atkins 1980; Carli1990], whereas in recent years this argument has become contentious as linguistic interest has shifted towards the communicative functions of linguistic means in different sociolinguistic settings [Ehrlich et al 2014]. J. Holmes investigated the use of some hedging devices, such as *you know* [Holmes 1986], *sort of* [Holmes 1988] and singled out two primary functions of hedges – *affective* and *epistemic*. When used affectively, hedges express the speaker`s desire to build up and maintain interpersonal solidarity. When used epistemically, they express the speaker`s uncertainty about what is being said. Women generally use hedging devices as "positive politeness" strategies [Brown & Levinson 1987]. For example, *sort of* softens statements showing concern for other people's needs [Holmes 1988], *you know* serves as a facilitative device to involve others into conversation [Holmes 1986]. Unlike women, men use these hedges epistemically, i.e., to demonstrate their uncertainty and hesitancy [Holmes 1986; Holmes 1988]. The data obtained challenged the belief about women's insecure communication, interpreting their language as sensitive and caring rather than deficient.

At present the role of the context, *same-sex* vs. *mixed-sex*, is not obvious enough. Some researchers claim that gender differences are more likely to be marked in mixed settings, with male / female power differentiation being more pronounced there [Carli 1990; Woods 2011; Cabanes 2014]. Yet, others argue that mixed-sex contexts are characterized by diminished gender differences [Holmes 1986; Holmes 1988; Holmes 1990]. For example, affective hedges are often found in all-female (F / F) talk and are relatively scarce in all-male (M / M) conversation. On the other hand, men can display an accommodative shift and use affective hedges when talking to women [Holmes 1995].

The present research is an attempt to investigate the frequency and the functional potential of hedging devices used in same-sex and mixed-sex contexts by British and American speakers.

Methodology

For the purpose of the present research a total of 40 samples of authentic informal speech situations, both oral and written, have been subjected to thorough linguistic, contextual, comparative gender analysis. The participants (15 males and 15 females) were British and American expats currently working in Moscow. All of them had degrees of American and European universities above BA. The age of the participants ranged from 27 to 45.

The materials for the research have been obtained from informal emails, telephone conversations and samples of face-to-face communication.

The speech samples are provided by the participants themselves. The emails are taken in the form they were originally written. The oral samples (telephone talks and face-to-face communication) were recorded by the speakers and granted to the authors for analysis. In all cases the participants' permission to use their private information was obtained.

The research questions to be discussed are as follows:

1. Is there a significant gender-marked difference in the use of hedging devices in informal English?
2. What relevance does the context (same-sex vs. mixed-sex) and discourse type (oral / written) have for gender-marked differences?
3. To what extent do social factors other than gender (distance, topic (familiar / unfamiliar) and the speaker's emotional state, affect language behavior?

In the course of the analysis, several classes of hedging devices were traced:

- lexical – *sort of*, *kind of / kinda*, *about / around*;
- morphological – passive forms, modals;
- syntactic – *if*-clauses, tag-questions, structures *I think / suppose*, *you know*, declaratives used as questions;
- meta-discursive – pauses, hesitations.

Results and Discussion

The overall frequency of the hedging devices subjected to analysis is summed up in the pie-chart below (fig. 1).

The distribution of hedges in the two types of informal English, oral and written, proves that they are more common in oral speech:

– oral (telephone calls, face-to-face communication) – 75 %,
– written (e-mail messages) – 25 %.

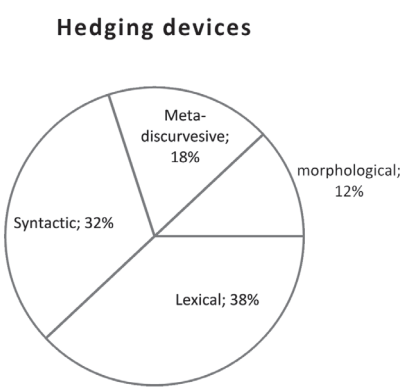

Figure 1. Hedging devices in gender-marked informal English: overall frequency

Gender-related accounts of hedging devices in linguistic literature are rather ambiguous, so the present research aimed to collect more linguistic evidence on hedging and gender.

The data obtained prove that there is no link between the speaker's gender and the choice of the linguistic form they opt for. In most cases it is not a matter of frequency of occurrence in gender-marked contexts, but rather a matter of functional diversity.

We agree that linguistic items used to mitigate the speaker's utterance can have either epistemic or affective power. When used epistemically, they mark linguistic imprecision or uncertainty. When used affectively, they attenuate the negative imposition of utterances, thus preventing disagreement. In both cases these forms signal the speaker's unintentional vagueness caused by their confusion over a particular linguistic choice.

Distribution of hedges in mixed and non-mixed contexts

One of the tasks set for the given research was to identify the role of the context in gender-marked communication, for this reason the hedging devices for the analysis were obtained from two types of contexts: mixed (male-to-female conversation) and non-mixed (male-to-male conversation, female-to-female conversation). The statistics prove that there is no significant difference in the use of hedges between these two types of contexts. Compare the overall distribution of hedges: mixed conversations – 53 %, non-mixed conversations – 47 %.

The analysis shows comparative frequencies of hedging devices in non-mixed oral contexts: 45 % of instances in F-F contexts against 55 % instances in M-M contexts.

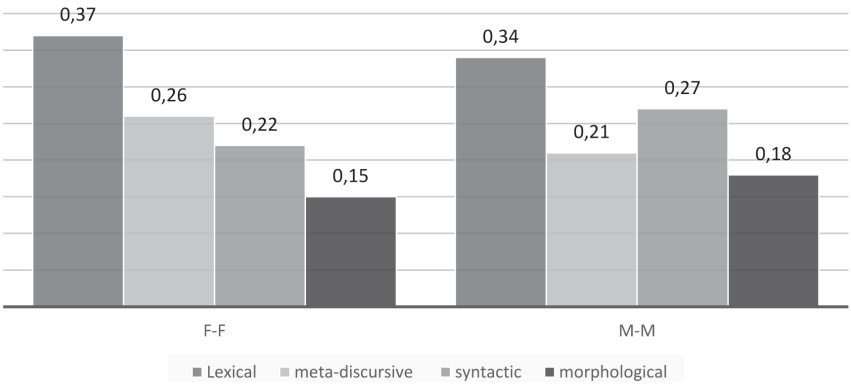

Figure 2. Hedge distribution in Non-mixed oral communication

In both contexts the most common are lexical hedges (37 % and 34 % of instances accordingly), whereas the least frequent is that of morphological hedges (15 % and 18 % of instances), e. g.:

- Discussing a friend at a party:

  He's as mad as she is but... ***sort of*** uncoordinated. His legs're going in different directions (*the lexical hedge* ***sort of*** *– in a F-F oral context*)

- Calling a father:

  Can I skip this ***sort of*** family reunion?
  (*the lexical hedge* ***sort of*** *– in a M-M oral context*)

- Calling a sister on a rainy day:

  It's absolutely hammering here now – all my lovely sunflowers ***might*** be knocked over... (*a morphological hedge – a modal verb – in a F-F oral context*)

- Talking about a colleague:

  How's Fiona? – Oh, she's fine, ***might*** get promotion soon (*a morphological hedge – a modal verb – in a M-M oral context*)

Meta-discursive devices – pauses, hesitations – rank second in F-F oral contexts (26 %) and third in M-M oral contexts (21 %), e. g.:

- Discussing a weekend:

  ...meant to be a week doing lots of work ... er ... but wake up feeling this ... er ...great. – Too much partying at the weekend? (*a meta-discursive hedge – a pause – in a F-F oral context*)

- Talking about fishing:

  I don't really fish Chesil, so I haven't really had ...er ... problems with spider crabs there and I never had a feeling of this ... er ... stuff (*a meta-discursive hedge – a hesitation – in a M-M oral context*)

Syntactic means prove to be more common in conversations between males. Compare: M-M – 27 %, F-F – 22 % of instances. E.g.:

- Discussing shopping on line:

  I've looked for the old VW repair book on line. – You don't have one? (*a syntactic hedge – a declarative used for questioning – in a M-M oral context*)

- Discussing booking a hotel:

  They charge about two thousand per night. But that's the average there, ***you know***. (*the syntactic hedge you know – in a M-M oral context*)

- Talking to a roommate:

  Where's that cheese we bought? – Fridge, ***I think***.
  (*the syntactic hedge I think – in a F-F oral context*)

The analysis of non-mixed informal written contexts points to the gender-neutral usage of the majority of hedging devices: 57 % of hedges in F-F contexts and 43 % hedges in M-M contexts.

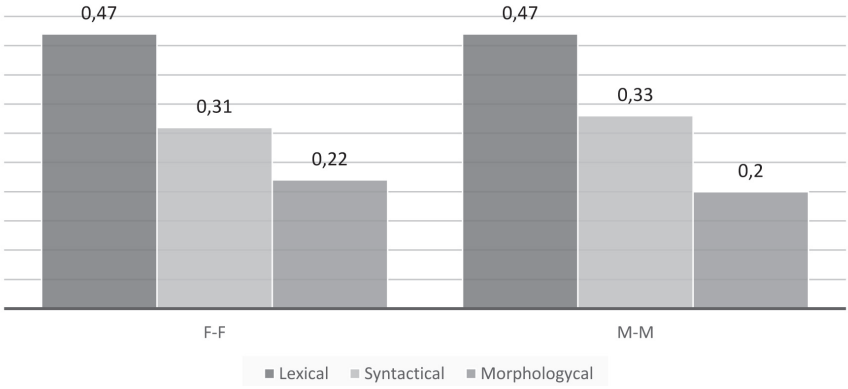

Figure 3. Hedge distribution in Non-mixed written communication

Noticeable gender-related difference in the non-mixed written contexts analyzed is of qualitative character. M-M contexts are characterized by greater variability of syntactic hedging devices, male speakers tend to employ a whole range of hedges, while females tend to use *I think, I suppose,* and declaratives used for questioning. E. g.:

- Writing to a son:

  I'm not sure, son. I could stay for another couple of days ***if there's no call from the office*** (*a syntactic means – an if-clause – in a M-M context)*

- Discussing a new house:

  They've nearly finished all the building work, ***haven't they***?
  (*a syntactic means – a tag-question – in a M-M context*)

- Discussing a friend's family problems:

  How is he taking the divorce thing? – Okay, ***I suppose***.
  (*a syntactic means – the structure I suppose – in a M-M context*)

- Writing about repair work:

  Guys, ***anyone used this***? – Jim, please, ***explain***? (*a syntactic means – a declarative used for questioning – in a M-M context*)

- During a coffee break:

  You all right for coffee, Jen? – Yeah, I'm all right, thanks.
  (*a syntactic means – a declarative used for questioning – in a F-F context*)

As for the use of passive forms for hedging, they are traced in both types of contexts, although their frequency is low: 1 instance in F-F contexts, and 2 instances in M-M contexts. E. g.:

- Discussing a friend:

  She just ***got picked up*** as a print model (*a F-F context*)

- Giving sugar to horses on a farm:

  I wasn't sure *I* ***was allowed*** to do that when we drove in. – I'm surprised you ***were allowed*** to pass him without doing it (*a M-M context*)

- Booking plane tickets:

  This had better ***get done*** today, until the cheapest are sold out (*a M-M context*)

The statistics for the mixed contexts suggest that the frequency of hedging devices used in oral speech – telephone calls and face-to-face communication (75%) – is three times as high as in written e-mails (25%).

The analysis of mixed-context oral communication reveals the predominant usage of lexical (44%) and syntactic (27%) hedging devices. E. g.:

- Describing a business trip:

  M. I was down in ... er ...a place called ... erm ... down in the Urals as well, ... erm ... Katherinburg. It's ***kind of*** east of Moscow.

  F. It's ***about*** two thousand km, right? (*the lexical hedges – **kind of**, **about***)

- Talking about a dog:

  F. Today's walk was too long for Holly, ***wasn't it***?

  M. I guess so. (*syntactic devices – a tag-question and **I guess***)

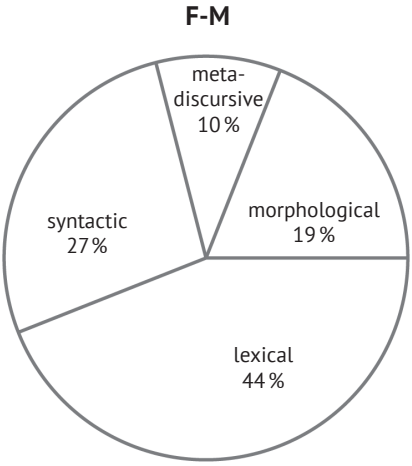

Figure 4. Hedge distribution in mixed oral communication

In the mixed contexts subjected to analysis, unlike the non-mixed ones, morphological hedges (modal verbs) proved to be more common than meta-discursive devices: 19% and 10% correspondingly. E. g.:

- Talking about friends:

  F. Kas said she ***may*** be down in the pub later today

  M. This ***might*** interest Doug. (*morphological devices – modal verbs*)

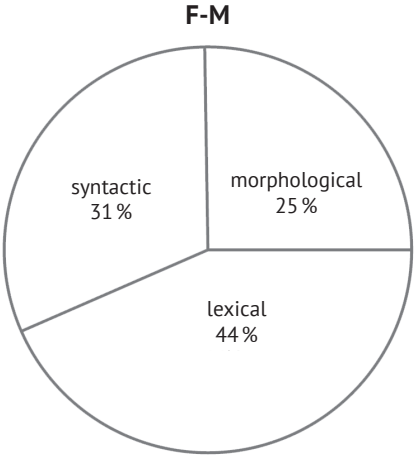

Figure 5. Hedge distribution in mixed written communication

- Talking on the phone:

  M. Thanks ever so much. Sorry about the delay.
  F. That's okay ... er ...right, where were we?
  (*meta-discursive devices – pauses*)

The mixed written contexts under analysis display a similar distribution of hedging devices compared to mixed oral contexts. The only difference revealed was absence of meta-discursive devices. E. g.:

- An email to a daughter moving to a Northern state:

  So these'll be okay in ice and snow and stuff? It's ***kind of*** hard sometimes though, isn't it? (*the lexical hedge* ***kind of***)

- Spouses talking:

  Think it might help with the moth problem, ***right***?
  (*the syntactic hedge* ***right***)

- Talking to a male relative:

  F. Hope you ***might*** listen in, know you'll have questions to ask us.
  M. I'll try to tune in, Jenny. (*a morphological device – the modal verb*)

According to the data obtained, gender-related differences in mixed-context communication can be traced both at the quantitative level (the frequency of hedging devices in oral speech is higher) and at the qualitative level (meta-discursive devices are not found in writing).

Hedges in gender-marked contexts: functional diversity

In the course of the research, a link between gender and the function of the hedge was revealed.

The example below is obtained from a conversation between two male clients at a veterinary clinic, e. g.:

> Um ... if you take your dying dog to the vet and ask … ask for ***sort of*** supporting medication, let's say a restorative or something like that, you expect an immediate reaction.

This passage contains several communicative clues: pauses, stammering and hesitations. The hedge is found in the mid-position. These features

contribute to interpreting *sort of* as a means of expressing imprecision, which clearly indicates the speaker's struggle for searching an appropriate lexical item.

The next example illustrates the epistemic power of the hedge *kind of*, e. g.:

M–M: Could be free – or ***kinda*** free.

The example below demonstrates the affective power of the expression *sort of* in a discussion about redistributing chores between the male roommates, e. g.:

Why – ***sort*** ... ***sort of*** why do you think that you have the right to decide for us all?

In this case the hedge is used not to indicate uncertainty but to mitigate disagreement, performing the function of *face protection* [Goffman 1955]. The mitigated proposition allows the speaker to disclaim responsibility for the act of denial.

Kind of can also be used to express affect rather than mitigation, e. g.:

M–F: What? I can't be ***kind of*** beast father and a tough grandfather?

The data obtained prove that the affective *sort of* and *kind of* are found in communicative situations covering emotional and confrontational topics.

Clear cut gender-related differences were observed in the use of *you know.* When used epistemically, this hedge signals imprecision, lack of confidence and lack of assurance. It is generally found at the end of utterances and in oral communication bears a rising tone, e. g.:

- Two female friends talking:

  I'm such a slow writer, it would be a dismal, ***you know***.

When used affectively, *you know* appeals to the listener's involvement. It is found both at the end and at the beginning of the utterance, e. g.:

- A man talking to his wife:

  I'm a total noob with tie tying, ***you know***.

- Reproaching a friend:

  You know, you should have said it an hour ago.

- Refusing a date:
  My next weekend is booked up, ***you know***.

According to the collected data, the epistemic *you know* is used by both males (46%) and females (54%) in mixed and non-mixed contexts.

The affective *you know* is more typical of males' speech (60%). When used in females' speech (40%), the affective *you know* contributes to building up rapport.

Conclusion

The data obtained show that there is no direct correspondence between the choice of the hedge and the speaker's gender in informal English. The quantitative and qualitative analyses show that the use of most hedges is gender-neutral, both in mixed-sex and same-sex communication. Only some of them are gender-marked: syntactic means prove to be more frequent in M–M than in F–F contexts. Meta-discursive devices are more common in same-sex communication.

The discourse type parameter, in terms of gender differences, proves to be relevant in the following cases. In mixed-sex communication hedging devices are three times more frequent in oral speech than in writing. Meta-discursive devices used as hedges are not traced in written discourse.

The material under analysis shows little influence of other social factors, besides gender, on the choice of hedging devices. Here we can mention only unfamiliarity with the topic discussed.

The speaker's emotional state (agitation, doubt, uncertainty) contributes to the use of hedges. This parameter can be related to the functions of hedges, namely, epistemic and affective.

Epistemic hedges are used by males and females in a similar way: they show imprecision, uncertainty and indicate the speakers' non-commitment to what is being discussed. Significant gender-related differences were observed in the use of affective hedges. Females used them to build rapport and express solidarity, whereas males – to express independence and power.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

O'Barr W. M. & Atkins B. K. "Women's language" or "powerless language" // Women and language in literature and society. New York: Prager, 2001. P. 93–110.

Brown P. & Levinson S. Universals in language use: Politeness phenomena. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Cabanes P. A. A contrastive analysis of hedging in English and Spanish architecture project description // RESLA. 2014. Vol. 20. P. 139–158.

Caffi C. Mitigation. Amsterdam: Elsevier, 2007.

Carli L. L. Gender, language and influence // Journal of Personality and social Psychology. 1990. Vol. 59. P. 941–951.

Colley A. & Todo Z. Gender linked differences in the style of content of E-mails to friends // Language in Society. 2003. P. 381–391.

Dixon J. & Foster D. Gender and Hedging: From sex differences to situated practice // Journal of Psycholinguistic Research. 1997. Vol. 26, № 1. P. 89–107.

Durik A. M. et al. The effects of hedges in persuasive arguments – A nuance analysis of language // Journal of Language and Social Psychology. 2008. Vol. 27, № 3. P. 217–234.

Ehrlich S. et al. The handbook of language, gender and sexuality. Chichester: Wiley-Blackwell, 2014.

Erickson et al. Speech style and impression formation in a court setting: the affects of "powerful" and "powerless" speech // Journal of Experimental Social Psychology. 1978. Vol. 14. P. 266–279.

Goffman E. On facework: An analysis of ritual elements in social interaction // Communication in face-to-face interaction. Harmondsworth, England: Penguin, 1955. P. 319–346.

Holmes J. Functions of you know in women's and men's speech // Language in Society. 1986. Vol. 15. P. 1–22.

Holmes J. Sort of in New Zealand women's and men's speech // Studia Linguistica. 1988. Vol. 42. P. 85–121.

Lakoff R. Talking power. The politics of language. New York: Basics Books, 1990.

Sachs M. A. Gender differences in E-mail communication. 2005. URL: http: // www. Google.com/sociolinguistics/gender (дата обращения: 10.03.2021).

Tannen D. You just do not understand: Women and men in conversation. New York: William Morrow and Company, 1990.

Woods J. T. Gendered likes: Communication, Gender and Culture. Boston, MA: Wadsworth Cenage Learning, 2011.

УДК 811.111'1
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_44

М. В. Гурецкая

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
meribell2009@yandex.ru

ДИАХРОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ» (на материале английской художественной прозы XIV–XX вв.)

В статье обсуждаются семантика и средства выражения концепта «состояние» на примере письменных памятников XIV–XX вв. Гипотетически предполагается, что диахронные преобразования концепта «состояние» в английском языке отражают изменения в языковой картине мира лингвистического сообщества на протяжении этого исторического периода. В исследовании предпринята попытка объяснить, каким образом преобразования концепта «состояние» отражают изменения языковой картины мира через призму художественной прозы.

Ключевые слова: диахрония; языковая картина мира; концепт состояние; гештальт-функция; структурно-семантические модели.

M. V. Guretskaya

PhD Student,
Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English language,
Moscow State Linguistic University
meribell2009@yandex.ru

DIACHRONIC CHANGES IN REPRESENTATION OF THE CONCEPT «STATE» (based on the English prose of 14–20th cc.)

This article discusses semantics and means of expressing the concept «state» as instantiated by the written records of the 14–20th centuries. It is presumed that diachronic transformations of "state" representation in English reflect the changes in the language world view of a linguistic community over a certain historical period. This study attempts to provide explanation how transformation of "state" representation reflects evolution of language world view through the literature of the above period.

Key words: diachrony; language world view; concept «state»; gestalt function; structural-semantic modeling.

CC BY

Введение

В данной работе предпринимается попытка диахронного исследования категории «состояние» в английском языке в XIV–XX веках. Основная цель предлагаемой статьи – интерпретация диахронных изменений в репрезентации субконцептов концепта «состояние» – «результативное состояние» и «нерезультативное состояние» – в свете гипотезы: диахронные изменения концепта «состояние» являются отражением изменений в языковой картине мира, которые связаны с эволюцией и упорядочением концептосферы человека по мере концептуализации накопленного человеком опыта и роста обрабатываемой языком информации.

Обсуждая подходы к проблематике диахронической концептологии, Т. С. Сорокина отмечает, что «в диахронии существуют два подхода к реконструкции концептов: ономасиологический (концептуальная картина мира) и семасиологический (лексические и грамматические средства для обнаружения концепта, языковая картина мира), и наибольший эффект для диахронической концептологии дает совмещение этих двух подходов» [Сорокина 2012, с. 9–10].

Обратимся к трактовке термина «языковая картина мира», который важен для настоящей работы. Так, Н. Ю. Шведова описывает языковую картину мира как «выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей у представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999, с. 15]. Наиболее близкими нам видятся определения М. В. Никитина, который описывает языковую картину мира как ментальное образование, представленное лексическими, фразеологическими и синтаксическими средствами, составляющими семантическое пространство языка. Также в его понимании языковая картина мира представляется целостным континуумом информации о внешнем и внутреннем мире, закрепленной средствами живых национальных разговорных языков [Никитин 1999]. Еще одно точное определение было сформулировано Е. С. Кубряковой: «Языковая картина мира – это проекция концептуальной системы нашего сознания» [Кубрякова

1997, с. 47]. Ментальная основа языковой картины мира и ее вербализация в языке подчеркивается посредством разнообразных грамматических и лексических средств. Особый интерес для нас представляют диахронные изменения языковой картины мира. Следует отметить, что они часто зафиксированы в художественных текстах [Устинова 2014]. В связи с этим ниже мы обратимся к понятию художественной картины мира, описанному Б. С. Мейлах [Мейлах 1983]. По мнению Т. А. Чернышевой, ее роль в создании наглядных образов и глубине постижения реальности невозможно переоценить [Чернышева 1986].

Методологией предлагаемого исследования является когнитивная семантика, диахроническая концептология, структурно-семантическое моделирование, теория динамической природы языковой системы, функциональная грамматика и теория гештальта.

Реализация концепта «состояние» в диахронии

В нашем исследовании мы проанализировали репрезентацию концепта «состояние» на основе литературных памятников XIV–XX веков. Доли субконцептов «нерезультативное состояние» и «результативное состояние» представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 демонстрирует преобладание нерезультативного состояния над результативным на протяжении всего рассматриваемого периода. Незначительное изменение динамики зафиксировано в XVII веке, где доля субконцепта «нерезультативное состояние» немного увеличивается и продолжает развитие в том же направлении

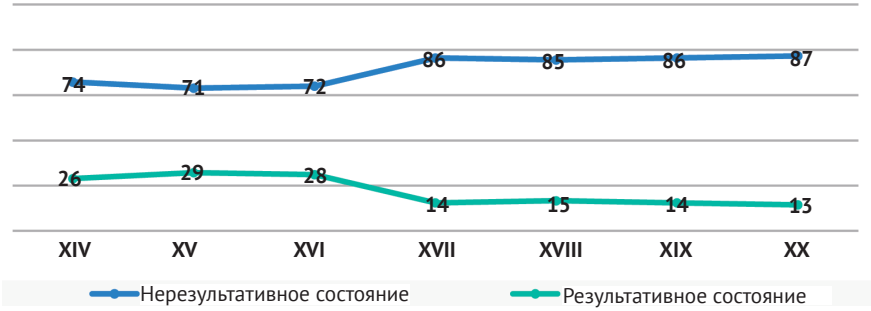

Рис. 1. Доля субконцептов «результативное состояние» и «нерезультативное состояние» (XIV–XX вв.)

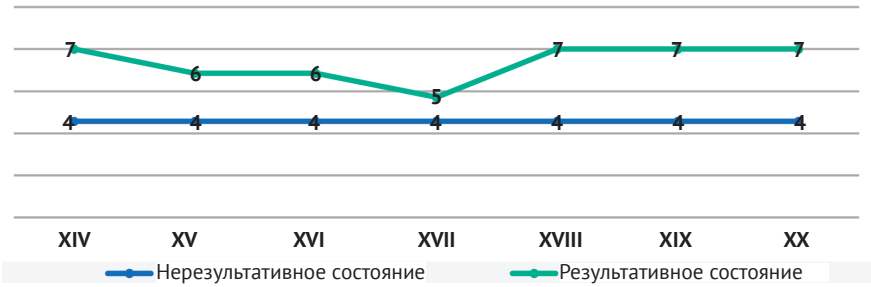

Рис. 2. Количество структурно-семантических моделей в субконцептах «нерезультативное состояние» и «результативное состояние» (XIV–XX вв.)

до XX века. Доля субконцепта «результативное состояние», напротив, демонстрирует незначительный спад в том же XVII веке, который удерживается на одном уровне до конца периода. Отметим, что XVII век выделяется в качестве стартовой точки изменений, единой для обоих субконцептов.

Средства репрезентации концепта «состояние», т. е. выделенные нами структурно-семантические модели, демонстрируют небольшие количественные изменения для субконцепта «нерезультативное состояние», которые приходятся на XVII век (см. рис. 2). При этом наиболее частотными для концепта в целом оказались модели **NP V** (**link**) **AP** и **NP V** (**be + Part II**) **PP**.

Семантика концепта «состояние» представлена в данном исследовании как реализация пяти гештальтфункций (ГФ): «физическое состояние», «психологическое состояние», «вовлеченность в движение», «вовлеченность в действие» и «социальный статус». Их количество в XIV–XX веках варьируется (от трех до пяти) с небольшими флюктуациями (данные представлены на рис. 3).

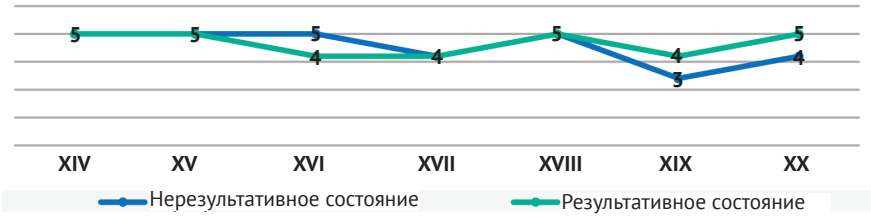

Рис. 3. Количество гештальтфункций (XIV–XX вв.)

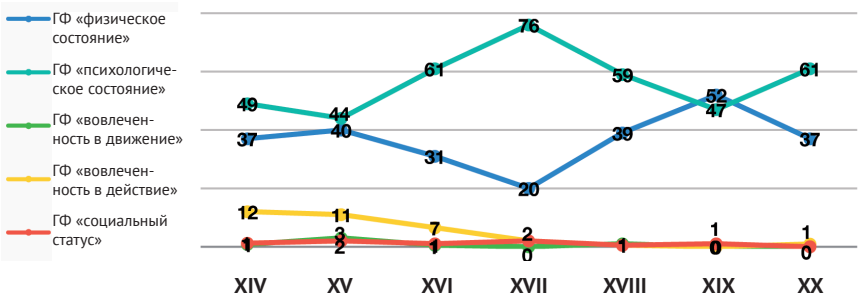

Рис. 4. Гештальтфункции субконцепта «нерезультативное состояние» (XIV–XX вв.)

Рисунок 4 иллюстрирует соотношение ГФ субконцепта «нерезультативное состояние» в XIV–XX веках. Данные анализа указывают на то, что относительная частотность ГФ «психологическое состояние» растет к XVII веку, несколько снижается к XIX и вновь возрастает к XX веку. Относительная частотность ГФ «физическое состояние», напротив, снижается к XVII веку, далее к XIX веку возрастает и вновь несколько падает в XX. Остальные ГФ демонстрируют относительную количественную стабильность на протяжении рассматриваемого периода. Интересно отметить, что здесь помимо первой точки в динамике диахронных изменений, которая отражает смену направления эволюции определенного параметра (XVII в.), появляется вторая точка (XIX в.), которая регистрирует изменение направления развития на противоположное. Мы будем называть эти моменты «точками разлома».

На рисунке 5 мы видим, что первый подъем относительной частотности ГФ «физическое состояние» приходится на XVII век, а второй на XIX. Обратная картина наблюдается для ГФ «психологическое состояние»: первое снижение ее относительной частотности проявляется в XVII веке, а второе – в XIX. Затем следует выравнивание этих величин к значениям, близким к первоначальным (XIV век). Таким образом, здесь обращают на себя внимание те же две «точки разлома», что и на предыдущей диаграмме.

Обозначенные нами выше тенденции находят подтверждение при исследовании количественных изменений ГФ концепта «состояние» в целом, представленных на рисунке 6: те же две точки разлома

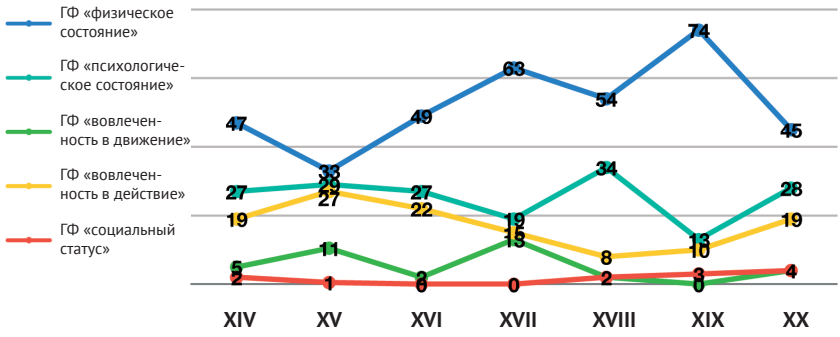

Рис. 5. Гештальтфункции субконцепта «результативное состояние» (XIV–XX вв.)

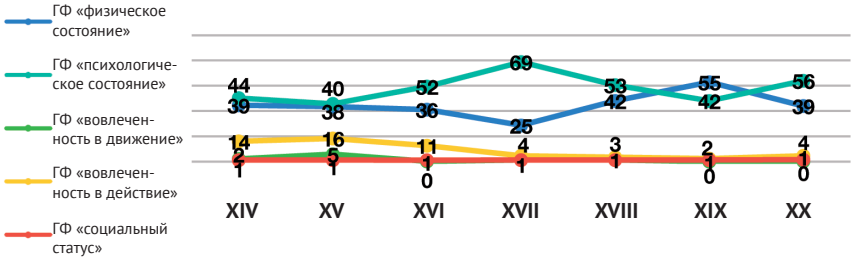

Рис. 6. Гештальт-функции концепта «состояние» (XIV–XX вв.)

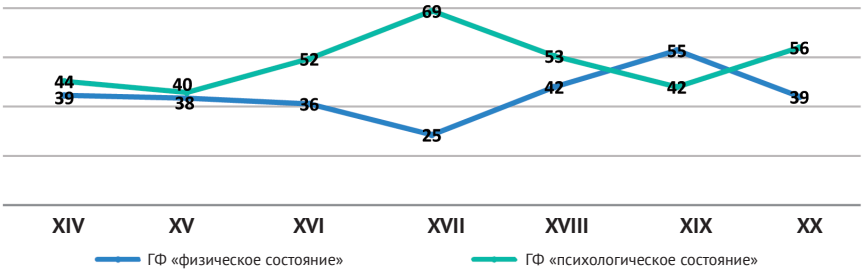

Рис. 7. ГФ «физическое состояние» и ГФ «психологическое состояние» (XIV–XX вв.)

в XVII и в XIX веках и, соответственно, рост и падение относительной частотности ГФ к XX веку.

Отдельно рассмотрим на рисунке 7 наиболее частотные для всего концепта ГФ: «физическое состояние» и «психологическое состояние».

Мы видим, что ГФ «физическое состояние» демонстрирует снижение относительной частотности к XVII веку, подъем к XIX и вновь снижение в XX веке. ГФ «психологическое состояние» обнаруживает противоположные тенденции в тех же «точках разлома».

Далее в нашем исследовании было выделено 30 семантических функций (СФ), по-разному объединенных в рамках ГФ. СФ описаны нами по градации от СФ01 до СФ30, где каждому обозначению соответствует определенное наименование. Наиболее употребительными по данным анализа оказались СФ01 («стабильное физическое состояние») и СФ08 («стабильное психологическое состояние»), которые являются ядерными для ГФ «физическое состояние» и ГФ «психологическое состояние» соответственно. На рисунке 8 представлено изменение соотношения данных функций в анализируемый нами период.

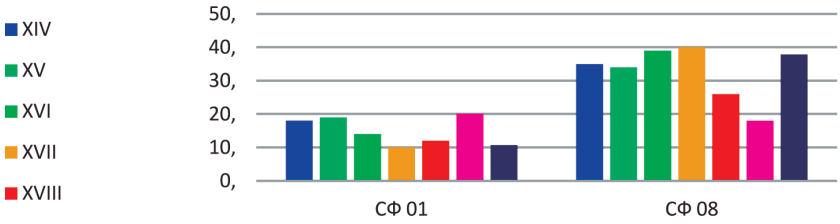

Рис. 8. СФ01 и СФ08 концепта «состояние» (XIV–XX вв.)

Исследование обнаруживает снижение относительной частотности СФ01 к XVII веку с незначительной флуктуацией в XV веке, подъем наблюдается в XIX веке и резкое снижение в XX веке. Эти данные в целом отражают динамику развития ГФ «физическое состояние».

СФ08 демонстрирует высокие результаты вплоть до XVII века (с незначительной флуктуацией в XV в.), далее резкий спад в XIX веке и заметный подъем в XX. Данные по СФ08 также близки к тенденции, отмечаемой для ГФ «психологическое состояние» в целом.

Ряд СФ на анализируемом материале не встретились. К ним относятся СФ18 (вовлеченность в движение – причина / источник) и СФ28 (социальный статус – локализованность в пространстве).

На основании проведенного исследования мы можем сделать вывод о диахронных изменениях репрезентации концепта «состояние» на протяжении XIV–XX веков: она меняется с ярко выраженной динамикой и обнаруживает определенные точки разлома (XVII, XIX и XX вв.), фиксирующие изменения направления развития определенных параметров на противоположные.

Как указывалось выше, наша работа строится на гипотезе о том, что диахронные изменения концепта «состояние» являются отражением изменений в языковой картине мира, связанными с эволюцией и упорядочением концептосферы человека по мере концептуализации накопленного человеком опыта и роста обрабатываемой языком информации. Следовательно, попытка рассмотрения возможных изменений языковой картины мира предполагает учет отражения в языке особенностей в восприятии человеком мира и его взаимодействия с окружающей средой, его опыта познания мира, мотивации поведения и его отношений с обществом, ценностной ориентации и т. п., оказывающих влияние на процесс отбора, сохранения и считывания языком информации.

На наш взгляд, отмеченные выше основные направления и «точки разлома» в динамике репрезентации концепта «состояние» отражают изменения в мировоззрении и мироощущении английского этноса, доступные нам через художественную литературу.

Художественный текст традиционно служит одним из источников познания в лингвистике [Устинова 2014]. Более того, художественная картина мира является связующим элементом всех частей картины мира, поскольку без наглядности и схожести, которыми характеризуется художественный образ, невозможно панорамно-образное представление о мире.

Так, первая «точка разлома» приходится на XVII век. В нашем исследовании он по большей части представлен произведениями У. Шекспира, которые относятся ко второму периоду его творчества: «тревожные» трагедии «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Король Лир». У. Шекспир жил и творил на рубеже XVI–XVII веков – в период позднего Возрождения. Именно в эпоху Возрождения были сделаны весомые открытия в области психологизма, когда внутренняя жизнь человека рисовалась как сложное переплетение настроений, размышлений, состояний и т. п.

Трагизм ситуации в произведениях У. Шекспира этого периода сопровождается усиленным вниманием к психологическому состоянию его героев. Заметный количественный рост реализации ГФ «психологическое состояние» в этот период, вероятно, можно объяснить отражением переломного момента в мироощущении человека той эпохи и, следовательно, в его языковой картине мира, дошедшей для нас сквозь призму художественной литературы.

Вторая точка разлома приходится на XIX век, т. е. на викторианскую эпоху.

В литературе XIX века отмечаются два главных направления – романтизм и реализм. Отличительной особенностью викторианской литературы является ее положение между романтизмом и модернизмом XX века, а также доминирующая роль романа, который представлен разными жанрами: романтическим, реалистическим, сенсационным, сентиментальным («домашним») и готическим. В нашем исследовании анализируются романы Ш. Бронте, У. Коллинза, М. Шелли, Б. Стокера и Ч. Диккенса.

Английская литература викторианской эпохи не развивалась в едином русле: в сравнении с литературой предшествующего периода она отличается «опорой на традиции сентиментального бытового романа с преимущественным акцентом на обыденном, прозаическом» [История зарубежной литературы 1991, с. 520]. Основными темами раннего периода эпохи были викторианские ценности и обрисовка быта и нравов мелкопоместного дворянства: семьи, усадьбы, садов, природы. Романтическая линия прослеживается в описании характеров, в частности, через внешние объекты, события, место и время. Реализм также уделяет внимание описанию физических объектов и психологического состояния героев. В готических романах сочетаются физиологический и физический ужас, тайна и сверхъестественное.

Вышеперечисленные черты отражают, на наш взгляд, характер картины мира англоязычного сообщества той эпохи и, как следствие, обусловливают изменения в репрезентации концепта «состояние», к которым относится, например, рост относительной частотности ГФ «физическое состояние».

В XX веке в английской литературе происходит развитие уже упомянутой тенденции: переход к психологическому роману модернистского направления. Наиболее плодотворные модернистские

тенденции в Англии: психологизм школы В. Вульф, «поток сознания» Дж. Джойса. Так, школой В. Вульф развиваются теоретические принципы психологической школы письма. «Поток сознания» как техника письма – это алогичный монолог, воспроизводящий хаос мысли и переживаний, мельчайших движений души. Фокус смещается на внутренний мир человека и его переживания. В нашем исследовании английский модернизм представлен авторами Дж. Р. Р. Толкином и У. Голдингом.

Анализ литературной критики показал, что одна из центральных идей современной западной литературы (жизнь – тяжелый крест; собственная жизнь – тяжкий гнет судьбы, страдания – испытания с безрадостным итогом), которая выражается путем изображения серии устойчивых психологических состояний персонажей и их увлеченности своим состоянием, путем сгущения красок и как результат большей свободы творческого воображения [Татаринов 2015] в большой мере характерна и для английской литературы XX века. Это в определенной степени может объяснить смену направлений в развитии одного из параметров репрезентации концепта «состояние», а именно, рост частотности ГФ «психологическое состояние».

Таким образом, точки максимального расхождения значений частотности репрезентантов концепта состояние, которые приходятся на XVII, XIX и XX века, могут найти возможное объяснение в изменении восприятия человеком объективной реальности, что отражается в литературных памятниках соответствующей исторической эпохи.

Заключение

Анализ диахронных изменений репрезентации концепта «состояние» в XIV–XX веках позволил прийти к следующим выводам:

1) репрезентация концепта «состояние» в указанный исторический период демонстрирует динамику своих параметров: смену направлений развития, фиксированную в определенных «точках разлома» (XVII и XIX вв.), а также в переходе к современному периоду (XX в.);
2) совпадение «точек разлома» в динамике абсолютного большинства параметров репрезентации концепта «состояние» в указанный исторический период не является случайным.

Оно находит отражение в языковой картине мира английского этноса через ее преломление в художественной литературе соответствующих эпох. Это подтверждает предложенную нами гипотезу;

3) исследование языка художественной литературы способно дать достоверное представление о картине мира носителей языка определенного этноса в различные временные периоды. Выбранные нами письменные памятники представляются достоверным источником информации о картине мира англоязычного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

История зарубежной литературы XIX века: учеб. пособие / под ред. Н. А. Соловьевой. М.: Высшая школа, 1991. [Solov'eva, N. A. (ed.), (1991). Istorija zarubezhnoj literatury XIX veka (History of foreign literature of the 19th century): training manual. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997. [Kubrjakova, E. S. (1997). Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija (Parts of speech from cognitive point of view). Moscow: Institute of Linguistics. Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].

Мейлах Б. С. Философия искусства и художественная картина мира // Вопросы философии. 1983. № 7. С. 116–125. [Mejlah, B. S. (1983). Filosofija iskusstva i hudozhestvennaja kartina mira (Philosophy of art and art view of the world). Voprosy filosofii, 7, 116–125. (In Russ.)].

Никитин М. В. Об отражении картины мира в языке // STUDIA LINGUISTICA XVIII. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб.: Политехника-сервис, 1999. [Nikitin, M. V. (1999). Ob otrazhenii kartiny mira v jazyke (About reflection of worldview in language). STUDIA LINGUISTICA XVIII. Slovo, predlozhenie i tekst kak interpretirujushhie sistemy. St. Petersburg: Politehnika-servis. (In Russ.)].

Сорокина Т. С. Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 27 (660). С. 9–21. [Sorokina, T. S. (2012) Diachronic approach to conceptual evolution: methods of analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 27(660), 9–21. (In Russ.)].

Татаринов А. В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 5. С. 395–406. [Tatarinov, A. V. (2015). World outlook strategy in the modern American novel. Liberal arts in Russia, 4(5), 395–406. (In Russ.)].

Устинова О. В. Отражение языковой картины мира франко-канадцев и англо-канадцев в национальной художественной литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 74–82 [Ustinova, O. V. (2014). Canadian literature as a linguistic reflection of the worldview of French and English Canadians. RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics, 1, 74–82 (In Russ.)].

Чернышева Т. А. Художественная картина мира, экологическая ниша и научная фантастика // Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. Ленинград: Наука, 1986. С. 55–74. [Chernysheva, T. A. (1986). Hudozhestvennaja kartina mira, jekologicheskaja nisha i nauchnaja fantastika. (Art picture of the world, ecological niche and science fiction). Hudozhestvennoe tvorchestvo: Voprosy kompleksnogo izuchenija (pp. 55–74). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16. [Shvedova, N. Ju. (1999). Teoreticheskie rezul'taty, poluchennye v rabote nad «Russkim sintaksicheskim slovarem». (Theoretical results received from work with «Russian dictionary of syntax). Voprosy jazykoznanija, 1, 3–16. (In Russ.)].

УДК 81.112
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_56

А. В. Керова

старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
aliker@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ В НОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

В статье представлен диахронный анализ синтаксических средств репрезентации эмотивной интенции в английском поэтическом дискурсе XVII–XX вв. В этой связи рассматриваются термины «экспрессивность», «эмоциональность», «эмотивность» и «эмотивная интенция», а также проведен анализ изменений в наборе эмотивных синтаксических конструкций в поэзии новоанглийского периода. Со становлением норм литературного языка и ростом грамотности синтаксическая организация предложения становится важным средством выразительности, значительно расширяется диапазон эмотивных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: эмотивность; эмотивная интенция; поэтический дискурс; синтаксис; восклицательное предложение.

A. V. Kerova

Senior Lecturer,
Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
aliker@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF SYNTACTIC MEANS EXPRESSING EMOTIVE INTENTION IN THE NEW ENGLISH PERIOD

The article presents a diachronic analysis of linguistic means which serve to express syntactic means expressing emotive intention in the English poetry of the 17th –20th centuries. In this connection, the terms «expressivity», «emotivity» and «emotive intention» are studied and the set of syntactic structures in New English poetry is analysed. Due to the standardization of the literary language and growth of literacy, the syntactic structure of the sentence becomes another important expressive means, and the number of expressive syntactic structures gets higher.

Key words: emotivity; emotive intention; poetry; syntax; exclamatory sentence.

CC BY

Введение

В статье исследуются изменения в наборе синтаксических средств, служащих для выражения эмотивной интенции в поэтическом дискурсе новоанглийского периода. ***Предметом*** исследования являются синтаксические конструкции, характерные для британской поэзии с начала XVII и до конца XX века.

Объектом изучения выступают изменения, наблюдаемые в наборе синтаксических конструкций, наиболее частотных для изучаемого периода.

Материалом данного исследования послужил британский поэтический дискурс XVII – XX веков. Написанию статьи предшествовало изучение поэзии новоанглийского периода и различных средств репрезентации категории эмотивности и эмотивной интенции (лексических и грамматических).

Цель статьи – проследить эволюцию средств выражения эмотивной интенции и подтвердить гипотезу, что эмотивная интенция чаще развернутая (эксплицитная), а не свернутая (имплицитная).

В рамках настоящего исследования было сделано следующее:

1) отобран материал для исследования, а именно, эмотивные предложения из английского поэтического дискурса XVII–XX веков;
2) определены методы исследования и терминологический аппарат;
3) определены типы предложений, синтаксические конструкции и пунктуация, характерная для английской поэзии данного периода;
4) сделан ряд выводов о преобладании свернутой и развернутой эмотивной интенции.

Терминологический аппарат

В последние десятилетия усилилось внимание лингвистов к исследованию речевого воздействия. В этой связи выделяется специфическая область исследования языка как возможности влияния на собеседника, средства манипулирования чужим сознанием. Эту сферу лингвистических интересов можно назвать лингвистикой речевого воздействия [Дунев 2004]. Речевая деятельность всегда интенциональна. С этих позиций высказывание есть акт осуществления интенций говорящего посредством речи, так как всякое высказывание заключает

в себе представление не только о том, что в нем говорится, но и зачем оно говорится. Всякое высказывание предполагает целевой аспект и явно или скрыто служит осуществлению интенций говорящего.

Средства проявления интенциональности в сфере грамматики могут быть самыми разными. С точки зрения синтеза различных аспектов речевого воздействия: интенциональности грамматического значения, эффекта и результативности речевого воздействия и способа гармонизации общения – нас интересуют восклицательные и вопросительные конструкции.

В этой связи необходимо разграничить термины «эмотивность», «экспрессивность», «эмоциональность», и «эмотивная интенция». *Эмотивность* – это «имманентное свойство языка выражать эмоциональные состояния и переживания человека» [Шаховский 2008, с. 5]. *Экспрессивность* – усиление воздействующей силы высказывания, его выразительность. *Эмоциональность* – это психологическая категория, а эмотивность – лингвистическая. В данном исследовании более актуальным будет термин *эмотивная интенция*, который отражает намерение говорящего продемонстрировать наличие эмоционально-оценочного отношения к чему-либо, как способ воздействия на слушающего. Эмотивная интенция, как показывает анализ, может быть свернутой и развернутой. *Свернутая* (*имплицитная*) *эмотивная интенция* наблюдается, когда автор имеет намерение воздействовать на слушателя, интенсифицировать эмоциональный настрой, однако эмоции не номинируются. Как замечает В. И. Шаховский, в «плане выражения могут отсутствовать эмоциональные знаки, в то время как всё пространство текста может служить символом переживаемых эмоций, то есть быть глубинно, имплицитно эмотивным» [там же, с.181]. Примеры свернутой эмотивной интенции встречаются у Дж. Джойса.

Свернутая эмотивная интенция:

Believe me rather that am wise
In disregard of the divine,
A glory kindles in those eyes
Trembles to starlight. Mine, O Mine!
No more be tears in moon or mist
For thee, sweet sentimentalist.

J. Joyce. Chamber Music.
12. What Counsel Has the Hooded Moon

Междометные частицы создают эмоциональный настрой, однако эмоции не обозначены. При выражении *развернутой* (*эксплицитной*) *эмотивной интенции* эмоции всегда обозначены лексически, например:

Ah, could I lay me down in this long grass
And close my eyes, and let the quite wind
Blow over me – I am so tired, so tired
Of passing pleasant places!

Edna St. Vincent Millay. Second April. Journey

Под *эмотивным синтаксисом* мы понимаем особые структурные образования, которые не только передают основное содержание, но и эмоциональное, субъективно-оценочное отношение. В данной работе мы ограничиваем эмотивные предложения восклицательными и вопросительными.

Спектр средств выражения эмотивной интенции

Уточнив понятие «эмотивная интенция», можно говорить о средствах ее выражения. Спектр средств выражения эмотивной интенции широк и разнообразен: лексические, фонетические, грамматические. В статье мы рассматриваем изменения в наборе синтаксических средств в диахронии, так как язык невозможно изолировать от внешних факторов, таких как историческая обстановка, индивидуальные особенности, цели говорящего, в данном случае автора, и т. п. Изменения происходят между двумя точками во времени, и поэтому обязательно являются диахронными.

Синтаксическая организация предложения играет важную роль в реализации эмоциональной выразительности текста. В этой связи мы провели исследование предложений по следующим критериям: графическая организация, тип предложения по структуре и по цели высказывания, а также выделили наиболее частотные конструкции в английской поэзии в каждый временной срез новоанглийского периода.

Исследование поэтического дискурса XVII–XX веков проведено на материале 2 тыс. примеров эмотивных (восклицательных / вопросительных) предложений, по 500 на каждом срезе.

Основные эмотивные синтаксические конструкции

Для начала необходимо вспомнить общеизвестные факты, что в новоанглийский период порядок слов в предложении уже становился фиксированным и приобретал более определенную грамматическую функцию. Первое место в предложении занималось по преимуществу подлежащим, а место после глагола – дополнением, поэтому существительное, стоящее перед сказуемым, воспринималось как подлежащее. Утвердилась модель предложения «подлежащее – сказуемое». Подлежащее стало обозначать не только субъекта-деятеля, но и пассивный субъект, объект действия. В этой связи поэты прибегали к различным способам проявления эмотивной интенции, в частности синтаксическим (например: парцелляция, параллелизмы, повторы и т. д.)

В рамках заявленной темы мы провели анализ синтаксических конструкций на нескольких уровнях в соответствии с:

- целью высказывания (повествовательные, вопросительные и побудительные);
- структурой (простые / сложные, односоставные / двусоставные);
- порядком слов (инверсия);
- наличием дополнительных конструкций (парцелляция).

В ходе анализа поэтического дискурса новоанглийского периода удалось определить самый полный набор синтаксических моделей, а также наиболее употребительные из них. Необходимо уточнить, что *восклицательные предложения* можно условно разделить на несколько групп. К первой группе относятся структурные единицы, которые реализуют контактоустанавливающую функцию, функцию привлечения внимания, поэтому часто начинаются с междометий, вопросительных местоимений *what* / *how*, тем самым как бы формируют рамку восклицательного предложения. Ко второй группе относятся повествовательно-восклицательные, вопросительно-восклицательные и побудительно-восклицательные структуры. И к третьей группе относятся комбинации вышеперечисленных структур [Орлова 2009]. *Вопросительные структуры* можно условно разделить на вопросительно-повествовательные, вопросительно-риторические и вопросительно-побудительные. *Побудительные* предложения могут быть побудительно-повествовательными и побудительно-вопросительными.

В таблице 1 представлены наиболее частотные эмотивные синтаксические модели в рамках двух временных срезов новоанглийского периода, раннего и позднего, для более явного контраста. Анализ осложнял тот факт, что примерно в 30 % эмотивных предложений было зафиксировано одновременно несколько синтаксических средств выражения эмотивной интенции, например междометие в начале предложения, затем конструкция с *what* или *how* и далее инверсия и многократный повтор или конструкция с *Let* + междометие и инверсия.

Let me excuse thee: ah! my love well knows
Her pretty looks have been mine enemies,
And therefore from my face she turns my foes,
That they elsewhere might dart their injuries.

W. Shakespeare, Sonnet 139

Таблица 1

Самые частотные эмотивные синтаксические конструкции

Типы самых частотных синтаксических конструкций	**Количество**	
	XVII в.	**XX в.**
Восклицательные предложения		
предложения-обращения	17	12
конструкции с междометиями и восклицательными частицами	182	131
односоставные предметные предложения с главным членом существительным	6	12
прилагательное + существительное или наречие + прилагательное	28	10
конструкции с инверсией	12	10
конструкции с повтором	58	34
сложные распространенные предложения	41	76
всё стихотворение – 1–3 сложных предложений (указано количество стихотворений)	5	7

Типы самых частотных синтаксических конструкций	Количество	
	XVII в.	XX в.
Побудительные предложения:		
конструкции с глагольным сказуемым в повелительном наклонении (с обращением к адресанту и без)	68	55
конструкции с глаголом *let*	10	11
конструкции с глаголом в сослагательном наклонении	6	11
Вопросительные предложения:		
риторический вопрос	11	9

Сопоставительный анализ показывает, что, несмотря на отсутствие норм синтаксической организации предложения в начале изучаемого периода, набор синтаксических моделей в XVII веке был очень скромным, а в XX веке появилось значительное количество новых типов конструкций, однако самыми частотными остались те же. Количество примеров самых частотных моделей в XX веке на первый взгляд уменьшилось, так как примеры распределились по другим новым типам конструкций.

Кроме того, с точки зрения свернутой и развернутой эмотивной интенции можно сделать выводы о том, что в XVII веке эмоции не выражались так эксплицитно и определить их в тексте достаточно трудно (свернутая эмотивная интенция составляет 10% примеров, развернутая – 90%). Уже к XX веку свернутая эмотивная интенция – 4%, а развернутая – 96%. Данный факт можно объяснить возросшей свободой самовыражения и экспрессией в XX веке, а также более мастерским владением современными авторами всем спектром экспрессивных средств, в частности синтаксических.

Особенности пунктуации

Анализ синтаксиса и пунктуации, в частности, в поэтическом дискурсе показывает, что использование пунктуационных знаков

в XVII веке было очень свободным. Эмотивные предложения не всегда оформлялись восклицательным знаком, однако в XVIII веке примеров восклицательных предложений уже в два раза больше, чем в XVII, что объясняется прежде всего становлением норм языка, постепенным ростом грамотности к XIX веку, увеличением числа поэтов и интересом к поэзии в принципе. Также необходимо отметить индивидуальный подход авторов к употреблению восклицательного знака. Хотя восклицательный знак формально является маркером восклицательности, исследования показывают, что для выражения экспрессивно-эмотивного значения восклицательный знак необязателен, возможна точка или многоточие, что не влияет на эмотивность предложения, например:

Love, that to the voice is near,
Breaking from your iv'ry pale,
Need not walk abroad to hear
The delightful nightingale.
Welcome, welcome, then I sing, etc.

W. Browne of Tavistock.
Welcome, Welcome, Do I Sing

Необходимо особенно отметить почти полное отсутствие восклицательных знаков в сонетах У. Шекспира, что конечно не делает их неэмотивными. Однако в рамках данного исследования анализировались лишь предложения с восклицательным и вопросительным знаком. В таблице 2 представлено соотношение числа примеров с точки зрения пунктуационных знаков в конце предложения в разные временные срезы.

Таблица 2

Соотношение эмотивных предложений по знакам препинания

Предложения со знаком препинания в конце	**Периоды**			
	XVII в.	**XVIII в.**	**XIX в.**	**XX в.**
с восклицательным знаком	245	403	335	371
с вопросительным знаком	254	97	165	129

Таким образом, можно проследить как употребление знаков препинания становилось более осознанным и нормированным к XVIII веку, по сравнению с хаотичной пунктуацией XVII века. В XVII веке основная часть предложений начитается с междометного высказывания, поддерживается плотным рядом эмотивных прилагательных, однако не заканчивается восклицательным знаком как в более поздний период, хотя предложение эксплицитно эмотивное.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сделать ряд выводов.

1. Для выразительности текста большое значение имеет синтаксическая структура предложения (тип предложения по структуре, по цели высказывания, тип конструкции). Сопоставительный анализ синтаксических конструкций четырех веков позволяет сделать больше выводов о развитии языка.

2. Эмотивные предложения не всегда оформлялись восклицательным знаком, но с ростом грамотности ситуация к XIX веку начала меняться и тем самым позволила синтаксическим средствам организации текста стать еще одним важным средством выражения эмотивной интенции на ряду с лексическими и фонетическими. Кроме того, было обнаружено, что восклицательный знак не является неотъемлемым атрибутом эмотивности / эмотивной интенции.

3. Под эмотивной интенцией мы понимаем намерение говорящего продемонстрировать наличие эмоционально-оценочного отношения. Эмотивная интенция может быть свернутой (имплицитной) и развернутой (эксплицитной). Свернутая (имплицитная) эмотивная интенция наблюдается, когда автор имеет намерение воздействовать на слушателя, интенсифицировать эмоциональный настрой, однако эмоции не номинируются.

4. Большая часть восклицательных и вопросительных предложений являются средствами выражения развернутой эмотивной интенции, так как в 96% примеров XX века есть слова-маркеры выражаемой эмоции, по сравнению с 90% примеров XVII века.

5. Для начала новоанглийского периода характерна свободная пунктуация и свободный порядок слов. Эта «свобода» относится и к грамматическим окончаниям глаголов, существовали синонимичные формы некоторых глаголов, которые нормализовались только к XIX веку.

6. Набор синтаксических конструкций с восклицательным и вопросительным знаком, служащих для выражения эмотивной интенции, значительным образом расширился в рамках изучаемого периода, что обусловлено становлением норм литературного языка, ростом грамотности. Кроме того, синтаксическая организация предложения становится еще одним важным средством выразительности, к числу которых относятся парцелляция, инверсия, повторы, различные эмфатические конструкции и т. п. Очень часто для усиления экспрессивности несколько синтаксических моделей встраиваются в одно эмотивное предложение, а сами эмоции обозначаются лексическими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дунев А. И. Интенциональность грамматических значений в аспекте речевого воздействия // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Пермский государственный университет, 2004. С. 129–136. [Dunev, A. I. (2004). Intencional'nost' grammaticheskih znachenij v aspekte rechevogo vozdejstviya (Intentionality of grammatical meanings in speech influence). Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste (pp. 129–136). Permskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)].

Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. [Orlova, N. N. (2009). YAzykovye sredstva vyrazheniya emocij: sintaksicheskij aspekt (Language means of expressing emotions: syntactic aspect): PhD in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)].

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. [SHahovskij, V. I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emocij (Linguistic theory of emotions). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].

УДК 81.2
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_66

И. С. Лебедева, И. Д. Романова

Лебедева И. С., кандидат филологических наук
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета
Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Романова И. Д., преподаватель кафедры грамматики и истории
английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
id-vedenina@yandex.ru

БАЗОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ «ПРОБЛЕМА – РЕШЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

В статье рассматриваются принципы риторической организации англоязычных рекламных сообщений, используемые для усиления их персуазивности. Особое внимание уделяется изучению базовой технологии персуазивности «проблема – решение», а также разноуровневым и разночастотным техникам ее реализации на этапе каждого из ходов. Материалом исследования служат скрипты современных англоязычных рекламных сообщений, разработанные компанией «Voices.com», а также аутентичные рекламные тексты, представленные в Интернете.

Ключевые слова: персуазивность; технология персуазивности; проблема – решение; риторическая организация; триплет.

I. S. Lebedeva, I. D. Romanova

Lebedeva I. S., PhD (Philology), Assistant Professor,
Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Romanova I. D., Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
id-vedenina@yandex.ru

"STATEMENT OF THE PROBLEM – SOLUTION" AS A RHETORICAL PRINCIPLE OF PERSUASIVE ADVERTISING

The article discusses rhetorical principles used in English advertising to enhance its persuasive effect. Special attention is given to the study of the Statement of the Problem – Solution principle, one of the most wide-spread in modern advertising, and various

CC BY

strategies that implement it at each of the moves and differ in frequency. The materials for the research have been obtained from samples of modern advertising messages developed by Voices.com, as well as authentic advertisements found on the Internet.

Key words: persuasion; persuasive strategy; problem – solution; rhetorical strategies; tripling.

Введение

В современной лингвистике рекламный текст остается объектом исследования многих независимых научных направлений. Реклама является не только эффективным способом развития бизнеса, продвижения товаров и услуг компаний, но и носителем информационного и эмоционального воздействия, оказываемого на реципиента. Привлечение внимания потенциального покупателя, а также убеждение приобрести предлагаемый товар или воспользоваться рекламируемой услугой является основной задачей рекламного текста.

Несмотря на долгую историю исследования особенностей рекламного дискурса, в современной лингвистике всё еще сохраняется интерес к изучению принципов организации рекламных сообщений и степени воздействия, которые они оказывают на реципиента. Интерес к данной проблематике обусловлен не только возрастающей ролью рекламы в общественной жизни, но и осознанием необходимости поиска принципиально новых подходов к созданию рекламных текстов. Заведомо негативное отношение к рекламе как к средству манипулятивного воздействия, которое сформировалось в сознании большей части общества, и даже в некоторых случаях непринятие рекламы в силу ее навязчивости вынуждает рекламодателей всё чаще прибегать не к манипулятивным, а к персуазивным средствам воздействия, т. е. к воздействию, которое способно изменить посткоммуникативное поведение адресата в атмосфере осознанного выбора.

Для персуазивной рекламы характерен открытый характер воздействия, который на ином качественном уровне подводит реципиента к принятию новых установок и ценностей и, как результат, к принятию рекламного сообщения. В условиях современного бизнеса возникает потребность вырабатывать определенные технологии-алгоритмы, способные не только обеспечить фокусирование внимания адресата на предмете рекламы, но и обладающие высоким персуазивным потенциалом.

Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью более детального изучения принципов организации рекламных текстов и выявления оптимальных с точки зрения воздействия технологий персуазивности. Цель исследования – изучение базовой технологии персуазивности «проблема – решение», используемой при создании англоязычных персуазивных рекламных сообщений, а также техник ее реализации, что определяет постановку следующих задач: рассмотрение основополагающих принципов риторической организации персуазивного текста (на уровне базовой технологии), выявление техник реализации технологии «проблема – решение» в англоязычном рекламном дискурсе, анализ их частотности и выявление оптимальных с точки зрения фокусирования внимания реципиента на предмете рекламы и эффективности воздействия лингвистических средств.

Материалом исследования послужили скрипты современных англоязычных рекламных сообщений, разработанные компанией «Voices.com», а также аутентичные рекламные тексты компаний, представленные в Интернете.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы** исследования: метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, лингвопрагматический анализ, макроанализ при исследовании структуры организации текстов рекламных сообщений, лингвистическое наблюдение и описание, систематизация и статистический анализ.

Результаты и обсуждение

Для исследования был создан корпус англоязычных рекламных сообщений общим объемом 5 900 единиц, который впоследствии был использован для выявления частотных базовых технологий персуазивности, изучения технологии «проблема – решение» и техник ее реализации.

Под технологией в данном исследовании понимается алгоритм реализации выбранной тактики в рамках стратегического планирования, который актуализируется посредством конкретных ходов и на более низком уровне посредством техник. В ходе исследования принципов организации рекламных сообщений на уровне технологии было установлено, что технологии персуазивности носят разноуровневый

характер. Некоторые из них ответственны за логосный аспект убеждения (согласно определению логоса) и позволяют структурировать предоставляемую информацию на уровне текста. Такие технологии авторы исследования относят к базовым. В основе предлагаемой классификации базовых технологий персуазивности лежат несколько концепций понимания риторической организации текста.

1. Риторическая макроструктура текста

При исследовании связного дискурса Т. А. ван Дейк вводит термин «макроструктура», который он понимает как последовательность макропропозиций, организованную по определенным правилам, «по определенной традиционной, культурно-обусловленной структуре» [Дейк 1989, с. 126]. Макроструктура является средством организации языковых текстов, выходящих за пределы предложения.

2. Риторический метадискурс как средство организации текста

В понимании К. Хайлэнда метадискурс описывает способ взаимодействия автора с читателем через создаваемый им текст. Метадискурс позволяет читателю понять организацию текста, интерпретировать его и сформировать отношение к излагаемому материалу. Задача автора состоит в необходимости создать текст, который бы одновременно соответствовал ожиданиям реципиента и позволял ему распознать интенцию автора. Согласно данной теории, риторическая организация текста, способна в большей или меньшей степени оказать персуазивное воздействие на реципиента при построении персуазивной коммуникации [Hyland 2005].

3. Текстообразование и риторический метадискурс

Говоря о риторической организации текста А. В. Голоднов указывает, что риторический текст стоит понимать не только как знаковую последовательность линейной структуры, но и как «материальное воплощение комплексного речевого действия (макроакта персуазивности) с иерархической иллокутивной структурой, подчиненной глобальной интенции адресанта текста и ориентированной на реципиента» [Голоднов 2011, с. 20]. По мнению А. В. Голоднова, риторические тексты представляют собой некоторые инвариантные модели, схожие на уровне макроструктуры, но различающиеся наполнением [Голоднов 2009].

В результате проведенного анализа риторической организации рекламных сообщений было выявлено семь базовых технологий персуазивности, из которых технология «проблема – решение» обладала наибольшей частотностью (53 %), что продемонстрировано на рисунке 1.

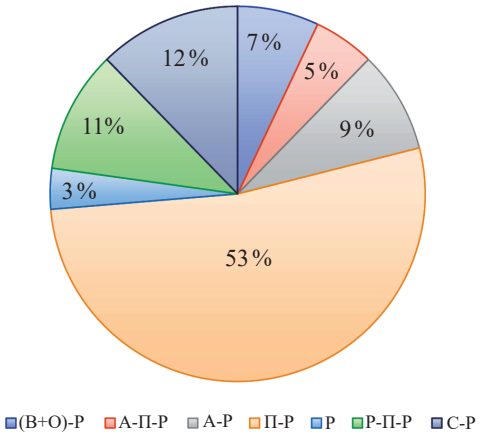

Рис. 1. Базовые технологии персуазивности в англоязычных рекламных сообщениях

1) проблема – решение (П – Р) (53 %);
2) ситуация – решение (С – Р) (12 %);
3) решение – проблема – решение (Р – П – Р) (11 %);
4) акцент – решение (А – Р) (9 %);
5) решение (Р) (7 %);
6) акцент – проблема – решение (А – П – Р) (5 %);
7) (вопрос + ответ) – решение (В+О) – Р (3 %).

В ходе сплошной выборки техник реализации базовых технологий, используемых в рассматриваемых рекламных сообщениях, были отмечены следующие (представлены по мере убывания частотности):

1) использование форм императива (29 %);
2) предоставление фактологической информации (20 %);
3) использование триплета (17 %);
4) использование вопросительных высказываний (13 %);
5) противопоставление (8 %);
6) повтор (8 %);

7) использование каузальных структур (3 %);
8) использование модального глагола *will* в эпистемическом значении «предположение» (2 %).

На рисунке 2 представлены перечисленные техники реализации базовых технологий персуазивности, используемых в рекламе.

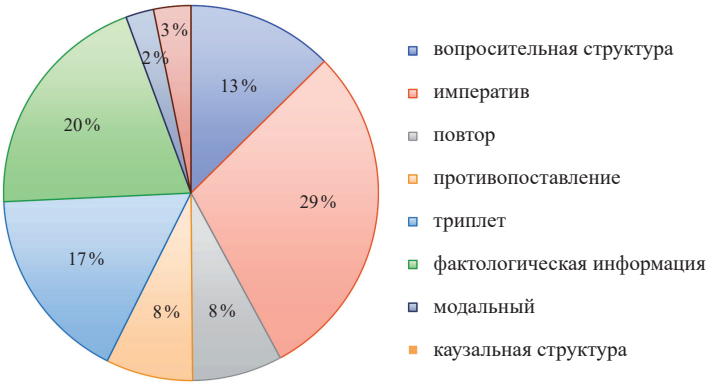

Рис. 2. Техники реализации базовых технологий персуазивности в англоязычных рекламных сообщениях

Однако при детальном исследовании техник реализации для каждого из ходов базовой технологии «проблема – решение» ситуация изменилась, что указывает на тот факт, что каждый из ходов базовой технологии, которая может представлять собой как одноходовое, так и многоходовое (от 1 до n) образование, реализуется разными техниками.

Базовая технология «проблема – решение» заключает в себе два хода: ход «проблема» фокусирует внимание реципиента на проблеме, которую можно решить посредством предмета рекламы. Формулировка проблемы, как правило, затрагивает жизненные ситуации, сложности и затруднения, с которыми сталкивается большинство людей в повседневной жизни.

В рассматриваемых рекламных сообщениях «проблема» реализуется посредством комплексного использования:

1) вопросительных структур (64 %);
2) каузальных структур (22 %);
3) триплета (6 %);

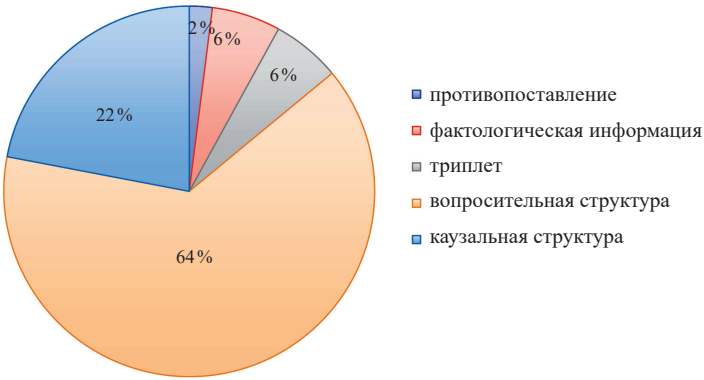

Рис. 3. Техники реализации хода «проблема»
в англоязычных рекламных сообщениях

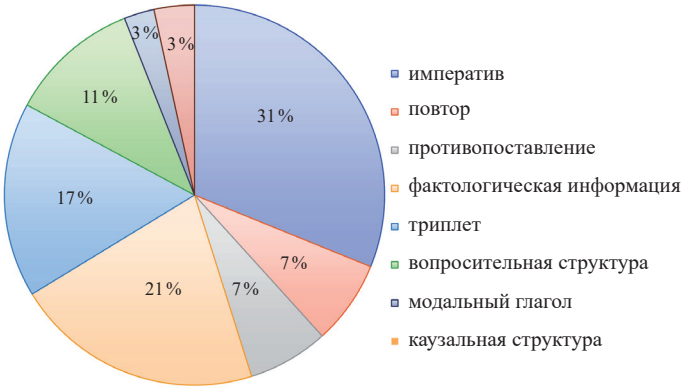

Рис. 4. Техники реализации хода «решение»
в англоязычных рекламных сообщениях

4) фактологической информации (6 %);
5) противопоставления (2 %).

Следующий рисунок (см. рис. 3) демонстрирует выявленные техники реализации.

На этапе реализации хода «решение» базовой технологии «проблема – решение» реципиенту предлагается решение ранее обозначенной проблемы. Посредством данного хода внимание реципиента

фокусируется на предмете рекламы через его представление и позиционирование. Этап представления и позиционирования предмета рекламы заключается непосредственно в назывании предмета рекламы, его оценку, описание преимуществ и положительных свойств. Ход «решение» также, как правило, включает предложение воспользоваться предметом рекламы; совет, как можно решить проблему при помощи предмета рекламы и что для этого нужно сделать, а также гарантию того, что ожидания адресата, связанные с использованием предмета рекламы, будут удовлетворены.

В анализируемом англоязычном корпусе «решение» реализуется посредством (см. рис. 4):

1) императива (31 %);
2) предоставления фактологической информации (21 %);
3) триплета (17 %);
4) вопросительных структур (11 %);
5) повтора (7 %);
6) противопоставления (7 %);
7) каузальных структур (3 %);
8) модального глагола *will* (3 %).

Рассмотрим подробнее примеры наиболее частотных техник, реализующих базовую технологию персуазивности «проблема – решение».

Вопросительные структуры

Использование вопросительных высказываний позволяет автору сообщения сфокусировать внимание реципиента на логически значимых отрезках текста, а реципиенту – правильно расставить акценты. Вопросительные высказывания отражают ход мыслительной деятельности и рассуждений автора и побуждают реципиента к размышлению, позволяя ему следовать за развиваемой мыслью. Вопросительные структуры вовлекают адресата в ход рассуждения, активируют его собственные фоновые знания и направляют их в нужное русло [Чернявская, Молодыченко 2017]. Для рекламных сообщений, которые можно отнести к жанрам бизнес-коммуникации с отстроченной реакцией адресата, это особенно актуально. Вопросно-ответная форма изложения имитирует заинтересованность, апеллирует к реципиенту, создает иллюзию коллективного размышления и совместного поиска решения, атмосферу диалога равных собеседников, что способствует

сокращению дистанции между адресатом и адресантом. Это особенно характерно для вопросительных высказываний, расположенных в начале текста, например:

> *Tired of sifting through classified ads and online directories to find your new home rental? Did you know you can hire a real estate agent to help pinpoint the most suitable units for you and your family?* Relieve the stress of finding units and setting up viewings. Connect with one of our trusted real estate agents that specializes in finding rental homes. Visit specialized realty dot com to learn more![1]
>
> *Do you remember having authentic italian pizza in Naples?* The puffy charred crust. The excess flour on your fingertips… The smell of tomato slices and mozzarella. The sumptuous texture that melted in your mouth. *Do you remember having pizza in Naples?* No? Make memories for your senses. Travel[2].
>
> *Do you remember parasailing off the coast of Jamaica?* The way the water sparkled below – a beautiful green-blue gradient of ocean… The rush of the wind, lifting you, as you were literally flying. The sound of the air gliding against the silken canopy of your sail…*Do you remember parasailing off the coast of Jamaica?* No? Make memories for your senses. Travel[3].

Каузальные структуры

К каузальным структурам принято относить синтаксические структуры, выражающие причинно-следственную связь. По мнению И. М. Дзялошинского, каузальные структуры относятся к категории макроструктур, организуют содержательную сторону текста и обладают персуазивным потенциалом [Дзялошинский 2012]. Установление причинно-следственных связей реализуется при помощью следующих синтаксических структур: «X приводит к Y», «X является причиной Y», «если X, то Y» и т. д. [Чернявская, Молодыченко 2017]. Для жанра рекламных сообщений использование подобных структур приобретает первостепенное значение, так как и формулирование новой установки, и смена старой в сознании реципиента требует обоснования, например:

[1] URL: https://www.voices.com/blog/real-estate-sample-scripts/
[2] URL: evdokimov02041994@gmail.com
[3] URL: https://www.voices.com/blog/sample-scripts-travel-commercial/

Do you have all the late-night infomercials memorized? But not *because you're obsessed* with 'acting now to double your order,' but *because you just haven't fallen asleep yet?*

Put your insomnia to bed with Nocturnal Rest All-Natural Sleep Aid[1].

Do you see one am, two a.m., three a.m., or even four a.m. every morning? Not because you're pouring over your life's work, or because you're the world's most exuberant *early bird*… but because you just haven't fallen asleep yet?

Put your insomnia to bed with Nocturnal Rest All-Natural Sleep Aid[2].

Триплет

Триплет (*Tripling*) представляет собой использование трех или четырех аргументов в пользу / против предмета коммуникации, что позволяет наиболее полно и понятно представить его положительные / отрицательные стороны и необходимым образом сфокусировать внимание реципиента [Allison 2009; Darics 2018; Mulholland 2005]. С точки зрения структурной организации аргументы могут представлять из себя не только отдельные слова или словосочетания, но и части предложений. В отличие от повтора, суть данной техники заключается в идентичной структурной организации аргументов. С когнитивной точки зрения три и более аргументов оказывают большее воздействие на сознание индивида, чем один или два [Allison 2009; Darics 2018], например:

- триплет-императив

  Relieve the stress of finding units and setting up viewings. *Connect* with one of our trusted real estate agents that specializes in finding rental homes. *Visit* specialized realty dot com to learn more![3]

- фреймовая организация триплета

  When the mornings seem dark even when the sun is shining. *When* your bed and the pitch black of your room offer more comfort than a loved one's embrace. *When* you feel that your soul is tired even in the happiest of moments[4].

[1] URL: https://www.voices.com/blog/sample-script-health-care-commercial/
[2] URL: https://www.voices.com/blog/sample-script-health-care-commercial/
[3] URL: https://www.voices.com/blog/real-estate-sample-scripts/
[4] URL: https://www.voices.com/blog/sample-script-health-care-commercial/

- триплет-инфинитив

  You deserve *to feel the sunshine*, *to feel present in the moment*, *to have energy – to be yourself again.* You deserve an antidepressant alternative when nothing else has worked[1].

- триплет в рамках вопросительной структуры

  Are you experiencing a case of the Mondays? Do you suffer from a once-weekly outbreak of *sore personality*, *swollen mood* or *inflamed temper*? Then Marmite on toast for breakfast could be the pseudo-scientific remedy you're looking for. It's anecdotally proven to help families smash through the start of the week. To report a case of the Mondays, call the Marmite helpline on 0800 832 1835. Hate Mondays. Love Marmite. Marmite is best enjoyed at breakfast. Breakfast can be eaten any time of day if you get up late enough. Users may experience a 33 % increase in pizzazz[2].

Предоставление фактологической информации

К информации фактологического характера следует относить количественные показатели, числовые выражения, а также названия реалий. Согласно определению Г. Д. Томахина, реалии – это «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ» [Томахин 1996, с. 22]. Для рекламных сообщений характерно использование реалий, например:

Do you remember climbing *the wall of China*? The incline of uneven stairs laid out before you. The strain on your legs as you complete a *7 mile stretch* uphill into northwest Beijing. Seeing hundreds of other hikers and realizing you're all standing on a *two-thousand-year-old* masterpiece – and walking together on the journey of a lifetime. Do you remember climbing *the wall of China*? No? Make memories for your senses. Travel[3].

Противопоставление

Противопоставление можно рассматривать как организующий принцип, применяемый для структурирования текста или его части.

[1] URL: https://www.voices.com/blog/sample-script-health-care-commercial/

[2] URL: https://www.campaignlive.co.uk/article/aerial-awards-radio-ad-winner-april-2016-marmite-the-mondays-adam-eve-ddb/1396162

[3] URL: https://www.voices.com/blog/sample-scripts-travel-commercial/

С точки зрения синтаксиса противопоставление чаще всего реализуется при помощи вводных слов и конструкций *nevertheless*, *however*, *on the other hand*, *in contrast*, *on the contrary*, *conversely* и т. д., а также союзов, выражающих контраст *but, although*, *even though*, *despite*, *in spite of* и т. д., например:

> Do you see one am, two a.m., three a.m., or even four a.m. every morning? *Not* because you're pouring over your life's work, or because you're the world's most exuberant early bird… *but* because you just haven't fallen asleep yet? Put your insomnia to bed with Nocturnal Rest All-Natural Sleep Aid[1].

Повтор

Повтор следует рассматривать не только как экспрессивно-стилистическое средство, но и как средство реализации текстообразующей и логической функции. Повтор служит средством отсылки к тематическому центру макротекста, четко структурирует макротекст и обеспечивает связность его элементов. В рекламном сообщении использование повтора приобретает еще более важное значение, так как позволяет придать высказыванию ясность и рациональный характер изложения, тем самым способствуя реализации глобальной цели – убеждение реципиента, например:

> Has another New Years Eve crept up on you without renting a limo from *Enchanted Limos*? Well, if it has, you're in luck! *Enchanted Limos* just added eight new carriages to our fleet of limousines with seating for up to 20 in each. If you're headed uptown, downtown, or out of town, *Enchanted Limos* is your chariot to usher in the New Year in style. Visit our website at www.website.com for booking information or give us a call at 555-5555. Make this New Years one you'll never forget by renting a limo from *Enchanted Limos* in Hyde Park[2].

Заключение

Изучение макроструктуры англоязычных рекламных сообщений позволило выявить алгоритмы их организации, которые авторы называют базовыми технологиями персуазивности: «проблема

[1] URL: https://www.voices.com/blog/sample-script-health-care-commercial/
[2] URL: https://www.voices.com/industry/advertising

– решение», «ситуация – решение», «решение – проблема – решение», «акцент – решение», «решение», «акцент – проблема – решение», «[вопрос + ответ] – решение», из которых «проблема – решение» обладает наибольшей частотностью. На морфологическом уровне данная базовая технология реализуется модальными глаголами; на уровне синтаксиса – посредством повтора, триплета, противопоставления, использования вопросительных и каузальных структур, а также императива; на содержательном уровне – через предоставление большого объема фактологической информации. В ходе анализа частотности использования техник реализации базовой технологии «проблема – решение» были отмечены существенные различия в рамках каждого из ходов. В первую очередь следует отметить использование вопросительных структур в рамках хода «проблема» для фокусирования внимания реципиента на предмете рекламы и императива для мотивации. В рамках хода «решение» следует отметить частотность триплета, наполнение которого преимущественно содержит положительно окрашенную оценочную лексику, используемую в отношении предмета рекламы (целевая установка – эффективное позиционирование предмета рекламы, привлечение внимания к его положительным свойствам).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Голоднов А. В. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Научный журнал. 2009. № 104. С. 77–87. [Golodnov, A. V. (2009) Rhetorical mata-discourse as an integrative discourse type. Scientific journal of Herzen University, 104, 77–87. (In Russ.)];

Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011. [Golodnov, A. V. (2011). Persuazivnost' kak universal'naja strategija tekstoobrazovanija v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemeckogo jazyka) (Persuasion as a universal text-formation strategy in rhetorical metadiscourse (based on the material of the German language)): Senior Doctorate in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)];

Дейк Т. А. Ван Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. [Van Dijik, Teun A. (1989). Jazyk. Poznanie. Kommunikacija (Language. Knowledge. Communication). Moscow: Progress. (In Russ.)].

Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. [Dzjaloshinskij, I. M. (2012). Kommunikativnoe vozdejstvie: misheni, strategii, tehnologii. (Communicative impact: targets, strategies, techniques). HSE University. (In Russ.)];

Томахин Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? // ИЯШ. 1996. № 6. С. 22–27. [Tomahin, G. D. (1996). Lingvostranovedenie: chto jeto takoe? (Culture through language: what is it?). Foreign languages for school, 6, 22–27. (In Russ.)].

Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: ЛЕНАНД, 2017. Chernyavskaya, V. E., Molodychenko, E. N. (2017). [Rechevoe vozdejstvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse (Communicative impact in political, advertising and Internet discourse). Moscow: LENAND. (In Russ.)].

Allison J., Townend J., Emmerson P. The Business Upper-Intermediate Student's Book. London: MacMillan Publishers Ltd, 2009.

Darics E., Koller V. Language in Business, Language at work. Macmillan Education. London: Palgrave Macmillan, 2018.

Hyland K. Metadiscourse. Cornwall: MPG Books, Ltd., 2005.

Mulholland J. Handbook of Persuasive Tactics: A Practical Language Guide / Jon Mulholland. L.; N. Y.: Routledge, 2005.

УДК 81.367
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_80

Ю. Б. Маркова

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
julia@themarkovgroup.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ОБЩЕГЕРМАНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье проводится сравнительный анализ грамматического строя общегерманского и старославянского языков в первые века нашей эры, непосредственно предшествовавшие их распаду на отдельные близкородственные языки. Применяются: дедуктивный метод, метод непосредственного наблюдения, метод синхронного описания данных грамматических таблиц учебников по старославянской и древнегерманской филологии. Результаты исследования суммируют ряд древнеславянских и древнегерманских изоглосс данного периода.

Ключевые слова: старославянский язык; общегерманский язык; флективные языки; именное и местоименное склонение.

Ju. B. Markova

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate at the Department of Grammar and the History of English,
Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
julia@themarkovgroup.com

CONTRASTIVE ANALYSIS OF GRAMMAR CATEGORIES IN COMMON GERMANIC AND OLD SLAVONIC

The article is dedicated to the contrastive analysis of grammar in the two above mentioned Indoeuropean languages in the first centuries of our era right before their splitting into separate closely related languages. The following methods are used in the article: a deductive method, a method of immediate observation, a method of synchronic description of grammar tables from manuals on Old Slavonic and Old Germanic philology. The results of the research sum up a number of Old Slavonic and Old Germanic isoglosses of the given period.

Key words: Old Slavonic; Common Germanic; inflected languages; nominal and pronominal declension.

CC BY

Введение

Близость современных германских и близость современных славянских языков объясняется общностью их происхождения: протогерманским (общегерманским) происхождением первых и праславянским (общеславянским) происхождением вторых.

Предметом изучения выступают именные и глагольные грамматические категории в общеславянском и общегерманском языках.

Актуальной представляется ***задача*** сравнения грамматического строя вышеуказанных древних языков в момент, непосредственно предшествовавший их распаду на отдельные близкородственные языки, многие из которых прошли свой самобытный путь развития, пока не приобрели современные черты.

Изучение разных диалектных групп внутри индоевропейского праязыка проясняет логику развития германских языков, неразрывно связанных со своим индоевропейским прошлым. Подобная задача до сих пор не ставилась.

Материалом данного исследования послужили лингвистические данные грамматических таблиц по истории старославянских и древнегерманских языков, почерпанные из учебных пособий по древнегерманской и древнеславянской филологии.

Краткий экскурс в историю

Праславянский племенной язык и протогерманский язык восходят к праиндоевропейскому языку. Древнегерманские диалекты составляли в нем отдельную группу, которая предположительно выделилась из праиндоевропейского единства в IV тысячелетии до н. э. на полвека позже, чем обособились от древних индоевропейцев хетты, и на тысячу лет раньше, чем отделилась сначала балтославянская группа, а затем и праславяне, говорившие на праславянском языке. Праславяне соседствовали с прагерманцами на территории от берегов Эльбы до побережья Балтийского моря. И те, и другие в первые века н. э. (II–V) делились на близкородственные племена, говорившие на общем праславянском или соответственно на общегерманском языке, но с наметившимися диалектными членениями.

Под старославянским языком ученые-слависты понимают «обработанный македонский диалект древнеболгарского языка» [Турбин,

Шулежкова 2021, с. 27]. Про германские языки можно сказать, что их северногерманская группа древнескандинавских языков со скандинавским языком-основой лучше всего отражает общегерманское состояние, а из языков, выделившихся из древнесеверного языка, в наибольшей степени архаичным является древнеисландский, «законсервировавший» наиболее древние его формы [Стеблин-Каменский 2017]. В нашем исследовании мы будем также опираться на данные готского языка (восточно-германская группа германских языков), дающего самые ранние письменные сведения о германских языках, и древнеанглийского языка (западногерманская группа германских языков) для полноты картины.

И современные славянские, и современные германские языки унаследовали свои основные грамматические характеристики из праиндоевропейской эпохи, пройдя через праславянский или общегерманский период соответственно. Конец обоих периодов знаменовал формирование диалектных групп, которые лягут в основу западнославянских, восточнославянских и южнославянских языков, с одной стороны, и западногерманских, восточногерманских и северногерманских языков – с другой. В частности, «формирование грамматических правил отдельных литературных славянских языков, в том числе русского и болгарского, проходило под непосредственным влиянием старославянского языка» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 105].

Именные части речи и их грамматические категории в общеславянском и общегерманском языках

Номенклатура именных частей речи и в старославянском, и в общегерманском была шире, чем теперь, поскольку она наследовала индоевропейскому состоянию. Она включала: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, причастие, а также в общегерманском инфинитив, который в старославянском застыл в форме дательного падежа единственного числа и относился к неизменяемым формам глагола, наравне с супином. Грамматические категории, их наполнение и синтетические способы формообразования также имеют множество пересечений в обоих древних языках (о них пойдет речь ниже на примере конкретных частей речи: именных и глагольных).

Первое важное отличие старославянского от общегерманского заключается в роли ударения в передаче грамматических значений. В старославянском с помощью ударения различались формы существительных среднего рода (*села* род. пад. ед. ч. – *сёла* им. пад. мн. ч.) [Турбин, Шулежкова 2021]. В общегерманском ударение было динамическим и фиксированным на первой корневой морфеме. Исключение составляли существительные, в которых ударной могла быть приставка. Неслучайно в современном английском языке в некоторых заимствованных словах ударению отведена роль различения существительных и глаголов, при этом в существительных ударной является приставка, а не корень, как в глаголах: *`transport – to transport*; *`entrance – to entrance; `conduct – to conduct*. Ударение в общегерманском, как и долгота гласных, не могло выполнять функцию разграничения грамматических форм. Долгота гласных имела смыслоразличительную функцию наподобие современных английских существительных (*a sheep овца* произносится с долгим гласным – *a ship корабль* с кратким). Интересно отметить тот факт, что в современных скандинавских языках, сохранивших некоторые музыкальные тоны, ударению также отведена смыслоразличительная функция. С помощью разных тонов в шведском различаются слова: *tomt участок земли* и *tomte гном*.

У старославянского и древнегерманского существительного было одинаковое количество грамматических категорий: род, число, падеж, склонение. Рассмотрим подробнее их содержание.

Три формы рода одинаково характерны как для старославянских, так и древнегерманских языков. В старославянском также представлена категория одушевленности / неодушевленности. У одушевленных существительных было особое окончание. В данном случае можно говорить о сохранении следов древнейшего деления на род одушевленный и неодушевленный. В латыни эта древняя категория отражена благодаря наличию существительных общего рода, например: *canis, is собака.* В современном шведском по-прежнему жива категория одушевленности / неодушевленности, хотя в древнесеверном и в других древнегерманских языках она уже отсутствовала. В древнегерманских языках род биологический не всегда совпадал с грамматическим, что свидетельствует о том, что род в общегерманском был грамматической категорией. Деление по основам склонения предшествовало

делению по родам. Существительные распределялись по нескольким типам склонения и получали род в зависимости от своего типа склонения. В древнеанглийском языке категория рода выражалась не столько формой существительного, сколько формой местоимения или прилагательного, квалифицирующего существительное.

В старославянском во всех частях речи были последовательно выражены три формы числа: единственное, множественное и двойственное. В общегерманском, насколько можно косвенно судить из данных по готскому языку, в котором формы двойственного числа сохранились лишь у местоимений и у глагола, эти формы должны были быть представлены более полно. Сегодня мы употребляем формы двойственного числа, даже не подозревая об этом. Мы говорим: *два коня*, но *трое коней*. Русское слово *очи* есть ни что иное, как сохранившаяся форма двойственного числа (множественное число звучало как *очеса*), которую мы теперь употребляем как форму множественного числа (*око – очи*). Современное русское местоимение *оба* – это старославянское количественное числительное *два*. А современное русское количественное числительное *два* есть застывшая форма двойственного числа мужского рода. Равным образом обстоят дела и в современном английском языке. На присутствие следов двойственного числа в современном английском языке указывают следующие формы:

1) *the upper – the lower* прилагательные *верхний – нижний* употребляются с определенным артиклем как лимитирующие определения;
2) *the former – the latter* прилагательные *первый из вышеназванных – **второй** из вышеназванных*;
3) *the other* – относительное местоимение *другой* / ***второй** из двух*, употребляемое в противовес другому относительному местоимению *another – другой из неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц*; некогда древнеанглийское порядковое числительное, вытесненное в среднеанглийский период французским заимствованием *second*;
4) *either* – относительное местоимение *любой из **двух***, употребляемое в противовес другому относительному местоимению *any – любой из неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц*;

5) *neither* – отрицательное местоимение *никакой из* ***двух***, употребляемое в противовес другому отрицательному местоимению *none – никакой из неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц*;
6) *both* – относительное местоимение *оба*;
7) специальные формы превосходной степени прилагательных для двух предметов или лиц, например: *He was* ***the more talented*** *of the* ***two*** *brothers* (*Он был самый талантливый из* ***двух*** *братьев*) в противовес привычной форме превосходной степени для неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц: *He was* ***the most talented*** *of all* (*Он был самым талантливым из всех*).

Старославянский язык различал семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный (как в современном русском), а также два очень древних индоевропейских падежа: местный (локатив) и звательный (вокатив), которые были представлены также в латыни и древнегреческом. Местный падеж указывал на место действия, например: *domi* (лат.) – *дома*. Звательный падеж в старославянском имели существительные мужского и женского рода с первого по четвертое типы склонения и только в единственном числе, например: *Отче наш, иже еси на небеси!* Звательный падеж присутствовал в готском, но был уже омонимичным с винительным падежом. Остатки форм инструментального (творительного) падежа в древнеанглийском – это застывшие в этом падеже наречия, например: *nyde – необходимо*.

Старославянские существительные склонялись по шести типам склонения в зависимости от тематического суффикса (детерминатива), а вовсе не в зависимости от категории грамматического рода, развитой весьма слабо в древних языках. В общегерманском его принято называть основообразующим суффиксом. Таким образом, в обоих древних языках мы наблюдаем трехчастную морфологическую структуру: корень, суффикс, окончание. В праславянском и протогерманском тематический / основообразующий суффикс отсылал существительное к семантическому классу, объединенному общим значением детенышей, родственников, животных. Так, все детеныши в общегерманском попадали в *-s* класс, например, в древнеанглийском: *lamb ягненок*; *cild ребенок*; *cealf теленок*; а кровные родственники в *-r* класс: *dohtor*

дочь; *sweostor сестра*. Первоначально окончания падежей совпадали во всех типах склонения, отличались лишь основообразующие суффиксы. Впоследствии старые значения суффиксов стерлись или они слились с окончаниями в одну морфему, вызвав разнобой в окончаниях падежей. Вместе они стали восприниматься как показатели грамматических категорий существительных (рода, числа и падежа).

В старославянском и общегерманском наблюдалась гораздо большая близость именных частей речи друг другу, чем в современных языках, развившихся из этих языков-основ. Причиной этого является древняя нерасчлененность праиндоевропейского имени, из которого позднее выделились в отдельные части речи существительное, прилагательное, местоимение, числительное, а также причастие и инфинитив (бывшее отглагольное существительное). В современном английском на эту древнюю индоевропейскую нерасчлененность имени указывает такое явление, как возможность субстантивизации прилагательных (*the good* – абстрактное значение *добро*; *the English* – собирательное название нации *англичане*; *the Liberals* – собирательное название политической партии *либералы*; *the poor* – собирательная социальная страта *бедные*), числительных (*it takes **two** to tango – для танго нужны **двое***; *I saw three men, all the **three** were sailors. – Я увидел троих человек, все **трое** были моряками*) и причастий (*the wounded* – собирательное употребление *раненые*; *the present* / *the past* – абстрактные значения *настоящее / прошедшее*). Субстантивизация может быть частичной (*the good*) и полной (*a Liberal* – two *Liberal**s***; *a first born – перворожденный*; *Englishes – виды английского языка в Англии и за ее пределами*).

Старославянские прилагательные и причастия могли иметь как краткие, так и полные формы. Первые древнее вторых, поскольку разряд полных прилагательных возник в результате присоединения указательных местоимений к кратким прилагательным [Турбин, Шулежкова 2021]. Из кратких действительных причастий позднее развились деепричастия. Краткие прилагательные и причастия «не только обладали теми же категориями рода, числа и падежа, что и существительные, но и склонялись точно так же, как имена существительные, то есть по именному типу» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 105]. Удивительным образом древняя категория определенности / неопределенности имеет интересные параллели как в старославянском, так и в общегерманском. Разряды старославянских кратких и полных

прилагательных и причастий имеют соответствия в общегерманском в виде слабого и сильного типа склонений прилагательных. Слабые германские прилагательные, как и краткие славянские, древнее, чем сильные. Морфологической моделью для образования слабого склонения прилагательных послужил древнеиндоевропейский консонантный тип склонения с основой на ***-n-*** (в латыни *homo, homi**n**is*; в русском *время*, *време**н**и*; *племя*, *племе**н**и*; *знамя*, *знаме**н**и*; *семя*, *семе**н**и*). Сильные прилагательные возникли благодаря проникновению местоименных окончаний в склонение имени. Несовпадение двух языков проявляется в следующей зеркальной противоположности: краткие прилагательные употреблялись предикативно и были связаны с категорией неопределенности, а полные употреблялись атрибутивно и были связаны с категорией определенности. Также необходимо отметить, что древнеанглийские прилагательные мужского и среднего рода сохранили формы инструментального падежа.

Числительные в обоих языках изменялись по родам и падежам, как прилагательные. Количественные в общегерманском склонялись по сильному типу, а порядковые – по слабому. Порядковые числительные в старославянском имели краткие и полные формы, при этом краткие формы склонялись по именному типу, а полные – по местоименному, как прилагательные. Количественные числительные в старославянском языке частично сближались с существительными, частично – с прилагательными.

В обоих исследуемых нами языках местоимения подразделяются на две неравные группы:

1) древние индоевропейские супплетивные местоимения 1-го и 2-го лица единственного, двойственного и множественного числа. У них отсутствовала категория рода. Старославянские местоимения при этом обладали категорией одушевленности, как и старославянские существительные. Эта категория проявлялась в совпадении форм винительного падежа с родительным;

2) все остальные: указательные, относительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные. Древнегерманские указательные местоимения, в отличие от старославянских, утратили двойственное число и местный падеж, но сохранили творительный падеж. Важно отметить, что в обоих древних языках отсутствуют личные местоимения 3-го лица. Вместо них использовались указательные

местоимения, из которых позднее развились личные местоимения 3-го лица в отдельных германских и славянских языках. Характерной особенностью склонения этих местоимений является совпадение форм всех трех родов во множественном числе.

Глагол и его грамматические категории в старославянском и общегерманском языках

Как отмечалось выше, грамматические категории, их наполнение и синтетические способы формообразования также имеют множество пересечений в обоих изучаемых нами древних языках. В отличие от существительных и местоимений, в арсенале средств формообразования древнегерманских и старославянских глаголов присутствуют не только флексии и супплетивизм, но также спонтанное качественно-количественное чередование гласных в корне / внутренняя флексия / индоевропейский аблаут, получившие морфологическое значение. Речь идет о фонетико-морфологических чередованиях, возникших в праиндоевропейском языке в связи с изменением ударения в разных слогах одного корня (слабое ударение *-е-*, полное ударение *-о-*, безударная позиция *-ноль-*). В древнегерманских языках аблаут в основных формах сильных глаголов, индоевропейских по происхождению, применялся наиболее систематизировано и последовательно и отражен как чередование *е* / *i* - *а*- *ноль*.

Старославянские и древнегерманские глаголы выражали следующие грамматические категории: число (единственное, двойственное, множественное), время, лицо (1-е, 2-е и 3-е), наклонение, залог (действительный и медиопассив; следы медиопассива в современном английском языке – это такие глаголы, как *wear* и *wash*, например: *this fabric wears and washes well*), а старославянский еще и категорию вида, уже исчезнувшую в общегерманском, а также рода (мужской, женский, средний) как именные части речи.

В старославянском языке, помимо изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения, было еще достигательное наклонение, обозначавшее цель действия при глаголах движения [Турбин, Шулежкова 2021]. Формы повелительного наклонения в старославянском, в отличие от общегерманского, спрягались по всем трем лицам и числам. Их было шесть.

Категория времени в общегерманском представлена формами настоящего и прошедшего времени / претеритума. В старославянском отражена более архаичная система форм: три формы будущего (простое и два сложных), четыре прошедшего (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и одна настоящего.

Строго говоря, для старославянского языка актуальна не столько категория времени, сколько архаичная категория вида с аористом (индоевропейский *ноль*) и перфектом (индоевропейское *-о-*). Аорист обозначал мгновенные, недлительные действия и выражал древнее значение предшествования без соотнесенности с каким-либо временным планом. «Аорист обозначал действие, происшедшее до момента речи как единый непрерывный завершившийся акт» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 155]. Перфект выражал законченное действие, результат которого существует в момент речи. «Перфект обозначал такое прошедшее действие, результат которого представлен в настоящем» [Там же, с. 161]. Германцы уже переосмыслили индоевропейское видовое противопоставление перфекта и аориста в категорию времени и заменили его формой претеритума.

Следы индоевропейского аориста и перфекта можно обнаружить в современных германских языках среди модальных глаголов (бывших претерито-презентных, составлявших отдельную морфологическую подгруппу в германских языках). Эти глаголы, сильные по своему происхождению, оформились в отдельный класс германских глаголов, когда распад древних видовых основ был уже завершен. Все без исключения претерито-презентные глаголы в бытность свою сильными глаголами обозначали не действия, а состояния, что также могло ускорить процесс распада древней системы основ в силу своей семантики. Новую жизнь данной группе германских глаголов дали уже сформировавшиеся к тому времени слабые глаголы со специальными осново- и формообразующими морфемами. Претерито-презентные глаголы позаимствовали у них дентальный суффикс для построения новых форм прошедшего времени, присоединявшийся к прежней основе перфекта (например, форма *meahte* в древнеанглийском языке) или аориста (модальный глагол *could*). Модальный глагол *can* – это застывшая форма перфекта (ступень – *а-*), переосмысленная в форму настоящего времени со сдвигом значения от «я узнал» к «я могу». Шведский инфинитив *kunna знать* – напротив, это застывшая форма

аориста (ступень -*ноль*- с эпентетическим, вставным гласным -*и*- schwa indogermanicum, развившимся в протогерманском перед слогообразующим сонорным -*n*-). То же самое можно сказать о современном прилагательном *cunning*, развившееся из основы древнего причастия *cunnen*. Последнее, в свою очередь, образовано по модели сильных глаголов III класса (*funden*, *bunden*, *druncen*).

Как и в латыни, санскрите и в древнегреческом, в старославянском сохранились формы имперфекта и плюсквамперфекта. Первые использовались для обозначения непрерывных, повторяющихся, длительных действий, происходящих в момент речи вне временных рамок. «Если имперфект отвечает на вопрос “Что было?”, то аорист – на вопрос “Что случилось?”» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 160]. Вторые использовались для обозначения прежде прошедших или давнопрошедших действий, свершившихся до момента речи перед другим прошедшим действием [там же].

Синтаксис старославянского и общегерманского языков

Не ставя себе целью подробно разбирать особенности синтаксического строя старославянского и общегерманского языков, мы не можем не отметить ряд моментов.

1. Оба языка характеризовались свободным порядком слов в предложении. Свободный порядок слов предполагал дистантное расположение грамматически связанных между собой элементов.

2. Оба языка могли обходиться без структурного подлежащего в безличных предложениях (*me thinketh – мне думается*) ввиду наличия развитой морфологии с однозначными грамматическими суффиксами, указывавшими на падеж, лицо и время, с одной стороны, с другой стороны, благодаря сохранившимся формам медиопассива.

3. В простых и сложных предложениях сочинительная связь доминирует над подчинительной связью.

4. В обоих языках допускалось употребление нескольких показателей отрицания.

5. В обоих языках присутствовали обороты, относительно самостоятельные по смыслу. Речь идет о *дательном самостоятельном*, выполнявшем роль обстоятельств. Данный оборот состоял из двух частей: имени и причастия в дательном падеже. Тот факт, что

причастие употреблялось в дательном падеже, а не именительном, свидетельствует о том, что причастие в этом обороте независимо от подлежащего в грамматическом смысле. Более того, этот оборот грамматически не связан ни с одним из других членов предложения. «Фактически в этих случаях падеж оборота не зависит от управления глагола-сказуемого, что способствует обособлению оборота» [Гухман 1996, с. 229]. Отсюда происходит название *дательный самостоятельный*. По сути, это был абсолютный причастный оборот. В обоих языках подобные конструкции переводятся придаточными предложениями времени с союзом *когда*. Менее часто оборот мог приобретать другие обстоятельственные значения: причинное, условное, значения уступки, следствия. На происхождение данного оборота существуют две точки зрения. Первая утверждает, что этот оборот мог возникнуть только в письменную эпоху, отражая в богословских переводах оборот *родительный самостоятельный*, распространенный в древнегреческом языке. Вторая точка зрения находит параллели этой конструкции и в балтийских языках, то есть можно говорить об общеиндоевропейском ее происхождении.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы о грамматических изоглоссах, точках пересечения старославянского и общегерманского:

1) в обоих языках наблюдается близость именных частей речи, некогда представлявших собой древнеиндоевропейское нерасчлененное единство, типа *сыра земля* или *красно солнышко*. В русском и английском языках они до сих пор имеют одинаковые категории, хотя и в различной степени. В обоих языках присутствует такое явление как субстантивизация (*раненый*, *мороженое*, *в комнату вошли двое*);

2) и в старославянском, и в общегерманском соблюдаются одинаковые принципы распределения существительных по типам склонения в зависимости от тематических суффиксов, восходящих к их праиндоевропейским или общеиндоевропейским прототипам, отраженным также в латыни, древнегреческом и санскрите;

3) в обоих исследованных нами языках присутствуют именное и местоименное склонение;

4) и в старославянском, и в общегерманском первоначально отсутствовали личные местоимения третьего лица;

5) нами отмечено общее количество именных и глагольных категорий при некотором различии в их наполнении. Этому есть объяснение: германцы обособились по крайней мере на тысячу (если не на две тысячи) лет раньше;

6) оба языка характеризуются общими принцами организации своего синтаксического строя: свободный порядок слов, допущение двойного отрицания, безподлежащные безличные предложения, превалирование сочинения над подчинением, наличие одинаковых абсолютных причастных оборотов.

Отличия между двумя языками можно свести к следующему:

1) старославянский выглядит архаичнее, он сохранил видовые противопоставления в системе глагола, сильно напоминающие древнегреческий и санскрит. В нем более последовательно выражено двойственное число во всех частях речи. В современном русском и английском языках сохранились следы двойственного числа;

2) ударению в старославянском отведена важная роль различения грамматических форм. В общегерманском она отсутствует. Это можно объяснить теорией субстрата: древнегерманские племена смешались с неким неиндоевропейским этносом, ассимилированным ими. Позднее язык достоверно не установленного ассимилированного народа стал проявляться в особенностях артикуляции и характере ударения древних германцев, вызвав акцентный переворот. Ударение стало динамическим и закрепилось на первой корневой морфеме, подчинив себе весь язык и запустив тенденцию к неравноправию ударных и безударных гласных, что приводило к редукции последних и распространению омонимичных окончаний в грамматике. Последний факт мог ускорить переход к аналитизму в германских языках. Но с тех пор ударение утратило грамматическую функцию, сохранив смыслоразличительную в некоторых словах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гухман М. М. Готский язык. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1996. [Guhman, M. M. (1996). Gotskij jazyk (The Gothic language). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)].

Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М.: Ленанд, 2017. [Steblin-Kamenskij, M. I. (2017). Drevneislandskij yazyk (The Old Icelandic language). Moscow: Lenand. (In Russ.)].

Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык. М.: Флинта, 2021. [Turbin, G. A., Shulezhkova, S. G. (2021). Staroslavjanskij jazyk (The Old Slavonic language). Moscow: Flinta, (In Russ.)]

УДК 81.114
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_94

Л. В. Парфенова

преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
lidova2011@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИМПЛИЦИТНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ЛИОНСКОЙ ШКОЛЫ ДИСКУРСОЛОГИИ

В статье излагаются взгляды профессора Лионского университета Катрин Кербрат-Оречиони на принципы декодирования имплицитных смыслов в высказывании. Цель статьи – обогатить теоретическую базу российской прагмалингвистики, адаптировать терминологию, выработанную Лионской школой дискурсологии, к российской системе терминов. Сделанные выводы и обобщения составят основу авторского исследования изучения концепта «Обещание» в русском языке, существенная часть которого находится в зоне имплицитности.

Ключевые слова: прагмалингвистика; имплицитность; импликатура; пресуппозиция; аллюзия.

L. V. Parfenova

Lecturer, Department of the Second Foreign Language,
the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University
lidova2011@mail.ru

CURRENT ISSUES OF THE THEORY OF IMPLICITNESS FROM THE POINT OF VIEW OF THE LYON SCHOOL OF DISCOURSE STUDIES

The article presents the point of view of a professor at the University of Lyon Catherine Kerbrat-Orecchioni on principles of decoding implicit meanings in an utterance. This paper aims to enrich the Russian pragmalinguistics theoretical base and adapt the terminology, developed by the Lyon school of discourse studies, to the Russian system of terms. Conclusions and generalizations made are supposed to make up the foundation of research on the concept of promise in the Russian language, an essential part of which is in the area of implicitness.

Key words: pragmalinguistics; implicitness; implicature; presupposition; allusion.

CC BY

Введение

Теория речевых актов, оформившаяся в трудах Дж. Остина (1986), П. Стросона (1986), Дж. Серля (1986) и других британских ученых, в 1980-х годах получила развитие благодаря работам французских исследователей в области прагмалингвистики. В настоящей статье предпринят анализ монографии профессора Лионского университета Катрин Кербрат-Оречиони «L'implicite» [Kerbrat-Orecchioni 1998] с целью представить современную трансформацию теории имплицитности как одно из направлений развития Лионской школы дискурсологии.

Теоретической основой современных исследований имплицитности являются концепции представителя оксфордской школы Г. П. Грайса [Грайс 1985]. В 1960–1980-х годах он создал теорию имплицитности, доказав, что смысл высказывания может передаваться не только эксплицитно (явно), но и с помощью коммуникативной импликатуры – понятия, объединяющего такие смыслы, как «подразумевать», «предлагать» и «иметь в виду». Г. П. Грайс разводит два понятия, уточняя, что импликация означает выполнение «нецентрального» речевого акта, тогда как «сказать» означает выполнение «центрального» речевого акта. При этом сам Г. П. Грайс отмечает, что одной из причин возникновения коммуникативной импликатуры является нарушение коммуникантами принципа кооперации. Этот механизм описан и российскими учеными, в частности, Е. В. Карпова полагает, что несоблюдение правил коммуникации влияет на интерпретацию сообщения адресатом, что отражается в появлении дополнительных косвенных значений, которые вычисляются благодаря механизму импликации [Карпова 2002].

Классификация контекстов

В своей работе «L'implicite» К. Кербрат рассматривает многочисленные примеры функционирования имплицитности в речи и часто с критикой отзывается о слишком подробной классификации контекстов Г. П. Грайса в связи с невозможностью ее применения ко многим ситуациям общения. Так, если Г. П. Грайс делит все контексты на четыре уровня: эксплицитные и имплицитные (конвенциональные и неконвенциональные), выделяя в последних коммуникативные (обобщенные и частные) и некоммуникативные контексты, то К. Кербрат

отмечает, что «коммуникативные и некоммуникативные высказывания у Г. П. Грайса отличаются лишь по критерию соблюдения Максим Грайса (успешности речевого акта), а обобщенные и частные зависят от семантической структуры высказывания»[1] [Kerbrat-Orecchioni 1998, с. 20]. Таким образом, опираясь на работы О. Дюкро, она предлагает использовать в классификации лишь первые два уровня: эксплицитные и имплицитные контексты (пресуппозиции и импликатуры) и более глубоко рассматривает именно импликатуры, уделяя особое внимание *инсинуациям* и *аллюзиям*. При этом, если по Г. П. Грайсу *говорить явно – to tell something*, а *говорить неявно, имплицитно – to get someone to think something*, то К. Кербрат настаивает на том, чтобы считать имплицитное сообщение также сказанным, аргументируя свою позицию тем, что адресат сообщения не сможет понять смысл того, что не сказано и существует неизвестно где.

Для более детального анализа имплицитности К. Кербрат рассматривает две модели «приспособления», или фиксации смысла в высказывании:

1) прямой, линейный тип – характерен для эксплицитных контекстов и позволяет идентифицировать *означаемое* по значимым опорам. Такая конструкция наблюдается также и для некоторых имплицитных контекстов, например, для пресуппозиций, маркированных косвенных иллокуций и части импликатур с интонационной, лексической или синтаксической опорой;

2) косвенный тип – характерен для большинства импликатур, значимые опоры (означающее) в которых отсутствуют, но предполагаются. Смысл здесь формируется с помощью *механизма расцепления*, аналогичного тому, что помогает понять различные коннотации контекста. Так, понимание некоторых высказываний часто базируется на понимании более низких подуровней, составляющих его смысл, выраженных часто металингвистически. Чтобы расшифровать смысл, мы должны конвертировать внешнюю информацию в слова. Образно говоря, высказывания можно представить в виде слоеного пирога, семантическая структура которого состоит из пропозиций, переходящих каскадом одна в другую и выстроенных в цепочку интерпретаций от ясных и однозначных смыслов к менее выраженным и неоднозначным [Kerbrat-Orecchioni 1998]. Такое определение, однако,

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Л. П.*

предполагает, по словам К. Кербрат, наличие определенного уровня лингвистической интуиции, часто неодинакового у коммуникантов.

Конструкции с косвенным приспособлением, за неимением явных значимых опор для фиксации смысла, могут содержать некоторые указатели, облегчающие понимание истинной интенции. К. Кербрат выделяет следующие маркеры:

1) притекстовые (группы слов, сопровождающие высказывание): *Какая чудесная погода!* ***Хорошо, что я взял зонт****.*
2) внетекстовые (просодические, жестовые);
3) контекстные (например, наличие сводки погоды, которая проясняет иронию в контексте с исходной фразой).

Важно отметить, что французский ученый относит просодические характеристики (паузы, интонационное фразовое ударение) к лингвистическим факторам, т. е. к высказыванию, а не к контексту. Просодику в зарубежной лингвистике нередко относят к группе паравербальных единиц наряду с мимикой и жестами, однако К. Кербрат предлагает относить именно к лингвистическим те единицы, которые имеют голосовую окраску, тогда как паравербальные (нелингвистические) единицы в большинстве своем не нуждаются в аудиосопровождении для их понимания (впрочем, есть и исключения: смех невербален, хотя и имеет голосовое сопровождение).

Интерес к просодическому оформлению нюансировки речи проявляют и российские ученые. Так, Т. Н. Липатова предлагает «системно-лингвистический подход к разграничению лингвистики и паралингвистики», доказывая, что «значительное число паралингвистических единиц, таких как дескриптивные и символические жесты, мимика, иные виды телодвижений, а также пространственные особенности организации общения, которые современная лингвистика не включает в список языковых средств, на самом деле именно ими и являются» [Липатова 2015, с. 115].

Сопоставив точки зрения французских и российских лингвистов на классификацию контекстов с точки зрения реализации интенции говорящего и декодирования смысла высказывания, мы пришли к следующим выводам:

1) как при создании, так и при интерпретации текстов особое внимание уделяется коммуникативным импликатурам, которые зачастую являются истинными носителями интенции говорящего. При

анализе импликатур французские ученые особое место уделяют инсинуациям и аллюзиям, а также обращают внимание на наличие различных способов фиксации смысла в высказывании. С этой точки зрения имплицитное также можно считать высказанным;

2) одно и то же высказывание, оформленное в устной и письменной речи, может быть декодировано по-разному, причем устная речь, обогащенная интонацией и просодическими элементами, генерирует больше имплицитных смыслов, чем письменная.

Пресуппозиция и импликация в работе К. Кербрат

Уже в одной из своих ранних работ К. Кербрат косвенно говорит о присутствующей в высказываниях имплицитности и важности ее декодирования. Рассматривая усеченные конструкции в речевых актах, она называет камнем преткновения отношение разных лингвистических школ к понятию эллипсиса в прагматике [Kerbrat-Orecchioni 1990]. Вопрос о том, нужно ли отсутствие на поверхности высказывания (в явном виде) какой-либо информации считать элизией (исключением, полным отсутствием) или нулевой реализацией, находит ответ в работе К. Кербрат «Les interactions verbales», полагающей, что в зависимости от контекста у коммуникантов создается или не создается ожидание этой информации.

Анализируя, какая информация должна вводиться имплицитно и какая эксплицитно, К. Кербрат указывает на взаимосвязь критериев «важности» и «степени эксплицитности». При прочих равных условиях новая информация должна подаваться как более эксплицитная в зависимости от важности для слушателя и степени ее информативности.

Изучая имплицитность, К. Кербрат подробно рассматривает разные типы пресуппозиций и импликатур, проводит глубокий анализ функционирования этих явлений в речи, помещая их на воображаемой оси имплицитности, что помогает в понимании их сущности [Kerbrat-Orecchioni 1998].

Роль пресуппозиции в высказывании

Исходя из общего понимания пресуппозиции и импликатуры, мы допускаем, что вводимая имплицитно информация может быть поставлена под сомнение, оставляя нетронутой истинность самого

высказывания. Если же поставить под сомнение (опровергнуть) пресуппозитивную информацию, то это может повлиять на истинность высказывания в целом, из чего можно сделать вывод, что истинность пресуппозиции является важным критерием истинности высказывания. Так, контекст *Моя сестра не воспользовалась вчера автомобилем: просто потому что у меня нет сестры*, может быть воспринят как неестественный (неистинный), а также может поставить под сомнение исходные намерения говорящего.

Дискурсивные цепочки

Для более точного декодирования имплицитности важно понимать, что, наравне с пропозицией, пресуппозиции могут порождать последующие дискурсивные цепочки. В частности, это подтверждается примерами с отрицанием / сомнением в пресуппозиции. К. Кербрат приводит следующие возможные случаи конструирования дискурсивных цепочек, порождаемых пресуппозицией:

1) сомнение в своих словах, которое позволяет говорящему поставить под сомнение только что пресуппонированную им реальность: *Я сожалею, что обидел Нину ...**если я ее вообще обидел**?* [Kerbrat-Orecchioni 1998, с. 34];
2) пояснение своих слов, продолжающее внутренний диалог констатацией экзистенциальной пресуппозиции: *Мой муж, **так как муж имеется**...* [там же];
3) уточнение сказанного ранее собеседником – показывает, что именно имплицитная информация (пресуппозиция) лежит в основе продолжения общения: *– Мою супругу убили. – Мои поздравления. И мои соболезнования* [там же, с. 35];
4) отрицание сказанного собеседником (именно на отрицании пресуппозитивной информации строится дальнейшее общение): *– Я не согласен с Вашей идеей. – **Но это не моя идея!*** [там же].

Из приведенных примеров видно, что пресуппозитивные дискурсивные цепочки не являются особо частотными по сравнению с основанными на пропозициях. К. Кербрат относит их к группе *тропов пресуппозиции* (пресуппонированная информация воспринимается не в своем прямом смысле, хотя изначально подается как истина), подчеркивая, что именно их неестественность, неочевидность

в порождении дискурсивных цепочек является их важной отличительной чертой, более важной, чем стандартные отличительные признаки пресуппозиции (зависимость от нивелирующей и вопросительной трансформации и основа совместных знаний коммуникантов).

Классификация пресуппозиций

Рассмотренные примеры легли в основу типологии пресуппозиций К. Кербрат. Не претендуя на законченность приведенной ниже классификации, ученый предлагает структурировать пресуппозиции в двух основных направлениях.

1. По типу значимой опоры, отвечающей за существование предположения:
   1.1. с лексической опорой. Могут включать следующие виды опор:
      а) фазисные глаголы (*прекращать*, *продолжать*, *приступать*). К. Кербрат называет их «видовыми», «трансформирующими», «глаголами состояния»;
      б) модальные глаголы с аксиологическим (ценностным) значением, способности, которые предполагают определенную степень правдивости / ложности в содержании зависимого предложения, которые они вводят; к ним относится большинство модальных глаголов (*знать, сожалеть, представлять себе*);
      в) некоторые дискурсивные слова (*все ещё*, *но*, *даже*, *снова*): *Она* ***всё еще*** *красива. У них* ***еще*** *нет детей. Они* ***снова*** *вместе*.
      г) другие лексические конструкции: контрастность в широком смысле: *Этот стул красный* (значит не синий); гипонимия / гиперонимия: *Это стул* (место для сидения); селективность: *сопрано* (высокий голос), *небоскреб* (высокий дом).
   1.2. с синтаксической опорой, которые прикрепляются:
      а) к конкретным высказываниям или к отглагольным существительным;
      б) к группе прилагательных;
      в) к подчиненным конструкциям (сравнительным, гипотетическим, причинным);

г) расщепленным структурам типа: *Это X ушел* (кто-то ушел);
д) к вопросительным структурам типа: *Кто ушел?* (кто-то ушел).

1.3. пресуппозиции, имеющие в качестве основы особый просодический контур и отвечающие за «фокусировку» высказывания.

2. По содержанию информации в пресуппозиции:
2.1. подкласс экзистенциальных пресуппозиций (предполагается реальное или вымышленное существование описываемого объекта).
2.1. подкласс деноминативов (обозначаемое обладает семами сопутствующего ему объекта).
2.3. пресуппозиции, создающие оппозиции (прагматические / семантические).
2.4. пресуппозиции, отвечающие за аргументацию высказывания.

Какова бы ни была природа происхождения пресуппозиций и их содержание, они позволяют, начиная от пропозиции, выстраивать определенные инференции (извлечение смысла в зависимости от удаленности от точки экспликации). Рано или поздно происходит актуализация пресуппозиции, т. е. ее экспликация одновременно с экспликацией всего высказывания.

Импликатуры

Импликатуры не обладают характеристиками пресуппозиций (неинформативность и независимость от нейтрализации) и сильно зависят от контекста и актуализируются только при определенных условиях. Их можно вычленить с помощью теста на аннулируемость, предложенного Г. П. Грайсом. Проиллюстрируем на примерах два способа выделения импликутур с помощью этого теста.

1. Необходимо подобрать ситуации, в которых искомая проблематика не актуализируется (часто бывает, что к структуре *Если P, то T*, которая эксплицитно выражает, что *P* это достаточное условие для *T*, пристраивается инференция, что *P* – необходимое условие для *T*). Например высказывание *Если будет тепло, я поеду загород* предполагает *Если не будет тепло, я не поеду загород*. Но при этом, для объявлений в бистро эта формула не работает: *Если хотите воспользоваться*

WC, возьмите чашку кофе не подразумевает *Не берите кофе, если не хотите воспользоваться WC*. Здесь экстралингвистические знания о том, что в бистро заходят, чтобы перекусить, а не по другому поводу, блокирует возникновение импликатуры.

2. Нужно постараться достроить логическую цепочку, исключающую ожидаемую импликатуру. В случае, если получится грамматически верное высказывание, это послужит доказательством, что импликатура действительно есть (была изначально). Например, конструкция *Уже восемь часов*… может быть достроена либо …*но тебе не обязательно так спешить,* либо *Поспеши!* Соответственно, изначальное высказывание *Уже восемь часов*… содержит импликатуру.

В действительности не всегда ситуация позволяет достроить такие логически безупречные конструкции, как в примере выше, и исследователь вынужден прибегать к искусственным дискурсивным цепочкам, грамматическая правильность которых от этого страдает. Кроме того, К. Кербрат отмечает, что рассматривая оппозицию «пресуппозиция – импликатура», не всегда есть возможность однозначного их выделения, так как в некоторых случаях и пресуппозиции и импликатуры могут быть одинаковым образом достроены в цепочках. Однако аннулируемость в этих двух случаях не совсем одинакова. Для пресуппозиций она отменяет всё ранее актуализированное содержание. Для импликатур она нейтрализует смысл, который могло бы иметь высказывание.

Другими словами, пресуппозиция может быть поставлена под сомнение только действием каких-то особенных внешних факторов, в отсутствие которых пресуппозиция реализуется автоматически, т. е. смысл высказывания понятен. Импликатуры, напротив, *нуждаются* во внешнем контексте для их реализации. Без него они существуют лишь латентно, не актуализируются.

Отметим, что для понимания и выделения пресуппозиции обычно достаточно только лингвистической компетенции, тогда как для декодирования импликатур требуется общая (единая) энциклопедическая компетенция коммуникантов.

Типология импликатур

В группе импликатур, еще более обширной и разнородной, чем пресуппозиции, К. Кербрат предлагает следующие направления классификации [Kerbrat-Orecchioni 1998, с. 43–49]:

1) по типу присоединения (фиксации смысла) импликатур выделяются прямые (интонационные, лексические и синтаксические) и косвенные. Наличие неопределенного местоимения *некоторый*, морфемы отрицания, временны́х или модальных форм глагола, эмфатических конструкций типа *Я-то…* также может служить источниками инференции;
2) по типу порождения импликатур (извлечение того или иного смысла запускается не только лингвистической, но в большей степени энциклопедической, логической и риторико-прагматической компетенцией адресата);
3) по внутреннему содержанию импликатуры выделяются инсинуации, аллюзии и прагматические импликатуры;
4) по степени очевидности и способности к актуализации предлагается разделение на оспариваемые / неоспариваемые, стабильные / нестабильные, слабый / сильный намек.

Интересно отметить, что К. Кербрат, выделяющая, как и другие лингвисты, семантические и прагматические пресуппозиции, пытается выделить и подгруппу *прагматических импликатур.* Это может быть информация, сообщаемая в высказывании и являющаяся не необходимым, но возможным условием успешности речевого акта. Так, например, в некоторых ситуациях утвердительная конструкция *Ты знаешь, горести любви переживаются* может быть интерпретирована адресатом как *Я их пережил* (*и вылечился*), основанное на знании дела, уверенности, личном опыте говорящего, особенно если предыдущий контекст подготавливает почву для такой импликации, а последующий контекст ее подтверждает.

К более детальному осмыслению К. Кербрат предлагает импликатуры, классифицируемые как инсинуации и аллюзии.

К *инсинуациям* ученый относит импликатуры недоброжелательности, выделяя следующие основные условия: высказанность; имплицитность, неявность; негативность по отношению к адресату, третьей стороне, реже к самому себе. Как и все импликатуры, инсинуации вызывают вопрос о том, начиная с какого момента эта импликатура становится частью высказывания и неотъемлемой частью его смысла [Kerbrat-Orecchioni 1998].

К *аллюзиям* автор относит импликатуры определенного типа и предлагает классифицировать их в зависимости от разновидности имплицитных контекстов следующим образом:

1) имплицитные высказывания сексуального характера;
2) имплицитные высказывания, отсылающие к известному коммуникантам факту, знание которого может наводить на определенные выводы;
3) классические межтекстовые аллюзии в художественных произведениях.

Ученый отмечает, что уровень очевидности импликатуры зависит одновременно от внешних (степень надежности существенных экстралингвистических факторов) и внутренних (лингвистических) факторов. Причем чем меньше лингвистических факторов и подсказок (нетипичная заглавная буква в слове, эмфатическая конструкция, условное наклонение глаголов, кавычки и др.), тем глубже нужно черпать в экстралингвистических знаниях, чтобы декодировать смысл.

Термин «аллюзии» (а именно «аллюзивные деривации») К. Кербрат использует также при анализе косвенных (имплицитных) иллокуций, которые она противопоставляет прямым (примитивным) иллокуциям в высказываниях. Для иллюстрации автор приводит высказывание *В комнате кажется жарковато,* которое чаще всего имплицирует просьбу открыть окно. В процессе актуализации косвенный смысл высказывания приобретает статус иллокутивной импликатуры, добавляясь к прямому (примитивному) смыслу, но не замещая его [Kerbrat-Orecchioni 1998].

Приведенные выше примеры и классификации показывают, что если некоторые импликатуры проявляются ясно и открыто, то другие лишь ориентируют, в каком направлении нужно искать смысл подтекста.

На протяжении всего исследования автор использует выведенный ею *принцип градуальности.* К. Кербрат использует его и для отделения эксплицитных смыслов от имплицитных, и для различения пресуппозиций и импликатур, и для нюансировки примитивных и косвенных иллокуций. К. Кербрат небезосновательно полагает, что использование этого принципа поможет также лучшему пониманию других лингвистических феноменов, в частности *противоречий* и *тавтологий*.

Заключение

1. Анализируя проявления имплицитности в коммуникации, К. Кербрат на примерах показывает, как иллокутивная цель адресанта высказывания может соотноситься с его практической целью. При

этом она подчеркивает, что на современном этапе не найдены еще четкие механизмы, позволяющие безошибочно декодировать точный смысл высказывания. В отсутствие конечной и полной классификации речевых актов, сформированной по принципу их смыслового наполнения (иллокутивной ценности) или по принципу значимых опор на эти смыслы (иллокутивных маркеров), окончательная системность (таксономия) в этом вопросе пока не достигнута.

2. Анализируя иллокутивные намерения говорящего, К. Кербрат разделяет первичные (эксплицитные) и вторичные (косвенные) иллокуции. Перформативы и синтаксическая форма высказывания определяются ею как маркеры эксплицитных иллокуций. При этом, остается дискуссионным определение иллокуции полисемичных высказываний, в которых одна и та же форма глагола транслирует разное иллокутивное содержание: *я извиняюсь* (извинение), *я извиняюсь, но …*(оправдание), *я извиняю* (прощение).

3. Поддерживая интерес к данной проблематике, К. Кербрат развивает и применяет на практике выведенные ею научные гипотезы, о чем свидетельствуют ее более поздние работы по анализу дискурса: «Le discours en interaction» (2005), «L'impolitesse en interaction» (2017), «Le débat Le Pen / Macrondu 3 mais 2017: un débat «disruptif»? (2019) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237. [Grice, G. P. (1985). Logic and Conversation. In: Novoe v zarubezhnoj lingvistike. XVI, 217–237. Moscow: Progress (In Russ.)].

Карпова Е. В. Стратегия вежливости в современном английском языке: дис… канд. филол. наук. СПб., 2002. [Karpova, E. V. (2002). Strategija vezhlivosti v sovremennom anglijskom jazyke.) (The strategy of politeness in modern English): PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Липатова Т. В. Вербальные и невербальные средства коммуникации и их место в системе языка (системно-типологический подход) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 115–123. [Lipatova, T. V. (2015). Verbal and Non verbal Components in the Language System). RUDN Journal of Philosophy, 4, 115–123. (In Russ.)].

Kerbrat-Orecchioni C. L'implicite. Paris: Armand Colin, 1998.

Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. T. 1. Paris: Armand Colin, 1990.

УДК 811.11-112
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_106

Л. С. Петрова

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
lubasha114@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НОРМА: КРИТЕРИИ ДЕФИНИЦИИ

Статья, как составная часть более объемного научного исследования, посвященного проблематике функционирования аномальных явлений в современном английском языке, носит теоретическую направленность и ставит своей целью: 1) выполнить обзор валидных источников по проблеме понимания лингвистической нормы, 2) сформировать необходимые теоретические обобщения, 3) разработать систему критериев нормативности, которые впоследствии позволят проводить идентификацию лингвистической аномальности применительно к эмпирическому материалу.

Ключевые слова: языковая норма; лингвистическая норма; стандарт; критерии нормативности; кодификация.

L. S. Petrova

Postgraduate student of the Department of Grammar and History
of the English Language, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
lubasha114@mail.ru

LINGUISTIC NORM: CRITERIA OF DEFINITION

Being an integral part of a more extensive scientific study devoted to the problems of functioning of anomalous phenomena in contemporary English, this paper has a theoretical orientation and aims: 1) to perform a review of valid sources on the problem of understanding the linguistic norm, 2) to form the necessary theoretical generalizations and 3) to develop a system of normative criteria that will subsequently allow to identify linguistic anomalies in relation to empirical material.

Key words: language norm; linguistic norm; standard; criteria of normativity; codification.

Постановка вопроса

Для лингвистики традиционно характерен интерес к изучению процессов функционирования языка. На сегодняшний день особенности коммуникативного взаимодействия людей, связанные с развитием IT и глобализацией общества, порождают необходимость заново

осмыслить ряд основных теоретических категорий, среди которых находится понятие «языковая норма». Для того чтобы оценить значение нормы для лингвистики, следует отметить большие возможности использования данного понятия в разных видах лингвистических исследований. К этому термину активно прибегают в работах семантической направленности, при определении специфики литературных языков, при решении проблем кодификации и культуры речи и т. д. Еще одним актуальным аспектом изучения нормы является ее вариативность (существование нескольких способов выражения одного и того же содержания), так как всегда можно выразиться по-разному, что и является главной проблематикой нормы.

Сохраняющий актуальность и восходящий к спору между античными «аналогистами» и «аномалистами» вопрос о том, что следует считать нормой – формы, соответствующие теоретически установленным правилам, или формы, реально употребляемые в разговорном и литературном языке, – до сих пор не завершен. Сложность выработки универсального, признанного всем лингвистическим сообществом определения нормы связана с тем, что норма представляет собой одновременно лингвистическую, социальную и историческую категорию.

Самой субъективной и трудно определяемой, на первый взгляд, является социальная сторона нормы, и именно она чаще всего стимулировала дискуссию. Отметим также, что лингвисты, давая определение норме, в основном сосредотачивали свое внимание на каком-то одном из трех аспектов, что приводило к неполноте формулировки. В связи с этим мы посчитали целесообразным провести систематизацию имеющихся теоретических выкладок по проблеме языковой нормы, взяв за основу три обозначенных критерия.

Материалы и методы исследования

При изучении классических и современных теоретических источников, осмысляющих проблему нормативности в лингвистике, методологически состоятельными явились научная рефлексия аналитической направленности, теоретическая интерпретация различных подходов и идеологий и, как итог проделанной работы, синтезирование комплексного представления о норме.

Опора на исторический аспект

Исторический аспект нормативности заключается в регистрации исторически сложившихся тенденций использования той или иной языковой единицы. Это проявляется в таком признаке, как традиционность: норма – это то, как по традиции должно говорить языковое сообщество.

Трактовка языковой нормы (как и вся лингвистика) до XIX века носила в основном императивно-нормативный характер [Хауген 1975], поэтому норма понималась в духе античной «аналогистики» – как единственно допустимое употребление, строгое следование книжному правилу, так что любые отклонения воспринимались как некорректные, неприемлемые и недопустимые.

Исторический подход к норме ярко проявляется в работах лингвистов XVIII–XIX веков, сформировавших традицию грамматического описания. При этом авторы грамматических исследований брали на себя право устанавливать законы языкового поведения. Таким образом, постулировалась авторитарность трактовки и императивность в употреблении. Можно сказать, в историческом ракурсе норма носила индивидуально-субъективный, интроспективный и, что особенно важно, статичный характер, воплощаясь в пре- и проскриптивном правиле.

Говоря о традиции, нельзя не упомянуть о ее связи с культурой, исходя из чего норма в долгосрочной перспективе определяется как культурное наследство. Особое внимание при этом уделяется такой функции нормы, как формирование ценностей, идеалов общества. В обобщенном виде, норму, ориентированную на историю, можно понимать как культурно-языковой канон, проверенный временем, идеальный образец для копирования.

Опора на социальный (социально-исторический) аспект

Как в зарубежном, так и в отечественном языкознании до середины XX века определения нормы, как правило, были интуитивно «ориентированы на нечто авторитетное как образец для подражания» (С. Л. Попов) [цит. по: Салькова, Петрова 2021, с. 146]. Но что принималось за образец, эталон? По этому вопросу мнения расходились, при этом большое внимание данной проблеме уделяли составители словарей.

Так, основатель британской лексикографии Сэмюэль Джонсон полагал, что образцы нормативности нужно искать в исторической ретроспективе: идеальные употребления обнаруживаются лишь в текстах, созданных блестящими ораторами прошлого, либо в канонических религиозных текстах, в то время как речь представителей торгового сословия и социальных низов не представляет никакой исследовательской ценности [Crystal 2004].

Г. О. Винокур рассматривал в качестве источника языковой нормы язык периодической печати [Винокур 1923]. Е. С. Истрина считала авторитетными источниками произведения художественной литературы, лучшие образцы передовой прессы, материалы научной и деловой речи [Истрина 1948]. Л. В. Щерба говорил о поисках нормы в произведениях хороших писателей, обладающих в наибольшей степени «оценочным чувством (“чутьем языка”)» [Щерба 1974]. Несводимость идеи авторитетности источника к конкретному лицу или тексту не помешала исследователям признать состоятельность этого наблюдения, и в дальнейшем большинство определений нормы эксплицитно отражают ее социальный характер как неизбежную связь с общественной оценкой языкового знака.

Отечественный языковед-лексикограф С. И. Ожегов предпринял попытку объединить исторические и социальные предпосылки нормы: «Норма − это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов… из числа сосуществующих… или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной… оценки этих элементов» [Ожегов 1974, с. 259–260]. Однако из определения видно, что остается открытым вопрос об источнике оценивания – он носит обобщенно-размытый характер.

Дополняя социальные характеристики нормы, Е. Ф. Петрищева вводит новый критерий нормативности, который она считает наиболее важным для общественной языковой практики, а именно, «степень распространенности… в языковом сознании говорящих» [Петрищева 1967, с. 38].

Тем не менее общим недостатком критериев нормативности, отражающих социально-исторический аспект, является их субъективный, внеязыковой характер.

Опора на лингвистический аспект

Отличительной чертой всех вышеупомянутых критериев нормативности является их внешний по отношению к языку характер, что не позволяет нам считать норму объективным понятием. Следовательно, необходимо найти внутриязыковой критерий оценивания. В. В. Виноградов стал одним их первых лингвистов, который сформулировал эту мысль, опираясь на законы исторического развития: «Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре… не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек» [цит. по: Петрова 2012, с. 56]. Это положение получило свое дальнейшее развитие: нормативным стали считать то, что находилось в соответствии с определенной моделью языка, в первую очередь его письменной или устной разновидности. Это первая сторона лингвистического аспекта нормативности.

Вторая сторона связана с такими функциями языка, как коммуникативная и когнитивная. П. С. Рэй и Э. Хауген выделяли три критерия языковой правильности, учитываемых при языковом планировании [Ray 1963; Хауген 1975]:

1) эффективность − наиболее оптимальный способ выражения мысли, чтобы она наиболее легко была воспринята;
2) языковая рациональность («адекватность», по Э. Хаугену) – способность языка реагировать на нужды своих носителей, передавать желаемую информацию с желаемой степенью точности;
3) языковая доступность («приемлемость», по Э. Хаугену) – языковая единица должна быть принята говорящими, приемлема для них.

Если последний критерий возвращает нас к уже описанной социально-исторической стороне нормативности, то первые два отражают функциональный подход к нормативности, согласно которому правильным является то, что «изложено наиболее легким способом и наиболее легким способом понято», а ошибочным то, что «не соответствует заданной функции (например: ясности, экономии, экспрессивности и т. д.)» [Фрей 2006, с. 9]. Этот подход был «заложен учениками и последователями Ф. де Соссюра, видными представителями Женевской школы Ш. Балли и А. Сеше, и получил свое дальнейшее

развитие в ряде работ как зарубежных, так и отечественных лингвистов» [Салькова, Петрова 2021, с. 140].

Исследователи Пражского лингвистического кружка стали одними из первых, кто применил функциональный подход к языковой норме. Так, А. Едличка отмечал следующие нормы: 1) системные – представляющие собой совокупность языковых средств и закономерности их использования; 2) ситуативно-коммуникативные, зависящие от условий коммуникации [Едличка 1967]. Если первый тип норм соотносится в большей степени с критерием доступности, то второй перекликается с критериями эффективности и рациональности, описанными выше, и намечает социально-телеологический вектор, рассматриваемый лингвистами Пражского лингвистического кружка как определяющий для языка. В частности, Б. Гавранек, определяя норму, с одной стороны, как «всё то, что принимает коллектив, говорящий на этом языке (наречии)» [цит. по Серебренников 1970, с. 551] (опять же социальная сторона), с другой стороны, дополняет определение лингвистической составляющей функциональной направленности: «Языковую норму я понимаю, как ***систему языка***, взятую в плане ее обязательности в сфере языка – с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка» [там же].

Отрицательная критика нормы

Дискуссия о норме не будет полной без упоминания об антинормативных настроениях, которые особенно проявляются в англоязычной лингвистике. Связано это в некоторой степени с критикой трансформационной (генеративной) парадигмы, которой противопоставляют так называемую узуально-ориентированную лингвистику (usage-based linguistics) [Германова 2016, с. 82], ставшую в последние десятилетия значимым направлением. В рамках данного направления основное внимание уделяется фактам индивидуального языкового варьирования. При таком подходе в центре внимания находится изучение эмпирических фактов, явлений меньшего уровня абстракции, а «абстракции высшего плана (язык в соссюровском смысле слова)» [там же, с. 83] и среднего уровня (такие, например, как языковая норма) признаются научно несостоятельными. В частности, Д. Герартс считает реальными «только комплексные динамичные индивидуальные

системы отдельных говорящих, в то время как обобщения на уровне коллективного» [Германова 2016, с. 82] – абстракциями, которые лингвист не должен «реифицировать или гипостазировать» [там же, с. 84].

Д. Герартс не первый, для кого норма представляется ненужной абстракцией. К такому же заключению пришел в свое время и Л. Ельмслев. Он противопоставлял понятие схемы (т. е. языка как «чистой формы», которая определяется «независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации» [цит. по: Серебренников 1970, с. 551] (или воплощения)) – понятиям нормы, узуса и индивидуального акта речи. Норма, узус и речевой акт, являясь реализациями схемы, находятся в тесной взаимосвязи и составляют один комплексный объект, главным компонентом которого Л. Ельмслев считал узус (определяемый им как «совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе»), а норму («материальная форма, определяемая в данной социальной реальности») называл искусственным построением, фикцией [Ельмслев 1964].

Однако столь негативное отношение к норме не является общепризнанным. П. Хардер утверждает, что описывать реальное употребление языка, не учитывая норму, методологически неправильно [Harder 2014]. Но нормы, по П. Хардеру, «эмпирически не даны и поразному соотносятся с реальным поведением» [цит. по: Германова 2016, с. 88] (т. е. опять же носят абстрактный характер). П. Хардер выделяет эксплицитные (осознаваемые говорящими) и имплицитные (которые можно вывести из наблюдений за поведением) нормы, которые он считает более важными, поскольку они определяют речевую деятельность на подсознательном уровне.

В этом ключе, антропоцентричность лингвистистики проявляется в том, что в последние десятилетия в англоязычных грамматиках происходит смещение акцента с позиций «правильный / неправильный» на «приемлемый / неприемлемый» (acceptable / unacceptable). Так, Р. Картер и М. МакКарти поднимают вопрос о степени приемлемости в работе «Кембриджская грамматика английского языка», предлагая пять шкал оценки приемлемости: от «приемлемой в устной и письменной форме стандартного английского языка до неприемлемой ни в одной из этих форм» [цит. по: Германова 2016, с. 102]. Это означает, что в грамматике английского языка можно выделить «ядро» с четко определенными нормами и «периферию», где допустимо варьирование.

На такое понятие нормы в большой степени оказал переход от прескриптивной к дескриптивной грамматике. Так, Ф. Палмер отмечает: «Большинство… грамматических правил не имеют в действительности никакого обоснования и, следовательно, нет серьезных причин осуждать “ошибки”, которые они обнаруживают» [цит. по: Германова 2016, с. 107]. Такие антинормативные настроения прослеживаются и в«Кембриджской грамматике английского языка» Р. Хаддлстона и Дж. Пуллума: «Мы констатируем, что некоторые типы предложений сейчас широко распространены и часто употребляются, но мы не будем советовать вам их употреблять. Мы утверждаем, что некоторые типы предложений встречаются редко… но мы не будем указывать, что вам следует их избегать, или давать другие рекомендации относительно того, как вам следует говорить или писать» [там же].

Таким образом, в англоязычной лингвистике наблюдается изменение в нормативной традиции, состоящее в том, что происходит отказ от категоричных оценочных суждений, уделяется особенное внимание фиксированию вариантов, вводятся степени правильности. Само понятие нормы в этом смысле всё больше приобретает абстрактный, социально-психологический оттенок.

В поисках научного компромисса: кодификация нормы как актуальная система критериев

Несмотря на то что понятие языковой нормы считается одним из ключевых в лингвистике, до сих пор не существует ее однозначного определения.

Обратившись к научному наследию предыдущих лет, мы установили, что наиболее распространенными для интерпретации нормы являются формулировки, ориентированные на три основных критерия:

1) лингвистический – обязательность, качественное соответствие системе языка как абстракции высшего уровня;
2) исторический – традиционность, устойчивость, проверенная временем;
3) социальный – употребительность и распространенность (при условии авторитетности источника).

Как видно из анализа лингвистической литературы, практически ни одно из определений нормы, данных лингвистами после работ

Ф. де Соссюра, когда началась реальная разработка проблемы нормативности, не было связано одновременно со всеми тремя аспектами. Может быть, именно поэтому вопрос о том, что считать нормативным, долгое время не был решен.

Наиболее сложным к определению, как оказалось, является критерий традиционности, ведь то, что «по традиции» употребляется одними, может быть совершенно неприемлемо или неупотребимо для других. Данный критерий зависит от многих экстралингвистических факторов, в частности географического, он также несет на себе отпечаток того или иного типа культуры. Помимо этого, он подчеркивает консерватизм нормы, откуда вытекает сложность ее существования одновременно и в статике, и в динамике. Более того, обозначенные признаки при всей их значимости описаны как слишком абстрактные, так что исследователи, критически осмысливающие понятие нормы, видят выход либо в градуировании признаков, либо в полном отказе от данного понятия. Мы же решили найти компромиссное решение, сосредоточившись на практической ценности данного понятия и на том, что в словарях его определение основывается, как правило, на двух моментах: непосредственное употребление языковых средств и строго установленные правила употребления.

Многогранность обсуждаемого явления и его динамический характер очевидно требуют упорядочивания имеющихся представлений о нем, что в лингвистических исследованиях связано с понятием кодификации (позднелатинское *codificatio*, от латинского *codex* – собрание законов и *facio* – делаю), то есть возникновения наиболее сложной и совершенной формы систематизации – социального осознания, описания и закрепления нормы в учебной и научной литературе, различных словарях и справочниках.

Несмотря на то что отношение исследователей к кодификации не является однозначным, оно прочно вошло в научный обиход: несомненным преимуществом кодификации является письменная регистрация и связанная с этим объективация наблюдаемых фактов языка.

Ориентируясь на традиции грамматического описания, мы не можем обойти вниманием такой пункт, как тесная связь понятия нормы с понятием правила – результата кодификации. Для того чтобы определить, являются ли наблюдаемые в речи языковые явления

правильными или нет, грамматисту необходимо обращаться к правилам. Здесь мы согласимся с И. Итконен, считающим, что идеализации, устраняющие варьирование при описании языка, являются практической необходимостью [Itkonen 2005]. Таким образом, качественным ориентиром нормативности мы будем считать зарегистрированность языковой единицы в базовом своде правил академических изданий, регламентирующих создание общественно значимых текстов. Такая образцовая, эталонная единица представляет собой кластер признаков, находящихся на пересечении трех упомянутых выше аспектов и постулирующих в отношении нее:

1) каноничность, связанную с консервативностью традиции использования языковой единицы;
2) прецизиозность (точность соблюдения) в контекстах высокой культурной и социальной значимости;
3) обязательность (императивность) в употреблении; в этом смысле норма определяется как свод явлений, отражающих принципы устройства системы языка и речи, и носит предписательный характер;
4) устойчивость как следствие культурной традиции;
5) универсальность в рамках многообразия коммуникативных контекстов;
6) высокая частотность;
7) доступность в силу эксплицитной представленности в учебной литературе;
8) аксиологическая состоятельность, или эстетичность.

Заключение

В заключение подчеркнем, что обозначенные в качестве отправных критерии нормативности соотносятся с поисковой спецификой исследования, а именно, анализом грамматических аномальных явлений в одном из современных типов дискурса. Поэтому мы не исключаем, что лингвисты, занимающиеся проблематикой нормы, но под другим ракурсом, могут не согласиться с нашими теоретическими заключениями. Значит, проблематику нормы нельзя считать закрытым вопросом, и споры вокруг этого базового для лингвистики понятия мы считаем неизбежными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Винокур Г. О. Культура языка (Задачи современного языкознания) // Печать и революция. 1923. № 5. С. 100−111. [Vinokur, G. O. (1923). Kul'tura yazyka (Zadachi sovremennogo yazy`koznaniya) (Language Culture (The problems of contemporary linguistics)). Pechat' i revolyutsiya, 5, 100–111. (In Russ.)].

Германова Н. Н. Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции (на материале грамматик английского языка конца XVII – начала XX веков): дис. … д-ра филол. наук. М., 2016. [Germanova, N. N. (2016). Lingvokul'turnye osnovaniya normativnoj grammaticheskoj tradicii (na materiale grammatik anglijskogo yazyka konca XVII – nachala XX vekov) (Linguistic and cultural foundations of the normative grammatical tradition (based on the grammars of the English language of the late 17th – early 20th centuries)): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Едличка А. О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 544–556. [Edlichka, A. (1967). O prazhskoi teorii literaturnogo yazyka (About the Prague theory of literary language). In: Prazhskii lingvisticheskii kruzhok (pp. 544−556). Moscow: Progress). (In Russ.)].

Ельмслев Л. Язык и речь // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1964. С. 56–67. [El'mslev, L. (1964). Yazyk i rech' (Language and speech). In: Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah (pp. 56–67). Part II. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)].

Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.–Л.: АН СССР, 1948. [Istrina, E. S. (1948). Normy russkogo literaturnogo yazyka i kul'tura rechi (Norms of the Russian literary language and speech culture). Moscow–Leningrad: AN SSSR. (In Russ.)].

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура речи. Москва: Высшая школа, 1974. С. 251–275. [Ozhegov, S. I. (1974). Ocherednye voprosy kul'tury rechi (Next questions of speech culture). In: Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi (pp. 251–275). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Петрищева Е. Ф. К вопросам о критериях нормативности // Вопросы культуры речи. 1967. Вып. 8. С. 34–40. [Petrishcheva, E. F. (1967). K voprosam o kriteriyakh normativnosti (The questions about the criteria of normativity). Voprosy kul'tury rechi, 8, 34–40. (In Russ.)].

Петрова Т. А. Теоретическое описание понятия «норма языка» // Вестник Академии знаний. 2012. № 2. С. 55–63. [Petrova, T. A. (2012). Teoreticheskoe opisanie ponyatiya «norma yazyka» (Theoretical description of the concept of «Language Norm»). Vestnik Akademii znanii, 2, 55–63. (In Russ.)].

Салькова М. А., Петрова Л. С. Лингвистика и лингводидактика сегодня: выходя за пределы языковой нормы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. Вып. 1 (838). С. 137–150. [Sal'kova, M. A., Petrova, L. S. (2021). Modern linguistics and language pedagogy: going beyond the language norm. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Education and Teaching, 1(838), 137–150. (In Russ.)].

Серебренников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. [Serebrennikov, B. A. (1970). Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funkcii, istoriya yazyka (General linguistics. Forms of existence, functions, history of language). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Фрей А. Грамматика ошибок. М.: КомКнига, 2006. [Frei, A. (2006). Grammatika oshibok (Grammar of mistakes). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].

Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Социолингвистика. 1975. Вып. 7. С. 441–472.[Haugen, E. (1975). Lingvistika i yazykovoe planirovanie (Linguistics and language planning). Novoe v lingvistike. Sociolingvistika, 7, 441–472. In Russ.)].

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39. [Shcherba, L. V. (1974). O troyakom aspekte yazykovykh yavlenii i ob eksperimente v yazykoznanii (About the three-side aspect of language phenomena and the experiment in linguistics). In: Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' (pp. 24–39). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge: Cambridge University press, 2004.

Harder P. Variation, structure and norms // Cognitive Sociolinguistics: Social and cultural variation in cognition and language use / ed. by M. Putz , J. A. Robinson and M. Reif. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 53–74.

Itkonen E. Concerning the synthesis between intuition-based study of norms and observation-based study of corpora // SKY Journal of Linguistics. 2005. №18. P. 357–377.

Ray P. S. Language Standartization: Studies in Prescriptive Linguistics. The Hague: Mouton, 1963.

УДК 811.134.2
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_118

Е. А. Попова, М. В. Лавинская

Попова Е. А., кандидат филологических наук
доцент кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
o-genia@yandex.ru

Лавинская М. В., старший преподаватель кафедры иностранных языков
Института общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
marina.lavinskaya@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности образования и семантического развития системы сложных существительных в испанском языке, выделяются основные модели словосложения. Особое внимание уделяется понятиям семантических реляций и формируемого с их помощью семантического комплекса, стоящего за сложным словом. Делается вывод о важности реляций как механизма, помогающего проследить возникновение и развитие метафоричности в получаемых языковых единицах.

Ключевые слова: испанский язык; сложное существительное; семантическая реляция; композит-комплекс; конституент.

E. A. Popova, M. V. Lavinskaya

Popova E. A., PhD (Philology), Assistant Professor
at the Department of the Second Foreign Language,
the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University
o-genia@yandex.ru

Lavinskaya M. V., Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Institute of Social Sciences, the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
marina.lavinskaya@gmail.com

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF COMPLEX NOUNS IN THE SPANISH LANGUAGE

The article deals with the features of formation and semantic development of the system of complex nouns in Spanish, highlighting the basic models of word

CC BY

composition. Particular attention is paid to the concepts of semantic relations and semantic complexes (which stand behind compound words) formed on their basis. The article considers the importance of such relations as a mechanism that helps to trace the emergence and development of metaphoricity in the resulting language units.

Key words: Spanish language; compound noun; semantic relation; composite complex; constituency.

Введение

Исследование языка как многокомпонентного социокультурного феномена обусловлено развитием антропоцентризма и интеграцией различных отраслей гуманитарного знания. Современный человек понимается прежде всего как языковая личность, развивающаяся и осознающая себя в поле языка, мыслящая, познающая мир и взаимодействующая с ним. Язык – это средство общения, возникшее в процессе развития человеческой культуры, поэтому явления семантики, закономерно вытекающие из связи языка с этапами развития общественной жизни, остаются актуальными объектами для исследования.

Одним из таких явлений можно справедливо считать механизм образования сложных слов. С одной стороны, эти механизмы универсальны, с другой – культурно-специфичны. В одних языках регистрируется наличие большего числа сложных слов, чем в других (среди европейских языков «рекордсменом» по их количеству, безусловно, является немецкий), при этом модели словосложения имеют разную степень продуктивности. Лингвистов интересуют как количественные показатели в данной области, так и феномен идиоматичности при образовании сложных слов.

Цель настоящей статьи – выявить универсальные и специфические механизмы семантического сложения для испанского языка, отношения между конституентами сложных существительных и причины возникновения идиоматичности при их создании. В наши задачи входит изучить, проследить и отчасти объяснить номинации различных явлений в языке, каковыми являются соположение корней, основ, конструкций и развитие новых, переносных значений.

Материалом для данного исследования послужил список из 200 сложных существительных испанского языка, полученный путем сплошной выборки из печатных и электронных словарей: «Diccionario

de la lengua española» (*dle.rae.es/*), «Diccionario de americanismos» (*lema.rae.es/damer/*), «El gran libro de los insultos»[1], «Covidcionario» (*covidcionario.com/*).

Механизмы формирования сложных слов в номинативной системе испанского языка

В испанском языке из всех сложных слов наиболее показательными и интересными для изучения являются сложные существительные [Santana Suarez et. al. 2006]. Отношения между их составляющими, или конституентами, можно определить как отношения зависимости, когда один становится определяющим, а второй – определяемым. С точки зрения семантики определяющий компонент наиболее важен, так как он несет в себе семантическую нагрузку. В испанском языке обычно он стоит на первом месте: *aguardiente* (*ликер*) = *agua* (*вода*) + *ardiente* (*жгучий*).

Говоря о механизмах формирования сложных существительных, следует отметить, что, по заключению Б. Ю. Городецкого, специфика отдельных языков может касаться следующих характеристик:

1) степени распространения семантического сложения;
2) набора используемых семантических реляций;
3) состава связываемых ими классов компонентов;
4) размера семантического комплекса / композит-комплекса;
5) продуктивности отношений между конституентами.

Семантическая реляция, с помощью которой формируется семантический комплекс, или композит-комплекс (*далее* КК), стоящий за сложным словом, представляет собой информацию, которую надо добавить к содержанию семантических единиц, чтобы получить содержание комплекса [Городецкий 1984; Городецкий 2018]. Именно на семантических реляциях, а не на грамматических конструкциях, и строятся отношения между конституентами в комплексах. Реляции связывают конституенты, образуя смысл и не давая композиту «распасться» на составляющие. В основании выделения семантической модели КК должно лежать исчисление семантических реляций между компонентами. Бинарные семантические реляции, связывающие пары

[1] *Celdrán Gomariz P.* El gran libro de los insultos: Tesoro crítico, etimológico e histórico de los insultos españoles. Madrid: Esfera de Libros, 2008.

слов, в языке являются базисными, однако указанные отношения могут быть и многомерными.

В испанском словосложении могут иметь место изменения в складывающихся основах. Например, *pel**ir**rojo* (*рыжеволосый человек*) = *pelo* (*волосы*) + *rojo* (*красный*, *рыжий*). В приведенном примере видна замена *o* на *i*; кроме того, появилась двойная *rr*, поскольку первая часть сложного слова заканчивается на гласную, а вторая начинается с *r*.

Рассмотрим основные модели образования испанских сложных существительных. К наиболее продуктивным относятся следующие:

1. Глагол + существительное – самая продуктивная для испанского языка модель [Арутюнова 2007]. Глагол при этом всегда переходный и стоит в третьем лице единственного числа настоящего времени. Вторым конституентом является существительное, прямое дополнение к глаголу. Такие существительные называются императивными, поскольку образуются от императивных словосочетаний: *portavoz* (*букв*. 'неси голос') – 1) *рупор*; 2) *спикер*; *derramaplaceres* (*букв*. 'испорти удовольствия') – *тот, кто портит праздник* (*dle.rae.es/*) и др. В некоторых случаях существительное ставится во множественное число, при том что для полученного сложного слова формы единственного и множественного числа совпадают: *el* / *los sacacorcho**s*** (*штопор* / *штопоры*) = *sacar* (*вынимать*) + *corcho* (*пробка*); *el* / *los abrelata**s*** (*консервный нож* / *консервные ножи*) = *abrir* (*открывать*) + *lata* (*жестяная банка*); *el* / *los trabalengua**s*** (*скороговорка* / *скороговорки*) = *trabar* (*заплести*) + *lengua* (*язык*). Указанная группа является также самой метафоричной и описывает наибольшее число семантических классов, в основе которых лежит «агенс активного действия» [там же, с. 224]: названия профессий, инструментов, растений и животных, образная характеристика лиц и предметов и др.

2. Прилагательное + существительное. Прилагательное определяет качество существительного и может либо предшествовать ему (*malacara* (*конь, у которого бóльшая часть морды – белая*): Аргентина, Мексика, Парагвай) (*lema.rae.es/damer/*) = *malo* (*плохой*) + *cara* (*лицо*), *verdemar* (*цвет морской волны*) = *verde* (*зеленый*) + *mar* (*море*), либо следовать за ним: *nochebuena* (*сочельник*) = *noche* (*ночь*) + *bueno* (*хороший*); *nochevieja* (*новогодняя ночь*) = *noche* (*ночь*) + *viejo* (*старый*), т. е. это *последняя ночь старого года*. В результате данного типа словосложения новые слова также часто приобретают метафоричность,

идиоматичность и часто используются для негативной образной характеристики людей. Например, существительным *casasola*, буквально означающим *одинокий дом*, в Мурсии характеризуют угрюмого человека, а *bocarrica* (*букв*. 'богатый рот') в Бургосе называют того, кто постоянно восхваляет себя, ругая всех остальных (ср. *рус*. белое пальто) (*El gran libro de los insultos 2008*). Кроме того, в данной модели могут происходить изменения (см. вышеупомянутые комплексы *bacarrica* или *pelirrojo*).

3. Существительное + предлог + существительное – продуктивная модель благодаря легкости образования и экспрессивности, которая часто используется в разговорной речи. Самые широкоупотребительные – композиты с предлогом *de*: *bocacalle = boca de la calle* (*букв*. 'рот улицы') – *начало улицы*, *cañamiel = caña de miel* (*букв*. 'медовый тростник') – *сахарный тростник*. Второй по встречаемости источник подобных образований – конструкции с предлогом *a*: *calabobos = calar a los bobos* (*букв*. 'намочить дураков') – *мелкий дождь* (*dle.rae.es/*). Предлог *de* может сократиться до *e* или вовсе исчезнуть: *cuartoepollo* (*букв*. 'четверть цыпленка') – *кусок курицы, telaraña* (*букв*. 'ткань паука') – *паутина.* В большинстве сложных существительных данного типа генетивные отношения продолжают отчетливо ощущаться благодаря параллельным синтаксическим конструкциям: так, например, комплексы с первым элементом *boca-* могут быть как сложными словами (*bocacalle – начало улицы*, *bocamina – вход в рудник*), так и свободными сочетаниями (*boca del metro – вход в метро*, *boca de acceso – лаз*). Таким образом, сохраняется мотивированность значения, что делает существительные указанной модели гораздо менее идиоматичными, по сравнению с предыдущими двумя группами.

В испанском языке также существует рад малопродуктивных моделей образования сложных существительных (примеры взяты из электронного словаря: *dle.rae.es/*):

1) прилагательное + предлог + существительное, где предложная фраза вводится предлогом *de*, который имеет свойство сокращаться: *muertoehambre – очень голодный* (*букв*. 'мертвый от голода');
2) предлог + существительное: *sobrecama – покрывало* (*букв*. 'на кровати');

3) целые предложения: *hazmerreír – посмешище* (*букв*. 'заставь меня смеяться'), *sabelotodo – всезнайка* (*букв*. 'знай это всё'), *enhorabuena* – пожелание удачи при прощании (*букв*. 'в добрый час');
4) числительное + существительное (при образовании возможны орфографические изменения, связанные с правилами произношения: *cie**m**piés* (*сороконожка*) = *cie**n*** (*сто*) + *pie* (*нога*);
5) глагол + наречие / наречие + глагол: *sabihondo* (*всезнайка*: *sabe – знает* + *hondo – глубоко*), *bienestar* (*благосостояние*: *bien – хорошо* + *estar – находиться; чувствовать себя*);
6) наречие + причастие: *bienvenida* (приветствие прибывшего, *букв*. 'хорошо прибывшая');
7) наречие + прилагательное: *siempreviva* (*бессмертник*, *букв*. 'всегда живая');
8) местоимение + глагол: *quehacer* (*работа, дело*; *букв*. 'что делать');
9) прилагательное + прилагательное: *altibajos* (*неровности*, *букв*. 'высокий и низкий');
10) глагол + глагол: *tejemaneje* (*суета*, *букв*. 'кройте крышу и управляйте');
11) существительное + существительное: *naranjapiña* (*букв*. 'апельсин-ананас') – напиток, содержащий апельсиновый и ананасовый соки.

Интересно отметить, что последняя модель до недавнего времени считалась довольно редкой [Арутюнова 2007] в связи с тем, что испанский язык относится к синтетическим и управление одного существительного другим в нем – нечастое явление в отличие, например, от английского языка. Тем не менее последний год, отмеченный пандемией коронавируса, привнес в испанский язык значительное число сложных COVID-неологизмов, образованных именно по этой модели.

Дело в том, что лексема *coronavirus* (появившаяся в 1968 г. как медицинский термин и ставшая одной из самых употребительных в 2020 г.), представляя собой типичный пример сложения двух полных основ по модели существительное + существительное (*corona* + *virus*), обусловила появление в СМИ десятков лексем с оценочными (преимущественно – отрицательными) коннотациями: *coronacrisis* (*экономический кризис, вызванный пандемией*), *coronajeta* (*нерадивый*

ученик, находящий в пандемии оправдание плохим результатам: *jeta – морда*), *coronaburro* (*человек, не соблюдающий карантинных правил и ставящий под угрозу жизнь и здоровье окружающих*: *burro – осел*), *coñazovirus* (*проклятый вирус*).

Подобные неологизмы входят в стихийно возникающие «COVID-словари» разговорной речи, самым популярным из которых является «Covidcionario» (*covidcionario.com/*).

Проблема фиксации композит-комплексов в словаре

При исследовании сложных слов мы сталкиваемся с проблемой: далеко не все из них зафиксированы в словаре. В некоторых случаях в словарь вносится компонент сложного слова с указанием на то, что он может входить в состав сложного слова с определенным значением; но нередко существование сложных слов не отражается в словаре, в то время как в него включаются словосочетания с весьма свободной связью между компонентами [Городецкий 1984; Городецкий 2018].

Подавляющее большинство сложных слов могло бы и не входить в словарь, поскольку они строятся из уже объясненных в словаре компонентов. Освобождение словаря от лишних слов и словосочетаний, построение объяснительной модели для сложных слов языка не только бы облегчило труд лексикографов-практиков и процесс использования словарей читателями, но и привело бы к более ясному научному представлению о языке. Однако при возникновении необходимости поиска сложных слов, работа сильно усложняется именно из-за отсутствия многих сложных слов в словаре.

Вслед за Н. А. Зевахиной, выделим несколько основных факторов, влияющих на фиксирование сложных слов в словаре [Зевахина 2005]:

1) степень узуальности первого конституента: фиксироваться в словаре будут те КК, в которых первый конституент имеет большее употребление и / или более маркированный признак;
2) среда распространенности, стиль того или иного КК: например, если слово используется в разговорной речи, то его частотность ниже, чем частотность использования нейтрального слова;
3) формально-семантическая «сложность» первого конституента КК (чем «проще» первый конституент, тем выше вероятность встретить сложное слово с ним в словаре);

4) лексическая сочетаемость данного КК (чем она шире, тем скорее мы встретим его в словаре).

Часто сложные слова не фиксируются в словаре по причине того, что они конструируются в устной речи или изобретаются средствами массовой информации с такой скоростью, что словари не успевают их регистрировать, и проходит много времени прежде чем они появляются на их страницах (в том случае, если слово не успевает исчезнуть, а прочно входит в обиход и занимает свое место в системе языка). Ярким примером выступает упомянутая выше «лавина» пандемийных неологизмов, ставшая основой народного интернет-словаря «Covidcionario» (*covidcionario.com/*). Многие сложные слова настолько разговорные, просторечные или жаргонные, что не могут войти в академический словарь. Тем не менее для таких целей создаются специальные словари, например, «El gran libro de los insultos» (*букв*. 'Большая книга оскорблений') (*El gran libro de los insultos 2008*).

Особую проблему для изучения представляют сложные слова, состоящие из нескольких конституентов, каждый из которых пишется отдельно: *arco iris* (*радуга*, *букв*. 'радужная арка'), *hombre araña* (*человек-паук*), *mala hierba* (*сорняк*, *букв*. 'плохая трава') и др., поскольку само их отнесение к сложным словам остается под вопросом.

Некоторые сложные слова обладают национальной спецификой, что также усложняет регистрацию их вариантов в словаре. Например, *sacapuntas* в Мексике, *afilalápices* в Венесуэле обозначают одно и то же – *точилка для карандашей* (*lema.rae.es/damer/*). В Колумбии покрывало называют *cubrecama* или *cubrelecho*, в то время как в Испании сложное слово для данного понятия используется значительно реже, чем простое слово *colcha* [Rodríguez 1993].

Указанные факторы затрудняют регистрацию сложных слов в словаре и порой делают их поиск в нем бесполезной тратой времени.

О метафорических процессах в семантическом развитии системы сложных слов

Как было отмечено выше, между компонентами композит-комплекса существуют определенные отношения – семантические реляции. Особый подкласс отношений между компонентами комплекса составляют идиоматичные реляции. В их описании присутствуют

некий уникальный семантический признак, который не повторяется в других комплексах.

В испанском языке при образовании композит-комплекса слово зачастую приобретает идиоматичность, которой нет у отдельных его конституентов. Так, например, в состав КК *buscabroncas* (*скандалист*) входят конституенты *buscar* (*искать*) и *broncas* (*ссоры*), связанные следующей реляцией: X нуждается в Y в силу черт своего характера, причем скорее всего реакция окружающих будет негативна. Подобными свойствами обладают существительные и синтаксического (*el tiovivo = tío* (*дядя*) + *vivo* (*живой*) – *карусель*), и синтактико-морфологического (*la bocacalle = boca de la calle* (*рот улицы*) – *начало улицы*) способов словообразования с разной степенью мотивации значения.

Словообразовательная структура КК поликорневая, поэтому она содержит отсылку минимум к двум производящим, отражающим взаимосвязь различных понятий. Соединение в одном слове двух и более структурно выраженных понятий (а не оставшихся только в толковании лексического значения) позволяет передавать метафорический образ более ярко, наглядно: *el hazmerreír*, *el metomentodo* (от *me meto en todo – букв*. 'я вмешиваюсь во всё') – *назойливый человек* и др. Производящей базой сложных слов могут служить как узуальные словосочетания (*el chupasangre = кровосос*: *chupar – сосать* + *sangre – кровь*), так и потенциальные, возможные только с точки зрения грамматической связи компонентов, но логически недопустимые (*el rascacielos = небоскреб*: *rascar – скрести* + *cielos – небеса*).

Заключение

Испанское словообразование в высшей степени подвижно, в его системе заложен большой потенциал, реализация которого практически не ограничена. Именно поэтому словосложение беспрестанно пополняет лексический запас языка во всех областях: бытовой, художественно-литературной, общественно-публицистической и научной речи. Несмотря на столь активное появление в речи, сложные слова не всегда регистрируются в словаре, с чем связан ряд трудностей. Тем не менее в Интернете появляются и постоянно пополняются так называемые народные словари, которые фиксируют неологизмы, появляющиеся в качестве реакции на актуальные события.

Бурные процессы в современном испанском словообразовании объясняются как внеязыковыми, так и внутриязыковыми причинами. Ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей.

Сложные существительные испанского языка дают возможность полнее выразить две идеи в одном слове, сочетая краткость и семантическую насыщенность, поскольку новые словарные единицы имеют цельнооформленное и более емкое смысловое, чем значение отдельных компонентов. Между конституентами семантических комплексов, стоящих за подобными образованиями, возникают реляции, которые удерживают комплекс от «распада» и помогают проследить возникновение и развитие метафоричности в получаемом сложном слове.

В заключение подчеркнем условный, обобщенный и открытый характер предложенной классификации словообразовательных моделей испанских сложных существительных, поскольку в них «тесно переплетаются морфологические, синтаксические, семасиологические и фонетические особенности» и «сплетаясь друг с другом, они связывают между собой различные в структурном отношении виды сложений» [Арутюнова 2007, с. 168]. Таким образом, даже внешние признаки вроде орфографии (замена одного элемента на другой, появление дополнительных элементов или выпадение имеющихся) могут считаться основанием для выделения новых моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: На материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007. [Arutyunova, N. D. (2007). Problemy morfologii i slovoobrazovaniya: Na materiale ispanskogo yazyka (Problems of Morphology and Word Formation: On the Material of Spanish Language). Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.)].

Городецкий Б. Ю. Из лекций по семантике. М.: МАКС-Пресс, 2018. [Gorodeckij, B. Yu. (2018). Iz lekcij po semantike (From Lectures on Semantics). Moscow: MAKS-Press (In Russ.)].

Городецкий Б. Ю. К теории сложного слова // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 117–124. [Gorodeckij, B. Yu. (1984). K teorii slozhnogo slova (To the Theory of a Compound Word). In: Slovo v grammatike i slovare (pp. 117–124). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Зевахина Н. А. Структура и функционирование сложных прилагательных в немецком газетном дискурсе по данным корпуса (компаративный тип). М.: МГУ, 2005. [Zevahina, N. A. (2005). Struktura i funkcionirovanie slozhnyh prilagatel'nyh v nemeckom gazetnom diskurse po dannym korpusa (komparativnyj tip) (Structure and Functioning of Compound Adjectives in German Mass Media Discourse, according to Corpus Data). Moscow: Moscow State University. (In Russ.)].

Rodríguez J. La formación de palabras compuestas en inglés y en español // Revista de filología inglesa. 1993. Nº17. Pp. 21–38.

Santana Suárez O. et. al. El reconocimiento automático de la composición en español // Conference Abstracts of the First Internacional Conference of the Alliance of Digital Humanities Organisations, julio 2006. Pp. 190–193.

УДК 811.11-112
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_129

Е. В. Садовникова

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
sadovnikova.ev@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАССИВНОГО ЗАЛОГА В ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Статья представляет собой исследование, проведенное в русле грамматики дискурса с применением коммуникативного подхода к изучению залоговых отношений, позволяющем рассмотреть категорию залога как разноплановое явление с учетом его коммуникативной, когнитивной и прагматической составляющей. На материале немецкоязычных научных статей в области лингвистики анализируется участие пассивного залога в вербализации коммуникативно-прагматических характеристик научного текста и делается вывод о том, что пассивный залог является одним из имплицитных средств обращенности к адресату, диалогичности, интертекстуальности и оценочности.

Ключевые слова: категория залога; пассивный залог; грамматика дискурса; научный дискурс; научная статья.

E. V. Sadovnikova

Senior Lecturer, Department of the Second Foreign Language,
the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University
sadovnikova.ev@gmail.com

USAGE OF THE PASSIVE VOICE IN VERBALIZATION OF COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE GERMAN SCIENTIFIC ARTICLE

The article is a study carried out in line with the grammar of discourse using a communicative approach to the category of voice, which allows considering it as a diverse phenomenon, taking into account its communicative, cognitive and pragmatic components. Based on the material of German-language scientific articles in the field of linguistics, the study presents the participation of the passive voice as one of the implicit means of verbalizing the main communicative and pragmatic characteristics of a scientific text: addressability, dialogicality, intertextuality, evaluativeness.

Key words: category of voice; passive voice; grammar of discourse; scientific discourse; research article.

CC BY

Введение

Дискурс уже несколько десятилетий стоит в центре лингвистических исследований, а грамматика дискурса относится к одному из наиболее перспективных направлений современного языкознания. Мысль о том, что грамматические явления в тексте выполняют не только семантические и синтаксические, но и дискурсивные функции, была обозначена еще задолго до дискурсивных исследований и антропоцентрического поворота в лингвистике (Э. Бенвенист, Г. Вайнрих, Е. И. Шендельс и др.). Тем не менее грамматические категории и их потенциал в тексте долгое время оставались в тени. Расширение области интересов лингвистики, обращение к когнитивным процессам речевой деятельности и комплексный подход к изучению языковых явлений позволили подойти к вопросу функционирования грамматических категорий в тексте. С. Р. Макерова подчеркивает, ссылаясь на работы Н. Ф. Алефиренко (1999), В. В. Иванова (2004), Е. В. Падучевой (2000), О. Н. Ляшевской (2004), что дискурсивно обусловленными могут быть единицы всех грамматических уровней [Макерова 2013].

Интерес к рассмотрению языковых явлений через призму их дискурсивного потенциала в тексте обусловливает необходимость дальнейших исследований в рамках грамматики дискурса, которая позволяет обогатить системно-структурное понимание грамматической категории и представить ее как один из способов концептуализации и категоризации мира [Казанцева 2004]. Данное положение определяет актуальность настоящей работы.

Цель исследования – на практическом материале немецкоязычных лингвистических статей показать участие пассивного залога в вербализации основных коммуникативно-прагматических характеристик научного текста. Для создания теоретической опоры в исследовании раскрываются основные направления изучения категории залога; подчеркивается важность коммуникативного подхода к интерпретации залоговых отношений в целом и пассивного залога, в частности; описываются методы и практический материал исследования; дается характеристика научной статьи в коммуникативно-прагматическом аспекте; интерпретируется выбор автором пассивного залога в тексте немецкоязычной научной статьи для вербализации диалогичности, обращенности к адресату, интертекстуальности и оценочности.

Коммуникативный подход к изучению категории залога

Довольно обширные исследования категории залога проводились в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века. Теоретические аспекты концепции залогов освещены наиболее полно в работах таких отечественных лингвистов, как В. Г. Адмони, М. М. Гухман, А. В. Бондарко, А. А. Холодовича, В. С. Храковского, В. В. Богданова и др. Исследования ученых обогатили теорию грамматического залога и привели к развитию разных направлений и подходов к его изучению.

Обзор научной литературы позволяет говорить о трех основных подходах к изучению категории залога: синтаксическом, структурно-семантическом и коммуникативном. Согласно синтаксическому подходу (А. В. Исаченко, K. Brinker и др.) пассив считается синтаксическим явлением, а залог – это грамматическая категория глагола, которая выражает субъектно-объектные отношения. Активные и пассивные конструкции считаются эквивалентными, а их значение идентичным. Структурно-семантический подход (S. Karcevski, H. Glinz) указывает на то, что формы залога выражают различное отношение действия к субъекту. В рамках данной теории активные конструкции рассматриваются как субъектно-ориентированные, пассивные – как объектно-ориентированные.

Отправной точкой коммуникативного подхода является ситуация. Категория залога – это грамматические формы глагола, которые снабжают говорящего различными возможностями представления одного и того же содержания с различных углов зрения [Москальская 2004]. Коммуникативная теория выдвигает на первый план коммуникантов и коммуникативную ситуацию. Активное и пассивное предложение представляют собой различное видение события. Говорящий (или пишущий) решает, что должно стоять в центре описания. В зависимости от интенции говорящего на первое место в предложении выдвигается либо агенс, либо патиенс, либо само действие. В рамках грамматики дискурса такое понимание позволяет по-новому интерпретировать категорию залога в тексте. Ю. М. Казанцева предлагает выделять дискурсивный подход к изучению категории залога, который соединяет три уровня – синтаксическую структуру предложения, коммуникативную структуру предложения и факторы внешнего мира. Согласно этой концепции, залог

не только синто-морфологическая категория, но и дискурсивно-текстообразующая, потому что она структурирует коммуникативную структуру текста согласно коммуникативной интенции автора [Kazanceva 2005].

Ведется немало споров об основной функции, выполняемой пассивом. Одни ученые предполагают, что основной задачей пассива является выдвижение объекта на первый план и, соответственно, возможность пассивной конструкции отодвинуть субъект на второй план. Другие исследователи считают, что пассив предназначен для изменения актуального (коммуникативного) членения предложения, т. е. тематизации объекта. Важной является мысль о том, что одна и та же залоговая конструкция в конкретном акте речи способна выполнять не одну, а две-три функции:

– расстановка разных семантических акцентов: на признаке субъекта и его деятельности в активных конструкциях, на признаке объекта и на том, что происходит в результате деятельности субъекта в пассивных конструкциях;
– перспективизация субъекта и объекта;
– организация актуального (коммуникативного) членения предложения;
– выражение неопределенности или обобщенности субъекта в двухчленном пассиве;
– подчеркивание с помощью предлога *durch* в пассивных конструкциях того, что субъект – это не только деятель, но и причина или инструмент действия;
– четкость и точность передачи информации;
– объединение и членение содержательных компонентов текста;
– стилистическое варьирование организации текста;
– экономия языковых средств;
– указание автора на себя, расширение или сужение степени обращенности к читателю [Шубик 1991].

Как видно из вышесказанного, коммуникативный подход к изучению залоговых отношений вышел за рамки грамматической категории, залог приобрел статус разноплановое явления, требующего учета его когнитивной, коммуникативной и прагматической составляющей. Залог реализует определенные авторские цели, распределяет акценты, влияя на семантику и синтаксис предложения, а значит, и на интерпретацию

высказывания читателем. В настоящем исследовании предлагается проанализировать участие пассивного залога в вербализации основных коммуникативно-прагматических характеристик в немецкоязычном письменном научном дискурсе, а именно, на материале немецкоязычных научных статей лингвистического профиля последних лет.

В работе применяется комплексный метод исследования: анализ экстралингвистической ситуации, отбор релевантной информации в тексте, интерпретация выбора адресантом исследуемых языковых единиц. Данное исследование было проведено в рамках диссертационной работы, посвященной анализу взаимодействия глагольных категорий при реализации аргументативного замысла в немецкоязычном письменном научном дискурсе, что предполагает достаточный объем и глубокий анализ изучаемого материала.

Для интерпретации использования пассивного залога и его роли в научном тексте представляется необходимым охарактеризовать научную статью в коммуникативно-прагматическом плане.

Коммуникативно-прагматические характеристики научной статьи

Научная статья как один из жанров письменного научного дискурса имеет свои отличительные особенности в коммуникативно-прагматическом аспекте. Научная статья как коммуникативное событие реализуется при наличии двух основных участников ситуации общения – адресанта и адресата – в определенном социальном контексте, накладывающем сетку социальных ролей на коммуникантов (ученый, исследователь, автор, читатель, научный коллега, член научного сообщества и др.). Адресантом является автор научной статьи, ученый, который излагает собственную точку зрения на актуальную научную проблему, выдвигает гипотезу, приводит аргументы в ее защиту. Цель автора научной статьи – не просто донести до читателя информацию о полученных результатах научного исследования, но и аргументированно убедить его в истинности нового знания. Отправной точкой для коммуникативного поведения адресанта является адресат – читатель научной статьи.

Адресат текста научной статьи может быть рассмотрен в нескольких ипостасях. С одной стороны, это читатель-ученый, знакомящийся с новейшими результатами исследований по интересующей его научной

проблематике. С другой стороны, это обобщенный образ читателя, научное сообщество. Читатель научной статьи представляет собой статусно равного научного коллегу автора в том смысле, что ни один из коммуникантов не является единственным носителем научной истины. Автор и читатель научной статьи являются учеными, работающими в той же или смежной научной области, открытыми для научного диалога.

Подобная многоаспектность адресата научной статьи предполагает наличие разных интенций со стороны автора, постановку различных задач, использование автором различных языковых средств обращения и воздействия в процессе коммуникации.

Помимо коммуникантов важным экстралингвистическим дискурсивным механизмом, определяющим правила порождения текстов, по определению А. Ю. Ракуль, является коммуникативная ситуация, включающая форму и сферу общения, характер отношений между коммуникантами, их отношение к коммуникативному событию, информированность об обстоятельствах события и информированность о целях и интенциях партнера по коммуникации, цель сообщения [Ракуль 2012]. Научная статья предполагает письменную, институционально регламентированную форму взаимодействия между коммуникантами-учеными, с помощью которой происходит пополнение и обновление научной парадигмы знаний. Цель общения – убедить адресата в предлагаемом адресантом решении научной проблемы. Коммуникативные условия научной статьи могут быть названы особыми, поскольку цель общения и интенции автора реализуются в так называемом *отложенном* режиме, что отражается на коммуникативном поведении адресанта и выборе им языковых средств.

Характеристики коммуникантов и особенности коммуникативной ситуации, в условиях которой порождается научная статья, позволяют выделить ее основные коммуникативно-прагматические составляющие: обращенность к адресату, диалогичность, интертекстуальность, оценочность – и определенные способы их вербального выражения в тексте, среди которых особое значение приобретают имплицитные средства, опосредованное, косвенное выражение какого-либо значения [Шендельс 1977]. В следующем разделе статьи предлагается проанализировать роль пассивного залога как одного из имплицитных средств вербализации основных коммуникативно-прагматических характеристик в научной статье.

Анализ использования пассивного залога в научной статье в коммуникативно-прагматическрм аспекте

Ориентация автора научной статьи на читателя, своего партнера по коммуникации, на его предполагаемые цели и способность к обработке информации, определяет диалогичность как одну из важнейших коммуникативно-прагматических характеристик научной статьи. Диалогичность в научной статье проявляется в экспликации процесса мышления автора, в ходе его доказательств и опровержений, в желании воздействовать на адресата логикой рассуждений [Кожина 1986]. Коммуникативные условия научной статьи, цели и намерения коммуникантов диктуют определенные формы проявления диалогичности и обусловливают свои способы и средства ее выражения. Имплицитным средством взаимодействия автора и читателя нередко становится пассивный залог. В следующих примерах автор «приглашает» своего читателя к совместным размышлениям, к «дискуссии»:

> Abgesehen von den empirischen Fragen, *die später diskutiert werden*, ist da ein konzeptionelles Problem… (*W. Geuder. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen*).

> *Anschließend wird die Frage diskutiert*, wie die hier angenommene Analyse von wenn-Sätzen allgemein mit theoretischen Annahmen über wenn-Sätze aus der Literatur sowie mit bekannten typologischen Fakten über Satz komplementierer zu vereinbaren ist (*E. Onea. Wenn-Sätze als propositionale Argumente*).

Как показывают примеры, основным сигналом «приглашения к дискуссии» является глагол *diskutieren*. Использование двухчленного пассива глагола позволяет автору поставить в центр внимания сам процесс, действие. Следуя О. И. Москальской, отсутствие агенса в подобных пассивных конструкциях определяется их коммуникативной функцией и позволяет автору подчеркнуть существенность сообщения, а не непосредственного носителя действия [Москальская 2004].

В научной статье пассив нередко используется как связующее звено в диалоге между автором и научным сообществом. Рассмотрим следующий пример:

> Die hier vorgeschlagene Theorie lässt aber zugleich eine ganze Reihe von Fragen und Baustellen offen. Zum einen *muss* die Distribution von

Fragen- und Konditionalkomplementierern in unterschiedlichen Sprachen *viel ausführlicher analysiert werden*. Zum anderen *muss* die vorgeschlagene Semantik für faktive Verben *im Detail ausgearbeitet* und auf psychologische Plausibilität *experimentell überprüft werden* (*E. Onea. Wenn-Sätze als propositionale Argumente*).

В одном из своих последних шагов в научной статье автор обращается к научному сообществу с целью постановки дальнейших задач в исследовании научной проблемы. Активным средством реализации данной авторской интенции в проанализированном материале являются пассивные формы глаголов во взаимосвязи с модальным глаголом долженствования «müssen + Infinitiv Passiv». Подобное использование двухчленного пассива позволяет не только выстраивать смысловые акценты в высказывании, а именно, достичь эффекта обращения к обобщенному образу читателя, но и выдвинуть на передний план действие, ожидаемое от читателя.

Использование модальных глаголов и разных форм наклонения в связке с пассивным инфинитивом придает высказываниям различную степень необходимости действия и отношение автора к исследованию, его ожидания, предположения, настоятельные рекомендации, что можно проиллюстрировать примером:

Ob die sprachanalytische Betrachtung von Cognates im Englischunterricht tatsächlich zu einer Begünstigung des Vokabellernens führt, *muss zukünftig empirisch untersucht werden…* Dabei *sollte großer Wert* auf die Zusammenarbeit mit Schulen *gelegt werden*, die fächerübergreifende Modelle bereits einsetzen, um dieses Konzept weiterzuentwickeln... Die Wirksamkeit der inhaltlichen Verschränkung und der Effekt methodischer Konzepte *müssen eingehend evaluiert werden*, *wobei davon ausgegangen werden kann*, dass sich die universitäre und die schulpraktische Perspektive auf fremdsprachenübergreifendes Lernen gegenseitig bereichern. Auch die hier aufgestellten Grundzüge *müssen auf ihre Gültigkeit überprüft werden* (*A. Lenz. Fremdsprachenübergreifende Vokabelarbeit im Englischunterricht als Methode zur Förderung von Sprachbewusstheit*).

Пассивные конструкции «müssen + Infinitiv Passiv» служат формулированию четко поставленных целей и задач перед научным сообществом, их использование выражает уверенность автора в необходимости определенных шагов в дальнейших исследованиях. Использование пассивной конструкции «sollte + Infinitiv Passiv»

позволяет автору придать высказыванию рекомендательный характер ожидаемых от читателя действий. Используя пассивную конструкцию «können + Infinitiv Passiv», автор расширяет исследовательские возможности действий своих ученых коллег.

Диалогичность научного текста соотносится с таким понятием, как обращенность, понимаемая исследователями как «прагматический компонент, определяющий речевое поведение адресанта (включая выбор языковых средств) по отношению к адресату с целью прямого или опосредованного воздействия на него» [Митрофанова 2010, с. 10]. Т. А. Митрофанова отмечает, что обращенность в научной статье обнаруживается в целом спектре имплицитных средств, в том числе в пассивных конструкциях, что объясняется жанрово-стилистическими особенностями научной статьи, обусловливающими отсутствие местоимения второго лица единственного и множественного числа *du*, *ihr*, то есть отсутствие прямого обращения автора к читателю.

Пассивные безличные конструкции в вербализации обращенности в научном тексте могут использоваться прежде всего как средство акцентирования внимания читателя:

> *Abschließend soll darauf hingewiesen werden*, dass diese Art Analyse sich für eine Vielzahl von faktiven Verben wiederholen lässt (*E. Onea. Wenn-Sätze als propositionale Argumente*).

С. А. Шубик выделяет две основные функции подобных пассивных конструкций. Они позволяют показать сложное событие в его целостности, с одной стороны, и акцентируют внимание на самом событии, с другой стороны [Шубик 1991].

Помимо обращенности, диалогичность научной статьи теснейшим образом связана с понятием «интертекстуальности», поскольку, как известно, существование научного текста немыслимо без опоры на тексты первоисточников, диалог данного текста с предшествующими ему текстами. Межтекстовые связи научной статьи всегда тематизированы, автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делая его видимым для читателя. Это универсальный принцип построения научного текста – ретроспективно и проспективно – на уровне его содержания [Чернявская 2006].

Интертекстуальные связи научной статьи реализуются посредством обращения к авторитетным именам, цитатам и ссылкам, которые

выполняют различные функции, от декоративной до аргументативной. Анализ языковых средств, используемых автором при обращении к авторитетным источникам, показывает, что предпочтение отдается формам активного залога. Использование форм активного залога сигнализирует о том, что процесс указания на авторитетное имя, даже если оно носит обобщающий характер (*Wissenschaftler*, *Forscher*, *Studien*, *Beispiele* и т. д.), соотносится с процессом обработки текста читателем, подчеркивает убедительность аргумента и актуальность материала исследования.

Выбор автором пассивных конструкций в таком случае представляет особый интерес, поскольку предполагает реализацию особой авторской интенции. Ниже приведены примеры использования форм пассивного залога при создании автором интертекстуальных связей в научной статье:

> *Sie werden traditionell und lehrbuchmäßig durch eine Einteilung in Bedeutungsklassen dargestellt* (z.B. Pittner und Berman 2010: 38) … (*W. Geuder. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen*).
>
> *In der Literatur wird traditionell zwischen mehrdimensionalen und eindimensionalen lexikalischen Prädikaten unterschieden*, s. zu einer detaillierten Diskussion Sassoon (2013a) und Sassoon (2013b) (*S. Bücking. Zur Komposition von insofern als im Deutschen*).
>
> *In der klassischen wahrheitsfunktionalen Semantik wird typischerweise angenommen*, dass die Denotation eines Aussagesatzes eine Proposition ist (*E. Onea. Wenn-Sätze als propositionale Argumente*).

Во всех приведенных выше примерах использование пассивного залога сопровождается акцентом на типичности рассуждений внутри научного сообщества, классическом (традиционном) подходе к исследуемому явлению. Указание на авторитетные источники (*traditionell*, *lehrbuchmäßig*, *in der Literatur*, *in der klassischen Semantik*) сопровождается использованием пассивных конструкций, подчеркивающих характер всеобщности используемых подходов.

Оценочная функция цитат и ссылок связывает интертекстуальность с таким важным свойством научной статьи как оценочность. Использование пассивных конструкций при обращении к иным научным источникам является одним из языковых средств создания дискуссионности и критического отношения автора к цитируемому

фрагменту с сохранением уважительного отношения к другим участникам научной дискуссии, что характерно для научного дискурса в целом:

> *Und tatsächlich wird die Anzahl der Elemente*, die strikt als „Adkopula“zu bezeichnen wären, *anscheinend regelmäßig überschätzt* (*W. Geuder. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen*).
>
> In der Literatur fehlt eine ausführliche Analyse der Bedeutung von IA-Gefügen; *eine kompositional explizite Herleitung* ihrer Interpretation an der Syntax-Semantik-Schnittstelle *wurde meines Wissens bisher überhaupt noch nicht unternommen* (*S. Bücking. Zur Komposition von insofern als im Deutschen*).

Высказывание критического отношения со стороны автора, как видно из примеров, реализуется прежде всего на лексическом уровне: с помощью эмоционально окрашенной лексики или лексики с негативной окраской. Пассивный залог является при этом важным грамматическим «каркасом», позволяющем автору, с одной стороны, создать эффект «дистанцирования» от мнения ученых коллег, своего несогласия и критики мнения, принятого в научном сообществе, с другой стороны, опустить «нежелательное» прямое упоминание конкретных имен своих научных оппонентов, сохранив нейтральный стиль научного рассуждения.

Оценочность проявляется не только в критическом отношении автора научной статьи к изысканиям своих ученых коллег. Особое значение приобретает оценка собственного исследования. Оценочность такого рода является реализацией авторского самовыражения в научной статье и может становится средством воздействия на адресата. Рассуждая о достигнутых успехах в ходе проделанной научной работы, автору важно представить читателю объективную картину полученных результатов. Использование пассивных конструкций позволяет автору представить читателю результат объективно, «со стороны»:

> *Für die Fremdsprachendidaktik konnte gezeigt werden*, dass die Erforschung der Inhalte und Prozesse des Fremdsprachenunterrichts viele nutzbare Ergebnisse geliefert hat (*M. Wipperfürth. Welche Kompetenzstandards brauchen professionelle Fremdsprachenlehrer und -lehrerinnen?*).
>
> Transkulturalitat fordert, unterschiedliche Kulturen und Interkulturalität abzuschaffen, weil sie inharent rassistisch seien. *Doch diese Auffassung konnte*

begründet zurückgewiesen werden (*L. Bredella. Trans- oder Interkulturalität als Bildungsziel des Fremdsprachenlehrens und -lernens?*).

Использование пассива позволяет автору уйти на второй план, выдвинув на первый план высказывания результат проведенного им исследования. Некоторые приемы позволяют автору при этом имплицитно присутствовать в тексте, например использование глаголов с семантикой «доказать», «показать», «подтвердить» и т. д. Автор усиливает уверенность в положительном результате своей исследовательской деятельности сочетанием пассива с модальным глаголом *können*.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сформулировать следующие выводы:

– залоговые отношения в научном тексте следует рассматривать как разноплановое явление, для исследования которого необходимо учитывать его когнитивную, коммуникативную и прагматическую составляющие, что предполагает выход за пределы традиционных подходов к его изучению. Дискурсивный подход, учитывающий одновременно особенности синтаксической и коммуникативной структуры предложения, и факторы внешнего мира (коммуникативную ситуацию, интенции адресанта сообщения и т. д.) позволяет анализировать использование активного и пассивного залога как языковое средство с особым функционалом внутри письменного научного дискурса;

– функционирование пассивного залога в конкретном речевом акте научного текста не сводится к возможностям пассивных конструкций отодвигать субъект действия на второй план или осуществлять коммуникативное членение предложения. Пассивный залог может быть рассмотрен как вербальное средство выражения коммуникативно-прагматических характеристик научной статьи. Использование пассивного залога отмечено в вербализации взаимодействия автора и читателя, автора и научного сообщества как имплицитное средство обращенности к адресату и средства реализации особой авторской интенции при создании автором интертекстуальных связей или выражения оценки к чужому научному труду и собственному исследованию.

Данные выводы открывают перспективу дальнейших исследований в русле грамматики дискурса с целью изучения функционирования пассивного залога и его взаимосвязи с различными категориями немецкого глагола в других типах немецкоязычного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Казанцева Ю. М. Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тезисы докладов Международной конференции, посвященной памяти проф. О. И. Москальской 24–25 мая 2004 г. М.: МГЛУ, 2004. С. 19–20. [Kazantseva, Ju. M. (2004). Vozmozhna li grammatika diskursa? (Is There Such a Thing as Discourse Grammar?). In Germanistika: sostoyanie i perspektivy razvitiya (pp. 19–20): tezisy dokladov Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati prof. O. I. Moskal'skoy. Moscow: MSLU. (In Russ.)].

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь : Издательство Пермского университета, 1986. [Kozhina, M. N. (1986). O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi (On the dialogic nature of written scientific speech). Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (In Russ.)].

Макерова С. Р. Грамматика текста – грамматика дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 184–188. [Makerova, S. R. (2013). Grammar of text – grammar of discourse. Historical and social educational idea, 6(22), 184–188. (In Russ.)].

Митрофанова Т. А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. [Mitrofanova, T. A. (2010). Address as a pragmalinguistic phenomenon in an institutional discourse (on german material): abstract of PhD in Philology. (In Russ.)].

Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: Академия, 2004. [Moskalskaya, O. I. (2004). Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemeckogo yazyka (Theoretical grammar of modern German). Moscow: Akademia. (In Russ.)].

Ракуль А. Ю. Ситуативная рамка научного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 6 (639). С. 168–174. [Rakul, A. Yu (2012). Situational framework of scientific discourse in French economic articles. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6(639), 168–174. (In Russ.)].

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта : Наука, 2006. [Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya (Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Impact) Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)].

Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. 1977. Вып. 112. С. 34–37. [Shendel's, E. A. (1977). Implicitnost' v grammatike (Implicitness in grammars). Sbornik nauchnyh trudov MGPIIYA im. M. Toreza, 112, 34–37. (In Russ.)].

Шубик С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ленинград, 1991. [Schubik, S. A. Kategoriya zaloga i pole zalogovosti v nemeckom yazyke (Collateral category and collateral field in German): abstract of Senior Doctorate in Philology. (In Russ.)].

Kazanceva J. M. Von der Textgrammatik zur Diskursgrammatik // DAS WORT: Germanistisches Jahrbuch. 2004. S. 479–489.

УДК 81.13
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_143

М. А. Салькова, З. Р. Мамсурова

Салькова М. А., кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
bestgrammar@yandex.ru

Мамсурова З. Р., преподаватель 9-й кафедры иностранных языков
Военного Университета Министерства Обороны РФ
соискатель кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
zhukaeva_z@mail.ru

КОНФЛИКТ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЫСЛИ И СЛОВА
(к исследованию пьес британских драматургов)

В перспективе исследования конфликта в англоязычной лингвокультуре систематизируются теоретические знания о конфликтности; предлагается трактовка представления о конфликте как концепте лингвокультурного порядка, отражающем понятие о конфронтации и имеющем фреймовую структурно-организационную форму. Транслируя категориальную семантику оппозитивности, в драматургическом произведении конфликт получает способ объективации в виде диалогического обмена речевыми действиями, направленными на нанесение ущерба партнеру.

Ключевые слова: конфликт; концепт; лингвокультура; оппозитивность; драматургическое произведение; диалог.

M. A. Salkova, Z. R. Mamsurova

Salkova M. A., PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Grammar and History
of the English Language, English Language Department,
Moscow State Linguistic University
bestgrammar@yandex.ru

Mamsurova Z. R., Lecturer, Department of Foreign Languages,
Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation,
PhD Student, Department of Grammar and History of English,
English Language Department, Moscow State Linguistic University
zhukaeva_z@mail.ru

CC BY

CONFLICT AND DRAMA: AT THE CROSSROADS OF THOUGHT AND LANGUAGE (towards a treatment of plays by British dramatists)

Proposing a study of conflict in the English-speaking linguoculture, the article systematizes some theoretical knowledge conflict-wise and offers an interpretation of conflict as a concept of the linguocultural order, the concept reflecting the notion of confrontation and having a frame structure. Rendering the categorial semantics of opposition, in drama, conflict materializes in a dialogue mode where speech acts aim at harming the partner.

Key words: conflict; concept; linguoculture; opposition; drama; dialogue.

Введение

Целью настоящей статьи является теоретическое конструирование представления о конфликте как общественно осознаваемом явлении культурного порядка: признанием неизбежности и важности этого проявления культуры становится концептуализация соответствующего представления. Решение поставленной исследовательской задачи в дальнейшем ориентировано на анализ драматургических произведений британских авторов, где конфликт является фундаментом текстообразования, то есть формирования, развития и подачи сюжетной линии. Отсюда необходимость глубокого понимания когнитивных оснований, организационных форм и семантических характеристик конфликтности, которые, транслируясь в драматургический текст, получают конкретные способы языковой и речевой реализации.

Актуальность. Интерес к феномену конфликта свойствен человеку в силу его несомненной уникальности для общественной жизни. Конфликт является предметом изучения более десятка научных дисциплин: философии, социологии, психологии, педагогики, социобиологии, политических наук, военных дисциплин, математики, истории, искусствоведения и др. Более того, на сегодняшний день проблематике конфликта посвящены научные форумы, конференции, семинары и круглые столы, которые носят выраженный междисциплинарный характер; значимость данного явления для социума проявляется в том, что профессиональному изучению конфликта выделено особое место в программах подготовки выпускников высшей школы: конфликтология является как отдельной учебной дисциплиной, так

и профилем подготовки. Сказанное означает, что процессы, происходящие в обществе в последние десятилетия, изменили социум, изменили облик современной науки и академической практики. Отвечая на запросы общества, научное познание характеризуется увеличением числа прикладных задач, требующих специальных исследований разнообразных форм конфликтов, их деструктивных и конструктивных функций, а ежедневная практическая деятельность людей нуждается в экспертах, способных работать с непосредственными повседневными проявлениями конфликтных ситуаций. Лингвистике и англистике, в частности (с учетом глобализационных тенденций), отводится значительная роль в этой масштабной работе: именно языковедам предписано объяснить, как с помощью языковых средств достигается экстериоризация конфликта – наиболее острая форма противоборства природных и общественных явлений, научных теорий и обыденных представлений, отдельных личностей и больших или малых групп и т. д. В этом смысле изучение конфликта в драматургии трудно переоценить – помимо получения собственно лингвистических сведений об англоязычной конфликтной коммуникации, возникает возможность глубокого проникновения в динамику лингвокультуры конфликта англоговорящего народа.

Обозначенная постановка вопроса определила выбор ***материалов и методов*** для данной статьи. Так, исследовательским материалом, осмысляющим проблему конфликта с точки зрения ее концептуального наполнения, стали сведения из классических и современных теоретических источников. Методологически мы опирались на научную рефлексию, имеющую аналитическую направленность, для чего подвергли теоретической интерпретации ряд научных подходов и идеологий (когнитивистики, литературоведения, драматургического творчества). В итоге, мы получили возможность придать конкретизацию представлению о конфликте как концептуальной сущности, имеющей определенные семантические границы и возможные способы реализации в драматургическом дискурсе.

Конфликт: содержательная характеристика

Как отмечалось выше, конфликт сегодня исследуется различными науками, приобретая в них собственный терминологический статус,

обрастая специализированными трактовками и становясь всё более обширным. В то же время, поскольку происхождение термина «конфликт» связано с латинским словом *conflictus – столкновение, удар, борьба, бой*, наиболее типичным описанием этого понятия можно считать следующее: конфликт – это наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями.

В наиболее общем виде конфликт предстает перед нами как отрицательно окрашенное взаимодействие, приобретающее форму столкновения и обнажающее противоречие, расхождение взглядов, мнений, интересов и т. д. Отсюда следует, что конфликт в художественном произведении неизбежно предполагает противоборство героев, существование противоречия в общественных и личных отношениях, несовместимость жизненных установок и самого бытия с определенным рядом обстоятельств и т. п., что служит основой развития сюжета.

Анализ определений позволил обратить внимание на то, что практически все интерпретации, предлагаемые конфликту различными областями научного знания, имеют существенную общую характеристику: они с большей или меньшей степенью ясности фиксируют производность конфликта от содержательной идеи противопоставления, оппозитивности, осознаваемой участниками взаимодействия, которое может носить как невербальную, так и вербальную форму.

Кроме того, существенный характер носит тот факт, что все участники конфликта оценивают данное взаимодействие негативно, осознают возможность ущерба для себя и, как следствие, враждебно реагируют на действия противостоящей стороны. Таким образом, перефразируя идею исследователя Ю. Е. Прохорова, можно считать, что конфликт есть «нечто, *разобщающее*[1] на разных уровнях людей с точки зрения их отношения к действительности и способов общения в ней» [Прохоров 2008, с. 28], и статус этого «нечто» требует уточнения. Если предположить, что данное «нечто» обнаруживает себя, поскольку обладает содержательными свойствами, и ограничиться при этом описанием коммуникативных контактов, можно сказать, что

[1] Курсив наш. – *М. С., З. М.*

конфликт представляет собой отрицательно маркированный полюс человеческой интеракции, коммуникативный провал, где ему противопоставлено позитивное событие согласия или коммуникативного успеха. В этом смысле мы солидарны с трактовкой конфликтности, предложенной исследователями Л. В. Кушниной и М. В. Ивановым, которые видят в ней реализацию категории оппозитивности. Особую значимость для исследуемого нами лингвистического материала – текстов драматургических произведений – приобретает тот факт, что оппозитивность, «будучи универсальной семантической категорией», может рассматриваться как «сущностная текстообразующая и дискурсообразующая категория» [Кушнина, Иванов 2019, с. 59].

Конфликт: понятийный аспект

На современном этапе общепризнанным является тот факт, что наилучший доступ к исследованию многообразных проявлений природы человека обеспечивают его язык и речь. В этом смысле антропогенная природа конфликта позволяет лингвистам рассматривать этот феномен в широком контексте бытия человека, в тесной связи с его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью и культурной средой. Ключевой инструментарий для описания подобных сложных явлений предлагает когнитивистика, где центральным является термин «концепт». Несомненным преимуществом термина становится то, что он учитывает многослойность, многоаспектность и многообразие человеческих представлений в их взаимосвязях, а это, в свою очередь, предполагает и множественность их проявлений. В действительности, именно такой подход наилучшим образом удовлетворяет наше исследование: в определениях конфликта исследователи далеко не единодушны, что подтверждает факт существования более ста определений, предложенных для данного конструкта [Ермолаева 2005].

Выше было сказано о том, что конфликт связан с осознанием возникающего противоречия: он идентифицируется, обрабатывается и регистрируется мышлением (сознанием) и психикой (эмоциями) человека, становясь способом хранения знания о крайней форме *не-согласия* во взаимодействии. Важно, что это знание поступает к человеку либо непосредственно, опытным путем, либо возникает в результате освоения иного знания (например, при изучении наук,

из средств массовой информации, книг, фильмов и т. д.), а это уже позволяет говорить о существовании подобного представления не только в ментальности отдельной личности, но в ментальности целого сообщества, которое соответствующим образом зарегистрировало факты – различные проявления конфликта. Таким образом, становясь результатом отражения действительности и познавательной деятельности человека, конфликт приобретает статус концепта и далее становится особым содержательным ресурсом мышления в виде *понятий*, *образов*, *поведенческих стереотипов*, *ценностей*, *идей*, а также, что не менее важно, *эмоциональных установок* [Прохоров 2008].

Сделаем уточнение. Поскольку конфликт как характерное в определенных обстоятельствах проявление психической жизни, конфликтное поведение как реализация опыта и знание о конфликте как результат рациональной обработки информации непосредственно связаны с жизнью общества, неизбежно признание конфликта универсальным концептом культуры: «[Л]юди живут в пространстве культуры. Так же, как воздух, которым мы дышим, нас окружает воздух культуры, которым дышит наша душа. *Пространство культуры – это не физическое, а духовное пространство*. Это пространство смыслов – знаний, ценностей и идеалов, норм и правил жизни. Любой конфликт развертывается в определенном культурном контексте. И если культура обусловливает образ мышления и поведения людей в самых разнообразных жизненных ситуациях, то это же она делает и в ситуациях конфликтных» [Кармин 2011].

Добавим к рассуждениям выше еще одну позицию когнитивистики, которая состоит в возможности уточнить «имя» концепта, конкретизировать его качественные характеристики, создав определенный синонимический ряд к исходному обозначению или определив его принадлежность к ядру лексико-семантического поля [Воркачев 2003].

Сегодня по отношению к концепту «конфликт» сложилось достаточно устойчивое представление о том, что наиболее эффективна понятийная модель «конфликт – это война» [Ермолаева 2005; Арустамян 2011]. Тем не менее, следуя логике авторитетных концептологов и признавая, что концепты репрезентируются в разнообразных формах и форматах, в том числе языкового и речевого характера, можно ожидать осложнение и расширение базовой интерпретации. Об этом свидетельствует и приведенная выше оригинальная трактовка термина,

а также очевидность того, что понятийно мышление аккумулирует культурный опыт в его исторической динамике.

Конфликт в драматургии

Пересечение когнитивной и драматургической идеологии намечает установка, состоящая в том, что концепты могут означиваться в языке и по языковому выражению могут репрезентироваться «лексемами, фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и даже текстами и совокупностями текстов» [Прохоров 2009, с. 18]. К последним относится исследуемый языковой материал.

Литературоведы считают, что наиболее наглядно конфликт представлен в драме. Драма не рассказывает о конфликте, а показывает его. Конфликт в драме (как и в жизни) – противостояние, противоборство, концептуальное противоречие целей и интересов, образующее сюжет, формирующее систему образов, концепцию мира, человека и искусства, причем для драмы характерны достаточно острые конфликты.

Анализируя конфликт в драматургии как в ракурсе типологии и тематических приоритетов, так и применительно к возможным языковым формам подачи материала, исследователи видят зависимость между этими характеристиками и временем создания произведения. В частности, «для классицизма характерны противоречия между долгом и чувством; любовь противопоставляется долгу по отношению к родителям, патриотизм – семейным привязанностям, великодушие – требованиям государственной политики, преданность религиозной идее – личному чувству и т. д. Наиболее ярко открытый конфликт представлен в драме У. Шекспира, однако на рубеже XIX–XX веков получает развитие особая форма презентации конфликта в драме – “дискуссия” (драмы Д. Б. Шоу и др.) Как отмечал М. Бахтин, категория “конфликт” в драме Нового Времени потеснена категорией “диалог” (М. Бахтин)» [Костелянец 2007, с. 16].

Соответственно, особенности драматургической подачи конфликтности отражаются в композиции пьесы, накладывают отпечаток на выбор персонажей и описание героев, однако наиболее явно конфликты обнаруживают себя в диалогах персонажей. В частности, отечественный поэт и драматург, театральный критик и сценарист

В. М. Волькенштейн рассматривал любую драматическую реплику в диалоге как «удар» в борьбе между героями, который может либо достичь своей цели, либо нет, а диалог персонажей – как умелое или неумелое «нанесение и парирование ударов». Подчиняясь законам сцены, конфликт в драматургическом произведении служит приемом текстообразования, основным скрепляющим повествование элементом, создает интригу, привносит долю сомнения в возможности достижения конечной цели. Повествование не всегда ограничивается единственным конфликтом, и конфликты порой могут не получать решения в финале. Однако логический исход конфликта, его разрешение дает читателю / зрителю ощущение завершенности произведения.

Лингвистически ориентированную формулировку той же идее предлагает Ю. В. Рождественский, говоря о трех стадиях развития борьбы интересов: «Действия в этой борьбе можно поделить как бы на три стадии интенсивности: различия во мнениях, противоречия в дискуссиях и прямая борьба в виде конфликтов в действиях», – исследователь определяет конфликт как речевое действие особого характера и особой формы [прив. по: Костелянец 2007, с. 23].

Структурный тип конфликта

Продолжая рассуждение, подчеркнем, что применительно к обсуждаемому концептуальному содержанию конфликт, являясь реакцией на культурно-детерминированное знание, неизбежно будет транслироваться не просто отдельными речевыми действиями (репликами), но их определенными конфигурациями, причем особенностями последних должна стать выраженная диалогичность, или, иначе, обязательная двусторонность языковой и речевой конфронтации.

Понимая речь, мы не ждем ее завершения, наше понимание происходит параллельно тому, как текст появляется в нашем сознании. Речепорождение, опосредованное языком, всегда интенционально. Однако семантическая, семиотическая и концептуальная сферы существования того или иного понятия находятся в нашем сознании, и лишь материализуясь в языке, выстраиваются в некоторую устойчивую фигуру в объеме, который нам необходим в данной ситуации речевого общения. На уровне коммуникации собеседники стремятся к некоторой «недоопределенности» и «расплывчатости естественного общения»,

поскольку именно «недоопределенность» является существенной предпосылкой «гладкого» речевого взаимодействия. Эту мысль подтверждает Ю. Е. Прохоров: «Нечеткие и неотчетливые по своему смыслу слова с неровными краями областей их значений, неясность разграничительных линий между понятиями, их многообразие и пестрота – всё это создает возможность для нарушения строго дедуктивных форм мышления» [Прохоров 2009, с. 148]. Для литературного творчества – это катализатор творческой мысли и источник множественности драматических сюжетов, воплощаемых авторами в пьесах.

Для возникновения конфликта не имеет значения ни то, действительно ли ситуация такова, какой ее видят участники, ни то, верно ли судят вовлеченные в нее люди об образе мыслей друг друга. Коммуникант не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но трактует ее, определяя себя в этой ситуации, и тем самым конструирует конфликтную ситуацию. В концепт «конфликт» входят максимально абстрагированные смыслы, источником которых являются разные типовые образцы развертывания конфликтной ситуации. Сочетания этих контекстов, как абстрактных, так и вполне конкретных, и составляют концептуальные характеристики концепта «конфликт», формирующие его содержание, а также определяющие дискретность восприятия и векторность развития коммуникации. В терминологии когнитивистики, мы способны воспринимать отдельные конфликты, потому что они являются наполнением некоего фрейма. Именно так идентифицирует концепт «конфликт» исследователь Л. В. Арустамян: в его работах концепт «конфликт» приравнивается фрейму «конфликт» и определяется как особая стереотипная ситуация, включающая в себя обязательные слоты – компоненты конфликтного коммуникативного акта. [Арустамян 2011; Прохоров 2008, с. 23].

Заключение

В сознании человека конфликт получает отражение в виде концепта – сложноорганизованной ментальной сущности, элемента индивидуального и группового сознания, вероятнее всего, объединяющего признаки нескольких сопряженных концептуальных сфер, которые относятся к разнообразию проявлений личного и общественного бытия человека, к контексту культуры в самом широком понимании этого

слова. В драматическом произведении, также относящемся к культурной сфере жизни, переплетается множество элементов, пробуждающих интерес читателя, – личность героя, возбуждаемое им сочувствие или, наоборот, чувство ужаса; трогательность либо нелепость положения, в которое он попал. Однако сама по себе сложная ситуация еще не будет драматичной. Только борьба, конфликт, столкновение сил, то есть отдельных персонажей, придают пьесе – одной из форм драматургии – подлинный драматизм. Всё это с высокой степенью вероятности делает пьесу репрезентантом культурного концепта «конфликт».

Вышеизложенное подводит нас к более концентрированному пониманию конфликта как концепта лингвокультурного порядка, где драма оказывается речевой экспликацией тех столкновений, которые свойственны обществу в каждом историческом периоде. Очевидно, в драматургическом произведении представление о конфликте будет иметь сходство с его общеконцептуальным содержанием и организацией, а также – в зависимости от времени создания и тематической направленности – иметь собственные особенности, которые сформируют материализующие его элементы языка и речи.

Исходя из комплексного гетерогенного характера концепта «конфликт», его содержательная наполненность, категориально относящаяся к семантической сфере оппозитивности, представляется нам особым макрокомпонентом значения, узуально или окказионально входящим в семантику языковых единиц, окрашенных негативной модальностью и противопоставленных средствам реализации гладкой, успешной речевой интеракции (согласия). Следовательно, в наиболее общем виде на семиотическом уровне конфликтом становится обмен любыми речевыми действиями сторон, направленными на нанесение ущерба любого рода противоположной стороне. В дальнейшем драматургический диалог – основной текстообразующий режим пьесы – дискуссия, спор, вербализирующие в конкретно-языковой форме различия и противоборство сторон, рассматривается в качестве лингвистического способа объективации конфликта, то есть одного из возможных способов бытия данного аспекта культуры в коммуникативной практике.

Узнаваемость конфликта, вычленяемость его из общего потока человеческой интеракции является отражением его особенностей на различных уровнях существования: организационно, он представляет

собой дискретную информационную структуру статико-динамичного характера, т. е. фрейм, где в статике идентифицируются количественный и качественный состав враждующих участников, а в динамике – вербальный обмен, равносильный противодействию. (Еще раз подчеркнем, что маркированным психологическим фоном существования и развития конфликта являются открыто негативные эмоции сторон).

Завершая рассуждения, наметим перспективы исследования конфликта в англоязычном драматургическом творчестве. Среди наиболее значимых специфических особенностей культурного концепта «конфликт» следует отметить то, что этот культурно-маркированный концепт возникает в результате интерпретативной деятельности носителей языка посредством соотнесения ассоциативно-образных понятий с речевыми кластерами и воплощается в знаках национальной культуры, представлениях, эталонах и стереотипах, отражающих менталитет народа. Конфликт как концепт англоязычной лингвокультуры – это система особых образов, транслируемых компонентами различных уровней английского языка, служащая для кумуляции этой части мировидения данной языковой общности и свидетельствующая о ее культурно-национальном опыте и традициях. Отсюда возникает возможность определения грамматических и лексико-грамматических форм и их параметров, служащих сигналами актуализации искомого культуроносного смысла в речевой деятельности представителей англоязычной лингвокультурной общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арустамян Л. В. Концепт «конфликт» как объект лингвистического исследования // Университетские чтения, 13–14 января 2011 г. Часть VI секции 17–19 симпозиума 1. Пятигорск, 2011. [Arustamyan, L. V. (2011). Koncept konflict kak object lingvisticheskogo issledovanija (The concept of conflict as the object of linguistic investigation). Universitetskie Chtenija, 13.01.2011–14.01.2011. Part VI, Section 17–19, Symposium 1. Pyatigorsk. (In Russ)].

Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 6–15. [Vorkachev, S. G. (2003). Jetalonnost' v sopostavitel'noy semantike (Benchmark in comparative semantics). Jazyk, soznanije, kommunikacija (pp. 6–15). Moscow: MAKS Press. (In Russ)].

Ермолаева Е. Н. Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2005. [Yermolaeva, Y. N. (2005). Koncept konflict i jego ob'jektivatsija v leksiko-semanticheskom prostranstve sovremennogo anglijskogo yazika (The concept of CONFLICT and its objectification in lexico-semantic field of the modern English language): PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)].

Кармин А. С. Культура и конфликт // Конфликтология. База знаний. 2011. [Karmin, A. S. (2011). Kultura i conflict // Konflictologija (Culture and Conflict). Conflictology]. URL: https://psyera.ru/kultura-i-konflikt-1770.htm (дата обращения: 26.04.2021).

Костелянец Б. О. Драма и действие // Лекции по теории драмы. М.: Совпадение, 2007. [Kostelyanets, B. O. (2007). Drama i dejstvie (Drama and Action). Lekcii po teorii drami. Moscow: Sovpadenie. (In Russ)].

Кушнина Л. В., Иванов М. В. Оппозитивность как сущностная категория исторического дискурса (на примере концептов конфликт / согласие) // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 59–66. [Kushnina, L. V., Ivanov, M. V. (2019). Oppositivnost' kak suschnostnaya kategorija istoricheskogo diskursa (na primere konceptov conflict / soglasie) (Opposition as the essential category of historical discourse (exemplified by the concepts of conflict and consent). Eurasian Humanitarian Journal, 3, 59–66. (In Russ.)].

Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. 2-е изд. М.: Флинта : Наука, 2009. [Prokhorov, Y. Y. (2009). V poiskakh koncepta (Searching for the Concept). 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].

УДК 811.112.2'367
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_155

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
sotan1462116@gmail.com

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДИАХРОНИИ

В статье обсуждаются некоторые вопросы теории грамматикализации, в частности правомерность употребления термина «вспомогательные» применительно к английским центральным модальным глаголам *can, may, must, shall, will*. На основании имеющейся исследовательской практики рассматриваются пути, темпы и степень грамматикализации этих глаголов в диахронии. Авторы приходит к выводу о важности учета параметров исторического развития модальных глаголов для определения степени их «вспомогательности».

Ключевые слова: диахрония; грамматикализация; модальные глаголы; степень грамматикализации; «вспомогательность».

T. S. Sorokina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
sotan1462116@gmail.com

GRAMMATICALIZATION OF ENGLISH MODAL VERBS: DIACHRONIC APPROACH

The present article discusses some items of the theory of grammaticalization, namely, the plausibility of the term «modal auxiliaries» withregards the English central modal verbs *can*, *may, must, shall, will*. Based on the results of contemporary linguistic studies is the analysis of the cline, rate and degree of their grammaticalization viewed diachronically. The authors conclude that parameters of historical development of modal verbs are important for the degree of their «auxiliarization».

Key words: diachronic approach; grammaticalization; modal verbs; degree of grammaticalization; «auxiliarization».

Введение

Начиная с последних десятилетий XX века сформировалось новое направление диахронических исследований в лингвистике,

CC BY

которое носит название «теория грамматикализации» (сам термин «grammaticalisation» впервые использовал А. Мейе в своих работах начала века). Известными представителями этого направления являются в настоящее время такие лингвисты, как Х. Леман, Б. Хайне, П. Хоппер, Э. Траугот, М. Хаспельмат и др., а также (прежде всего в области эволюции вида, времени и модальности) Дж. Байби и ее коллеги. В самом общем виде грамматикализация представляет собой процесс, в ходе которого языковая единица становится в большей или меньшей степени грамматической.

Грамматикализация является сложным и многосторонним процессом, и в зависимости от взглядов исследователя она трактуется широко или узко. В узком понимании грамматикализация представляет собой «процесс, при котором значение какого-то языкового элемента, слова или морфемы, меняет свой статус: из лексического оно становится грамматическим» [Супрун и др. 1983, с. 240–241]. Это определение восходит к работам А. Мейе, который охарактеризовал грамматикализацию как приобретение грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным [Meilett 1912]. Более широкое понимание грамматикализации находим у Е. Куриловича [Kurylowicz 1965]. Это процесс, в ходе которого нечто из менее грамматического становится более грамматическим, т. е. относящимся к грамматике. Актуальным для современной теории грамматикализации является вопрос о путях семантических изменений в процессе развития грамматических операторов из лексических первоисточников. При этом важным представляется учет исходного значения всей структуры, подвергающейся грамматикализации – лексической семантики и грамматической формы ее составляющих.

Цель данной статьи: на основании результатов имеющейся исследовательской практики рассмотреть пути, темпы и степень грамматикализации английских модальных глаголов *can*, *may*, *must*, *shall* и *will* в исторической перспективе.

Грамматикализация и ауксилиаризация: дискуссия

Согласно современной точке зрения грамматикализация осуществляется на уровне семантики, морфологии, синтаксиса и фонологии.

Исторически семантическая грамматикализация проходит долгий путь от единицы или структуры с полным лексическим значением до грамматического показателя с достаточно абстрактным значением. Это движение нередко обозначается как «семантическая генерализация», или «семантическая редукция» (при утрате некоторых исходных значений).

Параметры грамматикализации, представленные К. Леманном, определяют степень автономии языковой единицы: уровень автономизации лексического знака считается показателем грамматикализации [Lehmann 2004]. Критерии П. Д. Хоппера предполагают учет сосуществования исходной лексемы и ее грамматикализованного варианта, сохранения первичных значений и функций, а также развитие новых параметров [Hopper 1991].

Непосредственно связанным с теорией грамматикализации является вопрос о так называемой ауксилиаризации (auxiliarisation), т. е. превращении лексических глаголов во вспомогательные (helping verbs).

Как указывалось выше, объектом данного исследования являются английские модальные глаголы *can*, *could*, *may*, *might*, *must*, *shall*, *should*, *will*, *would*, которые в большинстве работ трактуются как вспомогательные (modal auxiliaries). Эти центральные (central) модальные вспомогательные глаголы выделяются в отдельный (закрытый) класс глаголов и противопоставляются, с одной стороны, полумодальным (semi-modal) глаголам (*dare*, *ought*, *need*) и, с другой стороны, немодальным вспомогательным глаголам (primary verbs) [Huddleston, Pullum 2002]), non-modal auxiliary verbs (*be*, *do*, *have*). Последние считаются полностью грамматикализованными, т. е. утратившими свое лексическое значение. Иными словами, они являются прототипическими вспомогательными глаголами.

Auxiliary – это общепринятый термин для глагола, который принимает функции, близкие к глагольному окончанию (т. е. времени, наклонения, залога и т. д.) и не образует сказуемое предложения самостоятельно. Как мы увидим в дальнейшем, этот термин не вполне определяет статус вышеуказанных центральных модальных глаголов и не содержит указания на степень их семантической редукции.

Статус современных модальных глаголов до сих пор является дискуссионным, поскольку они различаются по степени «вспомогательности». Так, Байби и ее коллеги считают глаголы *can* и *may*

операторами эпистемической модальности, А. Л. Зеленецкий в работе «Историческая динамика класса модальных глаголов в западногерманских языках» описывает *shall* и *will* как вспомогательные глаголы, а *must* и *ought* как модальные частицы, или грамматические частицы модальной семантики [Зеленецкий 2012].

В настоящее время распространено мнение, что современные модальные глаголы (modal auxiliaries) обладают высокой степенью грамматикализации, поскольку отвечают критериям NICE – properties (акроним). N – negation: модальные глаголы принимают полное отрицание или его сокращенную форму типа *won't*; I – inversion: инверсия с существительным или NP в предложениях типа *Will the agents book the tickets?*; C – code: модальные глаголы могут замещать лексические глаголы (или служить тэгами) например: *The agents will book the tickets, so will the representatives*; E – emphasis: просодическая эмфаза типа *The agents* ***will***_*book the tickets* [Aarts 2011]. Кроме этого, модальные глаголы принимают инфинитив без *to*; всегда передают грамматическую категорию времени (кроме глагола *must*); не имеют форм 3-го лица единственного числа настоящего времени (-*s*), обоих причастий и собственного инфинитива. У глагола *must* находятся и другие признаки «вспомогательности»: этот глагол может в большинстве случаев предшествовать наречию, он семантически независим от подлежащего и может употребляться в конструкции с *there* и с пассивным инфинитивом, может относиться к прошлому и будущему, не меняя материальной формы.

Как следует из вышеизложенного, речь идет о морфологии, синтаксисе и фонологии, но не о семантике самого модального глагола.

Однако, как считают Дж. Байби и ее коллеги, свидетельство того, как грамматикализованные единицы сохраняют богатство своих значений, противоречит традиционному представлению о грамматических показателях как чисто реляционных элементах, а определенные оттенки значения конструкций-источников могут сохраняться в некоторых контекстах [Bybee et al. 1994]. Примером такого сосуществования в одной морфеме лексического и вспомогательного глагола является глагол *will* в таких случаях, как *Will he call me a cab?* (вспомогательный глагол как часть аналитической формы будущего времени) и *Do what you will* (лексический глагол в значении желания). Кроме того, у глагола *will* в употреблениях с первым лицом до сих пор

прослеживаются остатки модальности желания, а глагол *shall* в некоторых контекстах не взаимозаменим с *will*: *Shall I call you a cab?* Здесь говорящий как бы берет на себя определенные обязательства выполнить указанное действие.

При этом глаголы *can* и *may*, исторически поменяв свои значения с полных лексических на деонтические и эпистемические (о чем речь пойдет ниже), не демонстрируют полного исчезновения своей семантики. Не случайно, некоторые лингвисты, исследующие развитие модальных глаголов в диахронии, осторожно говорят об их трансформации в «почти вспомогательные» («(near) auxiliary status») [Fischer 2004, с. 17]. Другие предпочитают употреблять общий термин «modals», применительно как к предкам модальных глаголов («pre-modals»), так и к современным глаголам [Denison 1993; Lowrey 2012]: вопрос о статусе этих глаголов в раннеанглийском до сих пор остается дискуссионным. Интересно отметить, что последние работы в области грамматикализации модальных глаголов отмечают трудности в определении того, что считать «вспомогательностью». Так, Т. Кутева пишет, что диахронный аспект ауксилиаризации обычно не учитывается как объяснительный фактор современной природы этого явления, т. е. вспомогательные глаголы трактуются без учета того процесса, результатом которого они являются [Kuteva 2001].

Таким образом, термин «modal auxiliaries», будучи общепринятым, на практике не в полной мере отражает степень грамматикализации современных модальных глаголов, оставляя в стороне их семантическое наполнение.

Далее речь пойдет о путях грамматикализации модальных глаголов и о стадиях их грамматикализации в диахронии.

Грамматикализация модальных глаголов в диахронии

В этой связи нам представляется важным тезис о том, «что наличие многозначности [современных модальных глаголов] и сохранение специфических лексических черт может послужить диагностическим критерием для реконструкции истории грамматических элементов» [Байби, Перкинс, Пальюка 1994].

Диахронный анализ грамматикализации модельных глаголов всё еще оставляет для дискуссии несколько вопросов:

1) когда и как происходила грамматикализация модальных глаголов в английском языке?
2) через какие этапы она проходила?
3) все ли модальные глаголы следовали по одному и тому же пути («path», «cline» [Hopper, Traugot 1993])?
4) формировали ли они закрытый класс уже в древнеанглийский период или были всё еще полными лексическими глаголами?

Опираясь на работы Б. Лоури и О. Фишер, мы попытаемся ответить на поставленные вопросы [Lowrey 2012; Fischer 2004].

Начнем с того, что в древнеанглийский период (ДА) современным центральным модальным глаголам соответствовали *sceal*, *scolde*, *wille*, *wolde*, *can*, *cuþe*, *maʒ*, *mihte*, *mot*, *moste*, которые всё еще сохраняли определенные черты лексических глаголов, а именно, они принимали инфинитивы других глаголов, дополнение, выраженное именной фразой, и придаточным с *þæt* и употреблялись как непереходные. В ДА период предки современных центральных модельных глаголов (pre-modals) имели следующие лексические значения; **sculan* – «*owe*» (быть должным), **kunnan* – «*know*» (знать), **wiljan* – «*want*» (хотеть), **magan* – «*to have the power of*» (быть в состоянии), **motan* – «*be able to, be obliged to*» (мочь, быть должным сделать что-то). В настоящее время модальные значения подразделяются на корневые (динамические и деонтические) и эпистемические. В наиболее общем виде историческое развитие семантики модальных глаголов шло в направлении от лексических значений к корневым и затем к эпистемическим. Принято считать, что корневые значения появились до эпистемических, и эпистемические значения развились из корневых.

В ДА период центральные модальные глаголы также сохраняют некоторые морфологические черты, характерные для лексических глаголов: отдельные формы 2-го лица единственного числа, формы сослагательного наклонения, они всё еще употребляются в отдельных контекстах косвенной речи. Таким образом, в ДА период модальные глаголы еще не обладают всеми характеристиками «закрытого» класса. Однако, по данным Б. Лоури, уже в ДА период у них появляются отдельные черты «вспомогательности»: редко употребляются или утрачиваются некоторые морфологические формы, из NICE properties прослеживается только фактор C и т. д.

Когда же произошла перестройка центральных модальных глаголов из полных лексических в почти вспомогательные (nearly auxiliary)?

Д. Лайтфут впервые высказал идею о радикальной трансформации модальных глаголов (radical re-analysis) в диахронии [Lightfoot 1979], что вызвало однозначную реакцию со стороны лингвистов: Aitchison (1980), Warner (1983), Plank (1984). По их мнению, исторические изменения модальных глаголов происходили не «взрывом», одновременным толчком (push chain) в XVI веке, а постепенно (drag chain). Кроме того, это гораздо более длительный процесс, находящий объяснение в теории грамматикализации. Согласно этой точке зрения изменения центральных модальных глаголов происходят циклично, и эти циклы (modal cycles) снова и снова повторяются. По мнению О. Фишер, в ДА период предки современных модальных глаголов в первом модальном цикле ограничивают свою полнолексическую семантику до деонтических, динамических и эпистемических значений. Как следствие этого, они теряют некоторые морфологические черты, а также более не употребляются в прежних синтаксических конструкциях. Всё это приводит к новому модальному циклу – появлению квазимодальных глаголов, чтобы заполнить синтаксические лакуны, оставленные центральными модальными глаголами. Следующие циклы касаются дальнейшей грамматикализации модальных глаголов (*shall* / *will* для передачи значения будущего действия). О. Фишер также считает, что изменения модальных глаголов происходят постепенно и не эволюционно в одном направлении, но с заметными колебаниями. Так, старые употребления модальных инфинитивов и причастий, исчезающие к концу ДА периода, вновь становятся частотными в среднеанглийский период (СА). Хронологически поздний СА и ранненовоанглийский считаются периодами наиболее радикальных изменений модальных глаголов.

Рассмотрение модальных глаголов по отдельности (а не как совокупного класса) показывает, что этот процесс не был однородным для всех глаголов, и что они развивались в грамматические элементы с разной скоростью.

Так, глагол *willan* грамматикализуется быстрее остальных глаголов. Уже в ДА он встречается с инфинитивами других глаголов в значении предсказания (prediction). Это означает, что на этой стадии он становится по определению Э. Траугот [Traugott 1982] слабым эпистемическим глаголом (weak epistemic modal). Более того, есть свидетельства,

что этот глагол из лексического (*want*) сразу превращается в эпистемический, минуя стадию деонтических значений [Lowrey 2012]. В итоге, в ДА период глагол *will* демонстрирует, с одной стороны, сосуществование черт лексического и вспомогательного глагола, и, с другой стороны, обнаруживает заметные темпы языковых изменений.

Глагол *sculan* также находится в ДА на относительно продвинутой стадии грамматикализации. Он явно демонстрирует переход от корневой модальности долженствования к эпистемической характеристике будущего действия. Процесс грамматикализации *scolde* уже в ДА период проходит три стадии: от слабого корневого (долженствование) через некое значение нереальности к перифразе морфологической формы сослагательного наклонения. Иными словами, в ДА период уже достигается этап грамматикализации, когда *should* в определенных контекстах вытесняет морфологическую форму сослагательного наклонения, т. е. становится quazi-subjunctive.

Из всех модальных глаголов *motan* претерпел наиболее значительные семантические изменения. В ранний ДА период он более похож на *may*, чем на современный *must*, так как выражает значение разрешения. В более поздний ДА период его семантика меняется: он выражает уже не разрешение, а долженствование.

Magan по своей семантике в ДА период располагается где-то между *motan* и *cunnan* и напоминает современное существительное *might*. Он функционирует как корневой глагол со значением силы, умственной и физической способности, а также в некоторых случаях разрешения. *Magan* и *mihte* первые из центральных модальных глаголов развивают эпистемические значения.

Cunnan из всех модальных глаголов грамматикализуется в последнюю очередь, дольше сохраняя черты лексического глагола. Его преимущественная семантика – корневая. Д. Денисон также отмечает возможность двойных модальных сочетаний в современных диалектах скотс, где *can* выступает как лексический глагол [Denison 1993]. Это еще одно подтверждение того, что грамматикализация *can* еще не закончена.

Заключение

Обзор исследований, посвященных степени грамматикализации современных центральных модальных глаголов и достижению их

современного статуса в диахронии, позволил прийти к следующим выводам:

1) термин «modal auxiliaries» применяется к английским модальным глаголам в достаточной степени условно, является данью традиции, поскольку помимо релятивного грамматического значения они демонстрируют наличие определенной лексической семантики;

2) исторические изменения лексической семантики и приобретение черт «вспомогательности» не есть результат «взрыва», мгновенного «переосмысления» (re-analysis) английских модальных глаголов, но следствие длительного, постадийного, циклического процесса, сопровождающегося флюктуациями;

3) не демонстрируя «одноколейности» развития в диахронии, английские модальные глаголы подвергаются грамматикализации в разной степени и с разной скоростью, что и определяет меру их «вспомогательности» в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Байби Дж., Перкинс Р., Пальюка У. Эволюция грамматики: время, вид и модальность в языках мира / пер. Т. А. Майсака ; под ред. В. А. Плунгяна. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. Pp. 1–22. [Bajbi, Dzh., Revir Perkins, Uil'jam Pal'juka. (1994). Jevoljucija grammatiki: vremja, vid i modal'nost' v jazykah mira, transl. by T. A. Majsak, ed. by V. A. Plungjan. In Joan Bybee, Revere Perkins and William Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world (pp. 1–22). Chicago: University of Chicago Press. (In Russ.)]. URL: http://lingvarium.org/ (дата обращения: 16.04.2021.).

Зеленецкий А. Л. Историческая динамика класса модальных глаголов в западногерманских языках // Динамические процессы в германских языках. Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В. Н. Ярцевой. М.; Калуга: ИП Шилин И. В. (Эйдос), 2012. С. 30–39. [Zeleneckij, A. L. (2012). Istoricheskaja dinamika klassa modal'nyh glagolov v zapadnogermanskih jazykah (Historical dynamics of modal verbs in West Germanic languages) In: Dinamicheskie processy v germanskih jazykah. Materialy Chetvertyh lingvisticheskih chtenij pamjati V.N. Jarcevoj. (pp. 30–39). Moscow – Kaluga: Jejdos (In Russ.)].

Супрун А. Е. [и др.] Общее языкознание. Минск: Вышэйшая школа, 1983. [Suprun, A. E. et al. (1983). Obshhee jazykoznanie. (General linguistics). Minsk: Vyshjejshaja shkola. (In Russ.)].

Aarts B. Oxford Modern English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Bybee Joan, Revere Perkins, William Pagliuca. The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Denison D. English Historical Syntax. London: Longman, 1993.

Fischer O. C. M. The development of the modals in English: Radical versus gradual changes // English modality in context. Diachronic perspectives / D. Hart (ed.). (Linguistic insights. Studies in Language and Communication 11)). Peter Lang, 2004. Pp. 16–32.

Huddleston R. D., Geoffrey K. Pullum. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Hopper P. J. On some principles of grammaticization» // Approaches to grammaticalization. Traugott, Elizabeth C. & Heine, Bernd (eds.). 2 vols. 1991. Amsterdam & Philadelphia: J. Benjamins (Typological Studies in Language 19). P. 17–35.

Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Kuriloowicz J. The evolution of grammatical categories // Diogenes 51: 55–71. 1965.

Kuteva T. Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Lehmann C. Thoughts on grammaticalization // LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 1. München: LINCOM Europa. 2004.

Lightfoot D. Principles of Diachronic Syntax, Cambridge Studies in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Lowrey B. Grammaticalisation and the Old English Modals // Quaderna. 2012. Vol. 1. Pp. 1–29. URL: https://quaderna.org/wp-content/uploads/2012/11/Lowrey-grammaticalisation-old-english-modals-DEF.pdf (дата обращения 16.04.2021).

Meillet A. L'evolution des formes grammaticales // Scientia. 1912. Vol. 26, № 6. P. 130–148.

Traugott E. C. From Propositional to Textual and Expressive Meanings: Some Semantic-Pragmatic Aspects of Grammaticalization. In W. P. Lehmann, and Y. Malkiel (eds.), Perspectives on Historical Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1982. Pp. 245–271.

УДК 81,367
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_165

Т. С. Сорокина, Э. К. Барсукова

Сорокина Т. С., доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
sotan1462116@gmail.com

Барсукова Э. К., аспирант кафедры грамматики и истории английского языка,
преподаватель кафедры второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета
elia2605@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДВОЙНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о происхождении двойной модальности в английском языке. По данным исследований двойного модального комплекса автор приходит к следующим выводам: двойные модальные сочетания появляются в древнеанглийский период в северных диалектах; они выходят из употребления в новоанглийский период ввиду выделения модальных глаголов в класс вспомогательных; сочетания попадают из языка скотс путем миграции населения в Новый Свет через ирландскую провинцию Ольстер.

Ключевые слова: модальность; двойная модальность; двойные модальные сочетания; происхождение; диалект.

T. S. Sorokina, E. K. Barsukova

Sorokina T. S., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
sotan1462116@gmail.com

Barsukova E. K., PhD Student, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English language, Lecturer,
Department of the Second Foreign Language,
Moscow State Linguistic University
elia2605@yandex.ru

HISTORICAL SOURCES OF DOUBLE MODALITY IN ENGLISH

The article looks into the grammatical phenomenon of double modality and its historical origins in the English language. The observations show that the plausible source of double modals is the Old English Northumbrian dialect; their disappearance

CC BY

in Early New English is due to the 16th re-analysis when modals became auxiliaries; their appearance and today's presence in the US is accounted for by Scottish immigrants who took the feature from Scots and brought it to the USA through Ulster.

Key words: modality; double modality; double modal combinations; origins; dialect.

Введение

Двойной грамматической модальностью обозначаются случаи употребления двух модальных глаголов в контекстах типа:

> If you find that «one», you might should strongly consider it. (*https://www.wellspringcbd.com/which-cbd-should-i-buy*)
>
> This might could be seen as it will be frustrating. (*http://tamilnn. com/?p=3746*)

Известны также случаи множественной модальности – употребление трех модальных глаголов (*might will can't*). Внутри таких сочетаний выделяют несколько уровней, так называемых ярусов [Nagle 1994]: в большинстве случаев, модальный глагол первого уровня выражает эпистемическое значение, а второй компонент либо деонтическое, либо динамическое значение.

Интерес к таким сочетаниям объясняется в первую очередь тем, что они противоречат нормам грамматики английского языка, которые не предусматривают два модальных глагола в одном предложении. Тем не менее двойная модальность широко используется и принимается англоязычным миром: в южных штатах США зарегистрировано более 20 млн случаев употребления рассматриваемого нами грамматического явления [там же].

Распространение двойной грамматической модальности повлекло за собой разного рода исследования данного явления: двойные модальные комплексы рассматривались с точки зрения их синтаксических и семантических характеристик, функционального потенциала, а также социолингвистики в работах Б. Феннел, С. Нейгл, Ди Паоло, М. Монтгомери, Дж. Хейсти и других ученых.

Однако вопрос о происхождении двойных модальных сочетаний в английском языке, также широко освещавшийся в научной литературе с конца XX века, до сих пор остается дискуссионным. Несмотря на общее признание географического распространения этого явления за пределы Великобритании, в современном мире единое

представление об исторических истоках двойных модальных сочетаний на сегодняшний день отсутствует.

Так, часть исследователей (Ф. Виссер, Э. Трауготт) полагает, что истоки двойной грамматической модальности следует искать непосредственно в древнеанглийском языке, в то время как другие (Б. Феннел, С. Нейгл) выдвигают идею об иностранном происхождении этого явления.

В рамках данной статьи мы детально рассмотрим версии исследователей, занимающихся проблемой двойной модальности. Основной целью настоящего исследования является, таким образом, анализ разных точек зрения на исторические истоки двойного модального комплекса и обоснование нашего понимания происхождения двойной модальности в английском языке.

Происхождение двойной модальности: дискуссия

Как указывалось выше, начиная с конца прошлого века, двойная грамматическая модальность становится объектом пристального внимания лингвистов с точки зрения синтаксиса, функционального потенциала, семантики и происхождения. Последний упомянутый аспект – происхождение двойных модальных сочетаний в английском языке – носит дискуссионный характер и по сегодняшний день.

В данной статье мы рассмотрим две основные точки зрения на происхождение явления двойной модальности в английском языке:

1) двойные модальные сочетания берут свое начало в древнеанглийском языке;
2) двойные модальные сочетания имеют иностранное происхождение, т. е. были заимствованы из других языков.

Основными сторонниками первой точки зрения об исконно английском происхождении двойных модальных сочетаний являются Ф. Т. Виссер и Э. Трауготт [Visser 1963–1973; Traugott 1972]. Оба исследователя, занимавшихся языком в диахронии, указывают на прямую связь между сочетаниями древнеанглийского периода и некоторыми современными случаями употребления двойной модальности.

Впервые двойные модальные сочетания были отмечены на севере Англии, в диалектах северного ареала, в частности, в нортумбрийском диалекте. Они признаются прямыми предками некоторых современных

сочетаний. Таких примеров немного: древнеанглийское сочетание *must ought* и среднеанглийские сочетания *shall may* и *shall can.*

Подчеркивая прямую связь между сочетаниями в древне- и среднеанглийский периоды и современными примерами, Ф. Виссер пишет: «…constructions of this kind [i. e. He shal neuer conne trotte], with an auxiliary as middle verb, having been in frequent occurence in Middle English, became obsolete by the beginning of the Modern period, except in Scottish dialects where clusters with can in central positions survived»[1] [Visser 1963–1973, c. 2404].

Здесь важно принимать во внимание тот факт, что изначально грамматический строй древне- и среднеанглийского языка допускал функционирование сочетаний двух глаголов по типу рассмотренных выше, так как на тот момент модальные глаголы еще не выделялись в отдельную группу глаголов (modal auxiliaries). Сочетания тех периодов представляли собой комбинации смыслового и вспомогательного глаголов, что не соответствует типу современных примеров двойной модальности, где оба глагола определяются как вспомогательные.

Еще одно предлагаемое доказательство в пользу древнеанглийского происхождения двойной модальности заключается в следующем: исследователи опираются не только на ранние письменные памятники, но и на факт наличия такого же типа конструкций в других германских языках (например, в голландском и немецком) [Visser 1963–1973]:

гол.: Dat zou niet moeten kunnen (*DiPaolo, McClenon, 1979*).
нем.: Wie sollten dann diese Bewegungen exakt erfaßt werden können? (*Gastarbeiter, 1999*).

Однако модальные глаголы в немецком и голландском языках имеют иной статус: модальные глаголы рассматриваются и в качестве вспомогательных, и смысловых. Например, использование глагола *können* в немецком предложении *Ich kann Deutsch* является грамматически правильным, так как он выступает в роли смыслового,

[1] Конструкции со вспомогательным глаголом, типа He shal neuer conne trotte, активно употреблявшиеся в среднеанглийский период, устарели к началу периода современного английского языка, за исключением шотландских диалектов, где продолжают существовать сочетания с can в качестве второго компонента (перевод наш. – *Авт.*)

а не вспомогательного глагола, а значит, допускает использование прямого дополнения (Deutsch) в постпозиции.

С. Нейгл отвергает точку зрению об исконном происхождении двойной модальности ввиду следующих причин:

1) частотное древнеанглийское сочетание *must ought* не имеет аналога в современном английском языке;
2) первый компонент среднеанглийских сочетаний *shall may*, *shall can* в составе современных сочетаний более не регистрируется;
3) второй компонент среднеанглийских сочетаний был маркирован как инфинитив (*cone*, *wylle*) и не имел современных значений [Nagle 1994].

С. Нейгл отмечает, что к концу среднеанглийского периода двойные модальные сочетания исчезают из диалектов (преимущественно, северных, где они раньше встречались). Исследователь связывает это исчезновение с «переосмыслением» («re-analysis») статуса модальных глаголов, когда в XVI веке происходит их выделение в отдельный «закрытый» класс вспомогательных глаголов, что повлекло за собой невозможность одновременного употребления двух модальных глаголов [там же].

Итак, после «переосмысления» статуса модальных глаголов, двойные модальные сочетания выходят из употребления. Два столетия спустя, в середине XVIII века, в письменных текстах на языке скотс регистрируются первые случаи употребления двойной модальности на территории Шотландии [Grant, Murison 1976]:

> If we get a German doctor, not one of us will can speak to him (*Calderwood, 1756*).
> The youth himself may can to rule the rost (*The Scottish National Dictionary, 1768*).

Коллега С. Нейгла М. Монтгомери продолжает отслеживать развитие сочетаний на территории Шотландии и США [Montgomery, Nagle 1994]. Он солидарен с С. Нейглом, полагая, что древне- и среднеанглийские сочетания вряд ли могут быть прямыми предшественниками современных. Вместо этого М. Монтгомери фокусирует свое внимание на языке скотс, предпринимая попытку установить в нем источник возникновения двойных модальных сочетаний. Он

предлагает две версии: 1) внутриязыковое развитие (модальный глагол *can* не приобрел статус вспомогательного на севере, допуская, таким образом, сочетания двух глаголов) и 2) внешнеязыковое влияние (родственные языки типа древнескандинавского). К сожалению, случаи употребления двойных модальных сочетаний в языке скотс XII–XVII века пока не были зарегистрированы, что делает невозможным прямое подтверждение той или иной версии.

К концу XIX – началу XX века отмечается тенденция к увеличению частотности употребления двойных модальных сочетаний на территории Шотландии и Соединенных Штатов Америки – первый случай регистрируется в 1859 году в штате Северная Каролина [Montgomery, Nagle 1994]. Источником двойной модальности в США явился, по мнению М. Монтгомери, язык скотс. Это связано с миграцией части населения Шотландии сначала в Ирландию, в провинцию Ольстер, а затем за океан.

Таким образом, хронология и география развития двойной грамматической модальности, может выглядеть следующим образом: Шотландия → Ольстер → США.

Как указывалось выше, промежуточным элементом, который обеспечил появление и дальнейшее развитие двойной грамматической модальности на территории США, является ирландская провинция Ольстер, куда в начале XVII века (около 1610 г.) эмигрировала часть населения Шотландии. Язык, который был перенесен во время массового переселения шотландцев в Северную Ирландию, позже стал именоваться ольстерско-шотландским языком (Ulster Scots).

Первые зарегистрированные случаи употребления двойной грамматической модальности в провинции Ольстер относятся к середине XIX века [Montgomery, Nagle 1994]. Так, в письме ольстерского мигранта в Платтсбург, штат Нью Йорк, встречается следующий пример двойной модальности:

Let sister Janet know that if ever I be home Ill can milch (1852).

Несколько лет спустя (1886 г.) в романе У. Г. Литла, написанном на ольстерском диалекте, отмечаются следующие примеры:

So a'll no can stae out lang (*W. G. Lyttle. Sons of the Sod*).
A doot we'll no can keep him lang (*W. G. Lyttle. Sons of the Sod*).

Еще один источник сочетаний на территории Ольстера – руководство по исправлению типичных ошибок «Our Ulster Accent and Ulster Provincialisms», опубликованное в 1897 году школьным учителем [McMordie 1897]. В данном сборнике детально рассматривается ошибочное употребление негативной формы сочетания *will can* (*'ll no can*) и отмечается частотность этой ошибки (и, следовательно, косвенно наличие сочетания двух модальных глаголов): «The blunder pointed out in this section is much more frequent than any one would imagine… Many an Irishman who is well up in English idioms generally commits the mistake here instanced»[1] [McMordie 1897, c. 38].

Принимая во внимание все вышеупомянутые случаи, М. Монтгомери заключает: очевидно, что частотное употребление сочетания *will can* имело место в Ирландии, и, следовательно, провинция Ольстер – это именно тот недостающий элемент в хронологической схеме Шотландия – США, который и обеспечил перенос двойных модальных сочетаний за океан.

На территории США ольстерские мигранты стали известны как «шотландские ирландцы». Из Новой Англии, куда сначала направились переселенцы, они вынуждены были продолжить свой путь в Пенсильванию, откуда началось массовое движение на юг через Вирджинию и Джорджию [Montgomery, Nagle 1994]. С начала XX века, начинается распространение двойной грамматической модальности сначала на территориях, где обосновались шотландские ирландцы, а затем происходит постепенная географическая экспансия этого явления за их пределы.

Вопросу об истоках двойной модальности уделяет большое внимание и Х. де ла Круз [de la Cruz 1995]. Он солидарен с М. Монтгомери в вопросе появления и развития двойного модального комплекса на территории США, подтверждая, что те районы Америки, где регистрируются сочетания, полностью совпадают с теми, где обосновались шотландские ирландцы. После освоения Пенсильвании, Вирджинии и Аппалачского района потомки мигрантов отправились дальше: в Северную и Южную Каролину, Теннеси, Кентукки и Джорджию. Юго-восток США был освоен в 1775–1783 годы.

[1] Рассматриваемая в этом разделе ошибка встречается гораздо чаще, чем ожидается… Многие ирландцы, которые хорошо разбираются в английских идиомах, обычно допускают здесь ошибку (пер. наш. – *Авт.*)

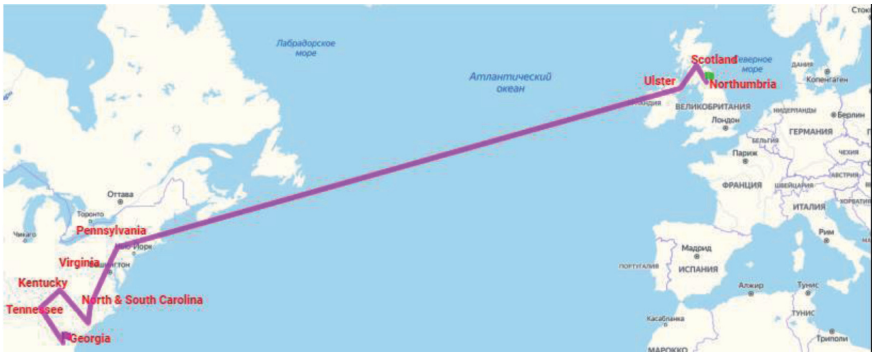

Рис. 1. Истоки двойной грамматической модальности

На рисунке 1 представлены происхождение и распространение двойной модальности. Если появление двойной модальности на территории США вполне очевидно, полагает Х. де ла Круз, то истоки сочетаний непосредственно в языке скотс всё еще неясны. Как мы уже говорили, М. Монтгомери предлагает две версии (см. с. 169) появления двойной модальности в языке скотс, однако ввиду недостаточного количества зарегистрированных случаев употребления таких сочетаний, ни одна из них не может считаться достоверной.

Х. де ла Круз не соглашается с обеими версиями, предложенными М. Монтгомери: во-первых, глагол *shall* не существует в языке скотс; во-вторых, мы не имеем задокументированных примеров использования двойной модальности до XVIII века на территории Шотландии. Вместе с тем де ла Круз исключает и внешнее влияние: тип конструкций в германских языках (модальный глагол + смысловой) отличается от конструкций в английском языке (модальный + модальный).

Х. де ла Круз выдвигает свою версию: источником двойной модальности на территории Шотландии стал гэльский язык, где модальность выражается при помощи перифрастических структур. Как правило, это прилагательные, предложные фразы, глаголы, которые употребляются в предложении одновременно. При переводе на английский язык использовались доступные способы – модальные глаголы, что и объясняет, по мнению Х. де ла Круза, наличие в скотс конструкций, которые не предусмотрены в стандартном английском языке.

Итак, нами были рассмотрены основные точки зрения на истоки двойной модальности в английском языке. Необходимо также упомянуть еще один вероятный источник внешнего характера – скандинавское влияние. Этот вопрос частично рассматривался в работах Ф. Виссера, С. Нейгла и Х. де ла Круза [Visser 1969; Nagle 1994; de la Cruz 1995]. Более развернуто эту проблему освещают Б. Феннел и Р. Баттерс [Fennel 1993; Fennel, Butters 1996]. Они склонны полагать, что двойная модальность уже существовала в древнеанглийский период, так как модальные глаголы функционировали как смысловые. Затем начался путь постепенных переходов смысловых глаголов во вспомогательные. Некоторые модальные глаголы (в основном, деонтические) функционировали как смысловые (1); другие глаголы (эпистемические) были вспомогательными (2). К концу среднеанглийского периода переход всех модальных глаголов в статус вспомогательных завершился.

(1) Binnan Þrim nihtum cunne ic his mihta (*Metr. Charms 9.14*)
(2) Thonne maeg hine scamigan baere breading his hlisan (*Boeth 46.5*)

Отсюда, по мнению Б. Феннел и Р. Баттерса, и наличие в некоторых диалектах сочетаний двух глаголов, где один из компонентов – смысловой глагол. Старая система глагола допускала такое использование.

Первые случаи двойной модальности соотносятся с эпохой викингов (VIII–XI вв.), что предполагает возможное скандинавское влияние на систему английского языка. Тесные контакты викингов и местного населения способствовало смешению языков, а значит, по мнению Б. Феннел [Fennel 1993], самые частотные сочетания типа *shall can* и *shall may* могли развиться под скандинавским влиянием.

Как известно, все скандинавские диалекты допускают одновременное употребление нескольких глаголов [Scur 1965] по типу современных сочетаний *skall kunna* и *skall mȧ*, где второй элемент маркирован как инфинитив при помощи *ȧ*. Сочетания среднеанглийского периода похожи по звучанию и написанию на скандинавские, что позволяет Б. Феннел и Р. Баттерсу сделать вывод о возможном внешнем источнике.

В частности, дальнейшее развитие двойного модального сочетания *shall may* объясняется следующим образом: как известно,

сочетание *shall may* после среднеанглийского периода в первозданном виде более не появляется: ни в языке скотс, ни в американском варианте английского языка. Также в среднеанглийский период второй компонент сочетания – модальный глагол *may* – начинает менять свое значение: физическая способность (ability) заменяется деонтическим значением (to have permission) или эпистемическим (logical probability). Значение физической способности принадлежит теперь модальному глаголу *can*. Оксфордский словарь английского языка («Oxford English Dictionary»), например, отмечает значение способности у глагола *may* как устаревшее и указывает, что оно вышло из употребления примерно в конце XVII века [Fennel 1993]. Принимая во внимание всеобщую замену модального глагола *shall* на *will*, ясны истоки отмечаемого в современных северных диалектах Англии сочетания *will can* и его краткой формы *'ll can.*

Однако, к сожалению, такая схема развития применима лишь к одному двойному модальному сочетанию – *shall may*, и, хотя она и помогает получить представление о развитии сочетаний для выражения будущности (*shall may* → *will can*), современная система двойной модальности в английском языке гораздо шире. Внешнее влияние, а именно, скандинавских диалектов, вряд ли может всецело объяснить развитие двойной грамматической модальности и являться первоисточником таких сочетаний. Еще одним дискуссионным моментом в этой версии являются типы сочетаний: известно, что в германских языках модальные глаголы могут функционировать одновременно в двух статусах: и как вспомогательные, и как смысловые, в то время как в английском языке модальные глаголы относятся к классу вспомогательных.

По нашему мнению, современные двойные модальные сочетания имеют раннеанглийское происхождение. Впервые появившись в северном диалекте английского языка – нортумбрийском, эти сочетания существовали в языке в древне- и, частично, среднеанглийский периоды, так как модальные глаголы еще не выделялись в отдельный класс вспомогательных глаголов и могли сочетаться между собой.

Последующее их появление в языке скотс два столетия спустя (1756 г.) также является аргументом в пользу исконного происхождения двойного модального комплекса. К сожалению, более ранних примеров двойной модальности на территории Шотландии пока

не зарегистрировано, однако мы склонны полагать, что современные модальные сочетания развились на общей основе древнеанглийского языка и языка скотс, который, в свою очередь, сформировался на основе нортумбрийского (северного) диалекта. Более того, известный английский диалектолог У. Скит в своей работе 1912 года высказывает мысль о том, что до XIV века включительно жители севера Англии и равнинной Шотландии говорили не только на одном языке, но и на одном и том же диалекте [Skeat 1968].

В итоге, исходя из предположения о том, что язык скотс сформировался, скорее всего, на базе нортумбрийского диалекта и, возможно, в какой-то период был идентичен последнему, мы делаем вывод о внутриязыковом развитии двойного модального комплекса.

Выводы

Анализ лингвистической литературы по вопросу о происхождении двойной грамматической модальности предлагает следующее:

1) двойные модальные сочетания берут свое начало в древнеанглийский период в диалектах северного ареала, в частности, в нортумбрийском диалекте английского языка. Самое частотное сочетание древнеанглийского периода – *must ought* – не имеет аналога в современной системе двойной модальности и не является первоисточником нынешних сочетаний. Среднеанглийские сочетания *shall can* и *shall may* вышли из употребления к началу новоанглийского периода, а их первый компонент более не участвует в составе современных модальных сочетаний. Грамматический строй языка позволял образовывать такие сочетания в древне- и среднеанглийский периоды: модальные глаголы еще не были выделены в отдельную группу вспомогательных глаголов;

2) выход из употребления двойных модальных сочетаний в новоанглийский период связан с «переосмыслением» статуса модальных глаголов и присвоения им категории вспомогательных глаголов. Спустя два столетия такие сочетания появляются на территории Шотландии в языке скотс, что вероятно могло быть связано с тем, что модальный глагол *can* не потерял статус смыслового глагола, еще не стал вспомогательным, что впоследствии сделало возможным образование в языке скотс сочетаний по типу *will can* или *may can*;

3) появление сочетаний на территории США связано с миграцией части населения Шотландии сначала в Ирландию, в провинцию Ольстер, а затем в североамериканские колонии, откуда началось массовое движение на юг через Вирджинию и Джорджию и далее за пределы внешнего круга;

4) по нашему мнению, двойная модальность в английском языке характеризуется исконным внутриязыковым развитием: она берет свое начало в нортумбрийском (северном) диалекте, затем отмечается в языке скотс, который, в свою очередь, формируется именно на основе нортумбрийского диалекта и, соответственно, с большой вероятностью наследует его характерные черты. В вопросе о последующем развитии модальных сочетаний в языке мы солидарны с большинством ученых-исследователей: за океан сочетания попадают из Шотландии через провинцию Ольстер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Cruz J. de la. The geography and history of double modals in English: a new proposal // Folia Linguistica Historica. 1995. Vol. 18 (2). P. 75–96.

Grant W., Murison D. The Scottish National Dictionary. Edinburgh: Scottish National Dictionary Association, 1976.

Fennell B. Evidence for British Sources of double modal constructions in Southern American English // American Speech. 1993. Vol. 68. P. 430–436.

Fennell B., Butters R. Historical and contemporary distribution of double modals // Focus on the USA / ed. by E. Schneider. 1996. P. 265–290.

McMordie, W. Our Ulster Accent and Ulster Provincialisms. Belfast: The Religious Tract and Book Depot, 1897.

Montgomery M., Nagle S. Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? // Folia Linguistica Historica. 1993. Vol. 14 (1–2). P. 91–107.

Nagle S. The English double modal conspiracy // Diachronica. 1994. Vol. 11. P. 199–212.

Skeat W. English Dialects from the Eighth Century to the Present Day. Cambridge: Cambridge University Press, 1912. New York: Kraus Reprint Co, 1968.

Scur G. On the Non-Finite Forms of the Modal Verbs in Danish and Swedish // Acta Linguistica Hungarica. 1965. Vol. 15. P. 331–340.

Traugott E. A History of English Syntax: A Transformational Approach to The History of English Sentence Structure. New York: Holt, 1972.

Visser F. T. A historical Syntax of the English language. Leiden: Brill, 1963–1973.

УДК 82.312.9
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_177

Е. А. Макуни

преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
mak.evgenja@gmail.com

МЕТАПРОЗА И МЕТАПОВЕСТВОВАНИЕ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ РОМАНАХ С АВТОРСКИМ КОММЕНТАРИЕМ СЭНДИ МИТЧЕЛЛА

В статье рассматриваются различные подходы к определению терминов «метапроза» и «метаповествование», а также описывается фикциональный авторский комментарий в качестве метатекста. На примере романов Сэнди Митчелла автор анализирует, как метатекст, вынесенный за пределы основного текста, влияет на восприятие художественного произведения, и приходит к выводу, что иногда можно говорить не о чистом метаповествовании или чистой метапрозе, а о смешанном варианте.

Ключевые слова: метатекст; метапроза; метаповествование; авторский комментарий; фикциональный комментарий.

E. A. Makuni

Lecturer, Department of the Second Foreign Language,
The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University
mak.evgenja@gmail.com

METAFICTION AND METANARRATION IN THE SCIENCE FICTION NOVELS WITH FICTIONAL COMMENTARIES BY SANDY MITCHELL

The article focuses on the different approaches to the definition of the concepts «metafiction» and «metanarration» and examines the use of fictional commentaries as a phenomenon of metatext. Analyzing the science-fiction novels by Sandy Mitchell, the author shows how such commentaries, which are situated outside the frame of the

CC BY

main text, influence the perception of the fiction and comes to the conclusion that sometimes we could observe the mixed variant of metafiction and metanarration.

Key words: metafiction; metanarration; fictional commentary.

Введение

Понятия «метатекста», «метапрозы» и «метаповествования» много раз были описаны и исследованы в отечественном и зарубежном литературоведении, нарратологии и лингвистике текста. Но, несмотря на то что эта тема хорошо разработана, нам кажется, что современные романы с авторскими комментариями в плане метатекста и метаповествования были рассмотрены недостаточно подробно. Много работ посвящено анализу произведений Е. Попова, В. Набокова, Д. Галковского, но и есть представляющие интерес для филологов произведения, которые не были исследованы.

Мы бы хотели продемонстрировать на примере романов Сэнди Митчелла, как использование метатекста влияет на метаповествование и какую роль здесь играют «изображенные» авторские комментарии, вынесенные за пределы текста. Мы выбрали для этой цели именно произведения Сэнди Митчелла, потому что это современный автор, который пишет фантастические романы, и, как нам кажется, именно этому жанру романов было уделено не так много внимания при изучении метатекстов и вариантов метапрозы.

Метапроза, метаповествование, метароман

Понятие «метапрозы» вошло в современное литературоведение сравнительно недавно. И хоть различные термины с приставкой *мета-* использовались и ранее, в зарубежном литературоведении его появление связывают с Уильямом Гэссом и его эссе «Philosophy and the Form of Fiction», в котором он пишет о том, что по аналогии с метатеоремами в математике и логике существуют и произведения, где различные жанры художественной литературы служат материалом для введения новых жанров. Иными словами, многие из «так называемых антироманов являются на самом деле метароманами или метапрозой»[1] [Gass 1970, с. 24–25].

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Е. А.*

Патрисия Во определяет метапрозу как вид художественной литературы, которая постоянно и сознательно привлекает внимание к тому, что является продуктом вымысла, чтобы поставить вопросы о соотношении вымысла и реальности. Главной задачей метапрозы Во считает изучение последствий перехода от контекста «реальности» к контексту «художественного вымысла» и их сложное взаимопроникновение [Waugh 1984, с. 36]. Но, по Во, метапроза занимается не только изучением мира реального и мира вымышленного, но еще и взаимоотношением языка и мира, который этот язык описывает.

Линда Хатчен определяет метапрозу как художественное произведение, которое включает в себя комментарий о своем собственном повествовании и / или языковой личности. Произведения с метапрозой, по мнению Хатчен, по-прежнему остаются художественной литературой, хоть и фокус повествования смещается с результата, который оно представляет, на процесс, коим является. Роман сам по себе больше не пытается облегчить жизнь читателю и обеспечить его структурой и смыслом. Читатель должен принять на себя ответственность за акт декодирования, за акт чтения. Акт чтения, как и акт написания произведения, является творчеством, и к этому пытаются привлечь внимание читателя произведения с метапрозой [Hutcheon 1977].

Дэвид Лодж в своем эссе, посвященном Джону Барту, пишет, что метапроза – это художественное произведение о художественном произведении или художественный вымысел о художественном вымысле. Он иронично замечает, что хоть метапроза – изобретение не новое, она привлекает современных авторов, потому что они находятся под гнетом своих писателей-предшественников, они одержимы страхом, что всё, что они могут сказать, было сказано ранее, и современная культура попросту вынуждает их обратиться к саморефлексии [Lodge 1993]. Авторы сознательно включают в свои произведения критику своих же работ, фикционализируя ее, и используют пародию, чтобы подорвать доверие к классическим художественным произведениям. Реализм становится для них источником вдохновения, а не первоочередной задачей.

Ансгар Нюннинг проводит границу между метапрозой и метаповествованием: метанарративные комментарии связаны с актом и/или процессом повествования, а не с его вымышленной природой. Таким образом, метаповествование может проявляться не только

в художественной литературе, а и во всевозможных произведениях документальной прозы и других средствах информации [прив. по: Nünning, Neumann 2019]. Чтобы точнее отделить метапрозу от метаповествования, он выделяет «чистый метанарратив» (*pure metanarrative*), который не производит метафикциональный эффект, «метафикциональное метаповествование» (*metafictional metanarrative*), которое его производит, и «чистую метапрозу» (*pure metaprose*)[1].

Вернер Вольф разработал градацию типов метаповествования по нескольким критериям. Первый критерий – это форма передачи, то, как метаповествование выражено в романе. Выражается ли оно через слова персонажа или размышления рассказчика о вымышленной природе текста или же оно демонстрируется имплицитно, через противоречащие друг другу или невероятные детали обстановки. Второй критерий – это взаимоотношение метаповествования с текстом: насколько оно переплетено с основным сюжетом, занимает ли оно центральную роль или нет. Третий критерий – это значимость содержания: содержит ли метаповествование комментарии к части текста или ко всему тексту, комментирует ли только этот текст или литературу вообще или содержит отсылки к другому тексту [прив. по: Nünning, Neumann 2019].

Если говорить про отечественные исследования, то во многом они основываются на работе М. Ю. Лотмана «Текст в тексте». М. Ю. Лотман не использует в этой работе понятие «метапроза», но он говорит о метатекстовых элементах. «Знаковая природа художественного текста двойственна в своей основе: с одной стороны, текст прикидывается самой реальностью, прикидывается имеющим самостоятельное бытие, независимое от автора, вещью среди вещей реального мира; с другой стороны, он постоянно напоминает, что он чье-то создание и нечто значит» [Лотман 2014, с. 41]. Он же обращает внимание на весьма специфические виды «текста в тексте», где сам текст и его «рамка», та, которая условно отделяет реальность от вымысла, переплетаются и «...каждая часть является в определенном отношении и обрамляющим, и обрамленным текстом» [там же].

М. Н. Липовецкий в своей монографии «Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики)» пишет об отличительных чертах метапрозы:

[1] Термины [прив. по: Gregori 2019, с. 29]. Перевод наш. – *Е. А.*

- «тематизация процесса творчества;
- высокая степень репрезентативности «вненаходимого» автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа-писателя;
- зеркальность повествования, позволяющая постоянно соотносить героя-писателя и автора-творца, «текст в тексте» и «рамочный текст»;
- «обнажение приема», переносящее акцент с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого еще не завершенного образа;
- пространственно-временная свобода» [Липовецкий 1997, с. 45–46].

В статье З. М. Чемодуровой «Рефлексивная авторская игра в метапрозе» исследовательница рассуждает об игровом механизме «авторской маски» как о неотделимой характеристике метапрозы. «Маска» является результатом рефлексивной игры и позволяет «реальному творческому субъекту интимизировать общение с реальным адресатом, вовлекать его в активную игру в моделирование вымышленного мира» [Чемодурова 2013, с. 169–170].

В. Б. Зусева-Озкан говорит о важности разграничения метаромана и традиционного романа и о выделении метаромана в отдельный вариант метапрозы со своими строгими характеристиками. Она определяет метароман как «двуплановую художественную структуру», где перед читателем разворачивается не только сам «роман героев», но и процесс создания этого романа. Роман можно определить как метароман только в том случае, если произведение в нем «обсуждается как целое, как особый мир» [Зусева-Озкан 2007, с. 36].

Таким образом, не каждый роман с метатекстом является метапрозой, и тем более не всегда является метароманом. Многие исследователи, в том числе и Е. Е. Баринова, говорят о том, что понятие метапрозы шире и глубже понятия метатекста [Баринова 2008, с. 10].

На наш взгляд, важным отличием метатекста (и метапрозы) от, например, интертекста или интертекстовых вкраплений в текст является то, что для интертекста наличие претекста обязательно, тогда как в метапрозе претекста может и не быть или он может существовать в очень урезанном варианте, как в книге Петера Корнеля «Пути к раю. Комментарий к потерянной рукописи» (первый вариант) или

как в книге «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» Евгения Попова (второй вариант). Читатель сам достраивает претекст.

Подчеркнем, что в данной статье мы хотели рассмотреть (и будем упоминать) метатекст только с литературоведческой точки зрения. Метатекст лингвистический не является целью рассмотрения данной статьи, а потому мы бы хотели от него дистанцироваться, чтобы не вызывать спутанности в терминологии.

Если подвести краткий итог определениям, то художественный метатекст – это текст, осознающий, что он текст, и рефлексирующий над этим. Читатель напрямую вовлечен в игру с автором и помогает ему достраивать мир произведения, участвует в процессе создания текста. Внетекстовая и текстовая реальности при этом часто начинают проникать друг в друга или переплетаться, а сам автор появляется в произведении в лице фикционального автора или находит своего двойника в виде героя-рассказчика или героя-писателя.

Авторский комментарий

Часто в качестве текста-рамки, текста, обрамляющего основной текст в метапрозе или в метаповествовании, выступают слова и комментарии автора. Поэтому, прежде чем мы приступим к обсуждению произведений, в которых используется этот прием, нам важно определить: что же такое авторский комментарий?

И. В. Арнольд определяет авторский комментарий следующим образом: «это коммуникативная единица, восстанавливающая первоначальную коммуникативную ситуацию непосредственного общения автора с читателем» [Арнольд 2014, с. 263]. Непосредственная функция такого комментария – это «управление восприятием читателя» [там же, с. 272]. Авторские комментарии могут быть как внетекстовыми, так и внутритекстовыми, прямыми, если автор говорит с читателем от своего лица, и изображенными, если авторский комментарий передается из уст персонажа. То есть повествование передается «герою-рассказчику или подставному стилизованному рассказчику» [там же, с. 272].

Предметом нашего научного интереса стали именно внетекстовые изображенные авторские комментарии. Их еще иногда называют «фикциональными», по аналогии с фикциональными текстами, как,

например, у В. Шмида [Шмид 2003]. М. Ю. Лотман писал о вариантах текста в тексте, где «один текст дается как непрерывное повествование, а другие вводятся в него в нарочито фрагментарном виде (цитаты, отсылки, эпиграфы и т. п.)» [Лотман 2014, с. 42]. И читатель сам должен создать из этих отрывков полноценные тексты.

Но если эти отрывки тоже были придуманы автором, то они не являются интертекстовыми элементами, а только составляют метатекст, то есть отсылки к претексту, который никогда не существовал нигде, кроме как в сознании автора и читателя.

На наш взгляд, авторский комментарий, расположенный за пределами основного текста, воспринимается читателем иначе, чем когда он играет роль авторского отступления. Нам думается, что подобный комментарий и становится метатекстом во многом и потому, что выносится за рамки текста: с одной стороны, такой комментарий пытается убедить читателя в своей правдоподобности и похожести на настоящий текст, а с другой стороны, читатель становится участником игры с автором, ибо это правдоподобие не должно обмануть читателя, а, наоборот, помочь ему больше проникнуться авторским замыслом. Иными словами, в художественном произведении появляется метатекст, фикциональный текст, вынесенный за рамки основного текста, а сам основной текст становится претекстом, что свойственно метапрозе. Но становится ли такое художественное произведение метапрозой? Мы рассмотрим этот вопрос на материале романов Сэнди Митчелла.

Цикл о Кайафасе Каине

Сэнди Митчелл (Sandy Mitchell) – это псевдоним современного британского писателя Алекса Стюарта. Больше всего он известен своими романами по вымышленной вселенной «Warhammer 40000» о комиссаре Кайафасе Каине. Эти романы богаты изображенными авторскими комментариями: на каждую книгу приходится от ста до двухсот и более таких комментариев в виде примечаний, а многим главам еще и предшествует комментарий редактора, но не от настоящего, а фиктивного, так что это тоже авторский комментарий.

Главы основного повествования перемежаются вставками из других книг, которые подаются как информационные материалы из сторонних источников, но при этом, опять же, являются авторским

комментарием, потому что представлены со ссылками на несуществующих авторов и книг. То есть количество метатекста в романах Сэнди Митчелла сопоставимо с размерами основного текста.

Материалом для исследования данной статьи послужили романы «For the Emperor!», «The Traitor's Hand» и «Death or Glory». Мы выбрали эти романы по нескольким причинам: во-первых, это ранние романы цикла, когда Сэнди Митчелл еще только создавал структуру своего повествования о Кайафасе Каине; во-вторых, именно в этих романах наиболее ярко видно переплетение метатекста с основным текстом, поскольку именно в первых романах цикла автору требовалось ввести в текст гораздо больше сторонней информации о мире произведений, биографии Каина и его взаимоотношениях с остальными персонажами.

В основе сквозного сюжета, объединяющего все романы, лежит история о Кайафасе Каине, комиссаре в фантастическом мире далекого будущего, и его мемуарах, написанных им от первого лица. В ходе повествования Каин вспоминает, уже будучи в отставке, свою долгую службу и рассказывает о своих приключениях, рефлексируя время от времени по поводу произошедших с ним событий. Но этими вставками метаповествования своеобразие романов не ограничивается. Его мемуары – как это следует из самой истории – были обнаружены и прокомментированы инквизитором Эмберли Вейл, которая упорядочила их, отредактировала и дополнила цитатами из других книг там, где, на ее взгляд, Каин был слишком сосредоточен на себе, а не на общей картине событий. Этот подсюжет вносит второй уровень метаповествования: комментарии Эмберли Вейл к словам Каина – второй слой метатекста по отношению к претексту, к основному тексту самих мемуаров.

Метатекст обрамляет основной текст и выступает его рамкой, а также переплетается с ним. Книги начинаются с *Editorial Note* от имени Эмберли Вейл:

> *Editorial Note*:
>
> What, for want of a better phrase, I will henceforth be referring to as the 'Cain Archive' is, in truth, barely deserving of so grandiloquent a title. It consists merely of a single dataslate, stuffed full of files arranged with a cavalier disregard for chronology, and to no scheme of indexing that I've been able, to determine despite prolonged examination of the contents. What can be stated with absolute certainty, however, is that the author was none other than

> the celebrated Commissar Ciaphas Cain, and that the archive was written by him during his retirement while serving as a tutor at the Schola Progenium (*Mitchell, For the Emperor!*).

И книги заканчиваются ее же словами, вынесенными в квадратные скобки:

> [At which somewhat self-satisfied juncture, Cain's account of the Adumbria incident comes to a natural end.] (*Mitchell, The Traitor's Hand*).

Заметки Эмберли одновременно и сообщают читателю, что здесь начинается текст романа, и в то же время запутывают его: обычно, если книга начинается заметками редактора, то это заметки настоящего, реального редактора книги, а не вымышленного.

Многие комментарии Эмберли оформлены как примечания – это всё те же авторские комментарии, которые вынесены за пределы текста. Они не играют роль привычных нам примечаний: они дают некоторую информацию, поясняющую основной текст книги, но при этом не являются выдержкой из других источников или прямыми словами настоящего автора. Это всё то же метаповествование: один персонаж комментирует слова другого, причем комментирует обычно не с целью что-то пояснить, а, скорее, выразить свое отношение к происходящему. Это новый пласт в романах, неразрывно переплетающийся с основным. Такой подсюжет достаточно самостоятелен – это мнение инквизитора Эмберли Вейл о действиях Комиссара Каина и даже ее мнение о его мнении относительно каких-то его поступков:

> The nearer we got to safety, the more concerned I seemed to feel that we wouldn't make it after all, that my luck was running out, and disaster was waiting just around the corner. (A state of mind the next hundred years or so didn't exactly do a lot to alleviate, come to think of it. At least these days the worst I have to worry about is keeping my cadets up to the mark, and the petty-minded idiocy of some of my colleagues).[96]

[96]Somewhat ironic given that, as I mentioned in my preliminary remarks, this portion of his memoirs was recorded shortly before he was to be swept up in the momentous events of the Black Crusade (*Mitchell, Death of Glory*).

Получается, что мнение Каина о его собственных действиях, вынесенное в круглые скобки, является метатекстом по отношению

к основному тексту художественного произведения, тогда как слова Эмберли, оформленные как примечания, комментируют уже этот метатекст. Таким образом, один метатекст наслаивается на другой. Мы видим, как рамка повествования (а комментарий, выраженный примечанием, вне всякого сомнения, выступает такой рамкой) начинает переплетаться с основным текстом. Более того, по мере развития сюжета, Эмберли начинает комментировать не только заметки самого Каина, но и отрывки из книг, на которые она же ссылается, чтобы пояснить происходящее в тексте:

> Given Cain's complete, and typical, lack of interest in anything that doesn't concern him directly, the following extract may prove useful in placing the rest of his narrative in a wider context. *It must be said that the book from which it comes isn't the most reliable of guides to the campaign as a whole, but it does, unlike most studies of the Gravalax incident, at least attempt to sketch in the historical background to the conflict. Despite the author's obvious limitations as a chronicler of events, his summing up of the causus belli is substantially correct* (*Mitchell, For the Emperor!*).

В романах Сэнди Митчелла присутствует некая «зеркальность», двойственность повествования. Из слов Эмберли мы узнаем, что записки и книги были написаны уже после того, как мемуары Каина были опубликованы в вымышленной вселенной:

> This would pin the date of composition to some time after his appointment to the faculty in 993 .M41, from occasional references to his published memoirs (To Serve the Emperor: A Commissar′s Life), which first saw the fight of day in 005.MAZ, we can. safely conclude that he was inspired by the process of writing them to embark on a fuller account of his experiences, and that the bulk of the archive was composed no earlier than this (*там же*).

Первая книга цикла, в которой и приводится эта цитата, книга, уже действительно изданная и напечатанная, называется «For the Emperor!» и таким образом отсылает к упоминаемым в самом романе мемуарам Каина, т. е. мемуары, которые мы читаем, – это расширенная версия уже существующего в реальности произведения. И книги Сэнди Митчелла становятся неким отражением архивных материалов, которые были отредактированы самой Эмберли, и опубликованной книги самого Каина.

И раз этот архив был упорядочен, отредактирован и прокомментирован Эмберли Вейл, то все вставки и эпиграфы были сделаны автором

изображенным, т. е. это не те вставки и эпиграфы, которые мог бы сделать реальный автор, а те, которые могли бы сделать персонажи книги.

Более того, книга адресована не реальному читателю, а читателю фиктивному. В. Шмид в своей книге «Нарратология» проводит четкое различие между читателем абстрактным и фиктивным: «абстрактный читатель – это предполагаемый адресат или идеальный реципиент *автора*, фиктивный читатель – адресат или идеальный реципиент (читатель или слушатель) *нарратора*» [Шмид 2003, с. 34].

На протяжении книг Эмберли периодически обращается к читателю напрямую, из заметок или примечаний, однако, становится понятно, что это обращение именно к фиктивному читателю, как, например:

> Despite my misgivings about the style, or, more accurately lack of it, I feel it would be helpful to insert the only eyewitness account of the mobilisation of the 597th. I've been able to locate at this point. Readers with a refined appreciation for *the Gothic language* may prefer to skip this section. For those of you who wish to persevere, my apologies (*Mitchell. For the Emperor!*).

Эмберли приводит отрывок из воспоминаний Дженит Суллы, генерала в отставке, чей специфический стиль и велеречивость постоянно высмеиваются в романах. Понятно, что настоящий читатель не владеет готиком, поскольку готик – это язык вселенной Warhammer, но читатель фиктивный, к которому и обращается Эмберли, читал бы воспоминания Каина именно на нем.

Фиктивному читателю адресованы и многочисленные эпиграфы, которые тоже являются отрывками из вымышленных произведений, а потому они не интертекстуальные, а метатекстуальные. Абстрактный читатель сам может достроить некоторые претексты, тогда как читатель фиктивный мог бы ознакомиться с ними сам:

> Paranoia is a very comforting state of mind.
> If you think they’re out to get you, it means you think you matter.
> *– Gilbran Quail. Collected Essays*

> “The question is,” I said, “what were they doing out there in the first place?” (*Mitchell. The Traitor’s Hand*)

Довольно интересной особенностью романов Сэнди Митчелла является еще и то, что при многочисленных метатекстовых вставках и метаповествовательных элементах в них нет главной особенности

метароманов – «тематизации процесса творчества», нет «романа о романе» или «романа о создании романа», нет конструирования и деконструирования создаваемого мира. Ни Сэнди Митчелл, ни Каин ничего не пишут о процессе создания мемуаров, более того, причины, побудившие Каина написать эти мемуары, приводятся весьма размыто:

> Not that posterity will ever actually read them [memoirs], of course, Amberley or someone like her will male damn sure of that, so Emperor knows why I'm even bothering; but since I've not been near a confessional since the schola turned me loose on the galaxy all those years ago, and entering one now would probably give Nute an embolism, it's one way of trying to make sense of it all I suppose (*Mitchell, Death of Glory*).

Каину мемуары нужны больше для саморефлексии, чем в качестве мемуаров, это, по сути, его исповедь перед самим собой, ему не важен сам процесс их написания, и самому автору важно не то, как Каин их пишет, а, собственно, то, что он пишет. Прием с написанием мемуаров здесь нужен только затем, чтобы можно было ввести в повествование авторские комментарии и вставки.

Для чего же Сэнди Митчелл их вводит? Образ Эмберли нужен, чтобы пояснить некоторые детали происходящего, добавить подробности, которые иначе было бы невозможно вписать в текст без длинных авторских отступлений, «оживить» придуманный мир. С одной стороны, читатель полностью отдает себе отчет, что читает художественное произведение, фантастику, и все эти вставки являются литературной игрой, с другой стороны, они придают книге правдоподобие и сходство с реальными мемуарами. Сэнди Митчелл в своем фантастическом романе копирует стиль повествования в мемуарах, со всеми примечаниями и замечаниями редактора, чтобы привлечь читателя к со-творчеству и с помощью метатекстовых вставок позволить ему создать более объемную картину вымышленного мира.

Заключение

Исходя из вышесказанного, мы не можем говорить о романах Сэнди Митчелла как полностью о метапрозе, хотя мы действительно видим в них метатекстовые вставки и наличие «текста в тексте». Читатель действительно вовлечен во взаимодействие с произведением и в реконструирование многочисленных претекстов, к которым

отсылают метатекстовые вставки в виде изображенных внетекстовых авторских комментариев.

Такие комментарии создают «рамку произведения», а также по ходу повествования начинают переплетаться с текстом, размывая границу между вымыслом и реальностью. Все эти редакторские статьи, цитаты и вставки из других произведений, перемежающих основной текст, и примечания, вынесенные за пределы основного текста произведения, но при этом составляющие с ним единый текст, начинают играть двойственную роль. Они являются сразу и художественном текстом, и элементами, которые воспринимаются как часть технического аппарата издания, элементами, которые в текст привносит уже не автор, а издатель. Таким образом, они одновременно и усиливают ощущение правдоподобия, и акцентируют вымышленную природу.

Сами вставки порождают темпоральные смещения в сюжете книги, поскольку читателю понятно, что событие в основном тексте и события в этих комментариях происходят в разных временных линиях, которые могут пересекаться весьма условно.

В тексте мы видим присутствие персонажа-писателя и его некоторую рефлексию на тему событий, которые он описывает в своих мемуарах, а также рефлексию другого персонажа по поводу событий и реакций первого. Более того, в романах имплицитно выражен и образ фиктивного читателя, которому адресуются эти книги.

Но, на наш взгляд, мы все-таки не можем говорить об этих романах как о метапрозе, потому что в них отсутствует важный элемент – сам процесс творчества, собственно, «роман о романе». При всех метатекстовых и метанарративных элементах метапрозы как таковой там нет, автор ничего не пишет о самом акте написания произведения или о соотношении искусства и действительности. Каин не размышляет в своих мемуарах о процессе творчества. Комментарии Эмберли ничего не сообщают о процессе написания или процессе редактирования мемуаров. Своими вставками она только дает представление о тех событиях, о которых Каин не упоминает или не знает, или же дает нам взглянуть на те стороны личности Каина, которые остаются за рамками его собственного повествования. За счет метаповествования образ Каина получается более объемным.

По нашему мнению, в данном случае мы можем говорить о метафикциональном метаповествовании, а не о чистой метапрозе. Элементы метапрозы присутствуют в романе, но они скорее выражены

имплицитно, а потому мы не можем говорить об этих романах как о метароманах. Изображенные авторские комментарии хоть и характерные для метапрозы, могут выполнять и метанарративную, а не метафикциональную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. [Arnol'd, I. V. (2014). Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' (Semantics. Stylistics. Intertextuality). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].

Баринова Е. Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2008. [Barinova, E. E. (2008). Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baitov (Metatext in the Narrative of the Postmodern Literature: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baitov): abstract of PhD in Philology. Tver. (In Russ.)].

Зусева-Озкан В. Б. Инвариантная структура и типология метаромана // Вестник РГГУ. Серия «Литература. Фольклористика». 2007. № 7/07. С. 35–44. [Zuseva-Özkan, V. B. (2007). An Invariant Structure and Meta-Novel Typology. Vestnik RGGU. Literature. Folklore Studies, № 7/07, 35–44. (In Russ.)].

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 1997. [Lipovetsky, M. N. (1997). Russian Postmodernism: The Essays of Historic Poetics: monograph. Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg. (In Russ.)].

Лотман Ю. М. Текст в тексте // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 30–42. [Lotman, Y. M. (2014). The Text within the Text. Obrazovatel'nye tekhnologii (Educational Technologies), 1, 30–42. (In Russ.)].

Чемодурова З. М. Рефлексивная авторская игра в метапрозе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. №2. С. 160–171. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnaya-avtorskaya-igra-v-metaproze (дата обращения: 15.04.2021). [Chemodurova, Z. M. (2013). The Authorial Reflexive Play in Metafiction. Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2, 160–171. (In Russ.)].

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. (Studia philologica). [Schmid, W. (2003). Narratologiya (Narratology). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Gass W. H. Fiction and the Figures of Life. New York: Knopf, 1977.

Gregori J. B. Metanarration and Bildungsroman in Virginia Woolf's Orlando and Sally Potter's Cinematic Adaptation. MA Literary Studies. University

of Alicante, 2019. URL: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/96610/1/Metanarration_and_Bildungsroman_in__Virginia_Woolfs_Orla_Baeza_Gregori_Jesus.pdf (дата обращения: 10.04.21).

Hutcheon L. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox. Dissertation Abstracts International 38, 1977. URL: http://hdl.handle.net/1807/9456. (дата обращения: 30.03.2021).

Lodge D. The Art of Fiction. New York: VIKING, 1993.

Neumann B., Nünning A. Metanarration and Metafiction. In: Hühn, Peter et al. (eds.): the living handbook of narratology. Hamburg: Hamburg University, 2014. URL: http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/metanarration-and-metafiction (дата обращения: 12.04.2021).

Waugh P. Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London. N.Y.: Methuen, 1984.

УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_192

М. В. Михайлова

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики
Московского государственного института культуры
nemashasky@mail.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА В ТРАДИЦИЯХ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

В статье анализируются особенности формирования положительного образа главного героя в произведениях раннего периода творчества Ф. М. Достоевского. Рассматриваются образы главных героев романа «Бедные люди» и повести «Слабое сердце», проводится их компаративный анализ. Делается вывод о том, что положительный образ главного героя у Ф. М. Достоевского неразрывно связан с традициями изображения человека в святоотеческой древнерусской литературе, а основными смыслообразующими компонентами образа являются христианские добродетели любви к ближнему, смирения, нестяжания.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; роман «Бедные люди»; повесть «Слабое сердце»; святоотеческое предание; христианские добродетели.

M. V. Mikhaylova

PhD (Philology), Assistant Professor
at the Department of Linguistics,
Moscow State Institute of Culture
nemashasky@mail.ru

A POSITIVE HERO IN THE EARLY LITERARY WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY: SPECIFIC FORMATION OF IMAGE IN THE TRADITIONS OF THE HOLY PATRISTIC LITERATURE

The article is devoted to the analysis of the peculiarities in the formation of a positive image of the main character in the literary works of the early period of F. M. Dostoevsky. The article examines the images of the main characters of the novel «Poor Folk» and the story «A Weak Heart», carries out their comparative analysis. It is concluded that the positive image of the main character in F. M. Dostoevsky's literary works is inextricably linked with the traditions of depicting a person in patristic Old Russian

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

CC BY

literature, and the main meaning-forming components of the image are the Christian virtues of love for one's neighbour, humility, and non-possession.

Key words: F. M. Dostoevsky; the novel «Poor Folk»; the story «A Weak Heart»; patristic tradition; Christian virtues.

Введение

Ф. М. Достоевский вошел в мировую литературу не только как величайший писатель, но и как психолог, философ, исследователь концепции человека, его душевных переживаний, взаимоотношений людей и принципов их сосуществования. Знаменитая цитата молодого Достоевского из письма брату Михаилу от 16 августа 1839 года «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский 1996, т. 15, с. 21] как нельзя лучше отображает стремление Федора Михайловича попытаться понять человека и изобразить его во всей сложности и многогранности на страницах своих произведений.

Особый интерес для исследователей может представлять художественное наследие писателя в ранний период его творчества, ведь именно первые литературные пробы начинающего писателя положили начало тем образам, которые, будучи итогами творческих и нравственных исканий писателя, представлены читателю на страницах его вошедших в золотой фонд мировой литературы гениальных произведений.

Влияние воспитания и окружения писателя на его творчество

На мировоззрение и мироощущение писателя, которое, несомненно, наложило отпечаток на создание образов главных героев его произведений, повлияли воспитание Ф. М. Достоевского его родителями и, конечно же, обстановка в окружении писателя. Известно, что Федор Михайлович рос в глубоко и искренне верующей семье, с раннего детства родители приобщали его к регулярному посещению церкви и к молитве, а одной из настольных книг будущего великого писателя было Священное Писание. Эта книга высоко почиталась как в семье М. А. Достоевского, так и в дальнейшем в семье

Ф. М. Достоевского. Писатель называл книгу святыней и полагал, что она обязательна к прочтению и изучению на любом этапе жизненного пути. То миропонимание, которое было заложено в сознании писателя его семьей и окружением не могло не найти отражение в его художественном, публицистическом и эпистолярном наследии. Положительные качества, добродетели, описанные в Священном Писании и далее в святоотеческой древнерусской литературе, оказали свое влияние на формирование образов главных героев в ранних произведениях Ф. М. Достоевского.

Репрезентация святоотеческой традиции в образе главного героя романа «Бедные люди»

Первое самостоятельное литературное произведение – роман «Бедные люди» – было написано Федором Михайловичем в 1844–1845 годах, опубликовано в начале 1846 года в «Петербургском сборнике» Н. А. Некрасова и встречено его современниками с разными отзывами. Первое впечатление литературного критика В. Г. Белинского, писателей Н. А. Некрасова и Д. В. Григоровича было восторженным, тем самым открыв Ф. М. Достоевскому путь в литературный мир. «Любопытство насчет меня страшное», – писал Ф. М. Достоевский брату Михаилу в ноябре 1845 года [Достоевский 1996, т. 15, с. 54].

Многие современники писателя указывали на то, что Ф. М. Достоевский находился под влиянием произведений Н. В. Гоголя: поэт Аполлон Григорьев писал, что «опираясь на идеал христианской любви, Гоголь изображает своих персонажей так, чтобы “божественнее, благодатнее отпечатлелось на них христианское озарение”, в то время как Достоевский чужд религиозному идеалу и “поклонился” изображаемым им “мелочным личностям”» [Фридлендер 1972, с. 472]. Несмотря на явное влияние Н. В. Гоголя, как нам кажется, невозможно считать Ф. М. Достоевского лишь его подражателем, поскольку писатель явил нам мир добродетелей и христианской любви к ближнему, что до него в таких масштабах и под таким углом не было изображено ни в одном литературном произведении.

Исследователь творчества Ф. М. Достоевского В. Н. Захаров отмечает, что «Бедные люди» «стали литературной сенсацией своего

времени, а Достоевский вошел в русскую литературу с новым словом о человеке и мире» [Захаров 2013, с. 78]. Литература стала для Достоевского смыслом его существования с самого первого написанного им произведения, а о создаваемом романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевский писал «Если мое дело не удастся, я, может быть, повешусь» [Достоевский 1996, т. 15, с. 48]. Роман не прошел незамеченным и среди иностранных современников и исследователей творчества Ф. М. Достоевского. Американский русист и литературовед, биограф Ф. М. Достоевского Джозеф Франк (Joseph Frank) называл роман пародией («a serious parody» [Frank 1979, с. 137]), литературовед и специалист в области славистики Виктор Террас (Victor Terras) назвал повесть сентиментальной эпистолярной любовной историей («a sentimental epistolary love story» [Terras 1998, с. 30]), итальянский критик и литературовед Николя Москарделли (Nicola Moscardelli) назвал роман христианским («racconto Cristiano» [Moscardelli 1935, с. 134]).

Итак, как же повлияла святоотеческая традиция на становление идеи положительного героя в творчестве М. Ф. Достоевского? Святоотеческая литература изображает положительного героя в виде человека благоверного, добродетельного, почитающего своих родителей, человека, демонстрирующего христианскую любовь к ближнему и искреннюю веру в Бога. Формирование образа положительного героя возможно через призму добродетелей, это актуально как для древнерусской литературы, так и для произведений Ф. М. Достоевского. Поэтому и изучение этого образа, в частности, его примеров в раннем творчестве Федора Михайловича возможно на основе святоотеческой традиции, с помощью выявления параллелей и взаимосвязей с древнерусской литературой и святоотеческим преданием.

Святоотеческая традиция являет читателю литературные путеводители к Богу, к вере, к добродетельному поведению, такой путь к этим величайшим благам гениально показан в художественном пространстве текстов Ф. М. Достоевского.

В первом же произведении Ф. М. Достоевского, романе «Бедные люди» мы встречаем яркий образ положительного героя. Безусловно, внимание читателя обращено на образы Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой. Имя *Макар* происходит от греческого слова Μακάριος, что означает «блаженный», «счастливый», «благоденствующий». На первых же страницах романа мы читаем его слова: «Вчера

я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив» (*Достоевский. Бедные люди*).

При этом, углубляясь в чтение романа, читатель осознает, что жизнь у Макара Девушкина не из легких, порой он едва сводит концы с концами, не живет, а выживает, он и Варенька – люди бедные, страдающие. Так чем же счастлив Макар? На наш взгляд, именно христианские добродетели, столь ярко представленные в святоотеческой литературе, являющиеся основой образа главных героев романа, и дают ему возможность быть и жить счастливым.

Макар Девушкин в своей жизни и в отношении к людям следует заветам Священного Писания о том, что «трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие» (*Евангелие от Марка 10:23–25*), никаким богатством нельзя достичь самой главное цели в жизни благоверного человека – спасения души, «ибо какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а души своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (*Евангелие от Марка 8:36*).

Читатель романа осознает, что Макар, как и Варенька, является образцом добродетельной щедрости и нестяжания, оба они всегда готовы отдать, что имеют, ближнему. В их переписке мы не раз встречаем моменты, когда они готовы поделиться друг с другом всем, что имеют, хотя имеют они крайне мало, почти ничего. Варя пишет Макару:

> Это почти последнее все наше, а я Бог видит как желала бы помочь вам теперь в Ваших нуждах (*Достоевский. Бедные люди*).

Макар пишет про себя:

> Я все превозмогу, я сам работы посторонней достану, переписывать буду разные бумаги, навяжусь на работу … вам себя изнурять не дам», хотя сам находится в крайне бедственном положении (*Достоевский. Бедные люди*).

Герои демонстрируют ярчайший образец взаимопомощи, взаимовыручки, христианской любви к ближнему.

Формирование положительного образа человека, который не склонен жить ради накопления материальных богатств, а, напротив, всегда проявляет готовность поделиться с ближним, проявляя величайшую добродетель любви к людям, показано у Ф. М. Достоевского в традициях святоотеческих литературных памятников. Эта тема проявляется в многочисленных письменных источниках древнерусской

литературы, у таких авторов, как Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, митрополит Даниил, Максим Грек, Ермолай-Еразм и многих других. «Где сокровище наше есть, там и сердце наше будет», – пишет публицист XVI века Максим Грек [Сочинения преподобного Максима Грека 1860, с. 247]. Материальные богатства, столь старательно собираемые людьми в течение их жизни, не способны привести их к высшей цели земного существования человека – достижения спасения его души и обретению величайшего блага, жизни во Христе. Вот и главные герои романа «Бедные люди» Макар Девушкин и Варя Доброселова стремятся жить не материальными, а духовными ценностями, читатель может обратиться к множеству примеров желания отдавать другим людям, уже упомянутых нами ранее.

Святоотеческая концепция учит человека, что зло и препятствие для духовного роста заключается не в самом богатстве, а в отношении человека к нему. Корень всех зол есть сребролюбие, оно порождает алчность и зависть, «спешит к богатству завистливый человек, и не думает, что нищета постигнет его» (*Притчи 28:22*). Речь, конечно же, идет о нищете духовной, как о величайшей каре для человека, которая делает невозможным спасение его души, «ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» (*Евангелие от Луки 9:25*).

Единственный пример, когда читатель может узнать о том, что Макар Девушкин накапливает материальные богатства – это упоминание в одном из писем Макара к Вареньке, что он откладывает деньги. Но читая далее его письма, мы понимаем, что Макар откладывает с одной лишь единственной целью – чтобы в дальнейшем поделиться с нуждающимися. Отдавая и делясь, Макар богатеет духовно.

Мы уже упомянули и проанализировали важнейшие смыслообразующие компоненты, формирующие образы положительных героев – любовь к ближнему, нестяжание. Помимо данных компонентов, можно также обратить внимание на христианские добродетели смирения и кротости. При всех сложностях, с которыми Макар и Варенька встречаются на своем жизненном пути, их смирение и принятие всех обстоятельств с тихостью и кротостью, без ропота, по заветам святоотеческой традиции, безусловно, достойно внимания читателя. Макар пишет:

> Я себе ото всех помаленьку живу, втихомолочку живу. Я-то не ропщу и доволен. Оно достаточно (*Достоевский. Бедные люди*).

При всей сложности своей судьбы Варя принимает все невзгоды с тихостью, уповая на волю Бога:

> Все совершилось! Выпал мой жребий, не знаю какой, но я воле Господа покорна (*там же*).

Нацеленность на жизнь в Боге и вере, стремление к духовной жизни – всё это помогает главным героям выжить в череде жизненных трудностей и невзгод и не утратить добродетельные составляющие своего образа.

Нельзя не согласиться с утверждением исследователя творчества Ф. М. Достоевского В. Н. Захарова о том, что не раз у Федора Михайловича был представлен образ положительного героя в процессе его духовного преображения, при этом многие «поздние герои-идеологи превосходят Макара Девушкина по культурному уровню, но мало кто по энергии духовного возрождения» [Захаров 2013, с. 87]. Безусловно, такое впечатляющее читателя духовное преображение и возрождение не было бы возможным в случае отсутствия у главного героя тех святоотеческих христианских добродетелей, столь подробно описанных авторами-книжниками и рассмотренные нами в тексте данной статьи.

Один из вариантов толкования образа Макара Девушкина, как и Акакия Акакиевича Башмачкина в повести Н. В. Гоголя «Шинель» – это образ маленького обездоленного человека. Безусловно данный образ отчасти сформировался под влиянием Н. В. Гоголя, что отмечали как современники Ф. М. Достоевского (Н. А. Некрасов называет Достоевского *новым Гоголем*), так и многие исследователи его творчества в дальнейшем.

Внешне, возможно, Макар Девушкин и может показаться «маленьким человеком» и нищим по карману и условиям жизни, однако его духовное и душевное величие указывает читателю как раз на факт того, что он человек ***большой***, богатый душой и сердцем. В. Н. Захаров пишет, что «Макар Девушкин был первым откровением великой идеи Достоевского – идеи восстановления человека, духовного воскрешения забитых и бедных людей, униженных и оскорбленных» [Захаров 2013, с. 199]. Ф. М. Достоевский относится к своему герою с уважением и почтением.

Репрезентация святоотеческой традиции в образе главного героя повести «Слабое сердце»

Интересно также рассмотреть особенности формирования образа положительного героя в еще одном произведении раннего периода творчества Ф. М. Достоевского – повести «Слабое сердце», впервые опубликованной в 1848 году во втором номере журнала «Отечественные записки» А. А. Краевского и выпущенной отдельным изданием в 1865 году. К изданию повести Ф. М. Достоевский частично доработал основной текст произведения, устранив некоторые стилистические недочеты, но в основном текст повести был напечатан без изменений.

В начале повести Ф. М. Достоевский вводит в повествование двух главных героев – друзей Аркадия Ивановича Нефедовича и Васю Шумкова. У гениального писателя в произведениях всё играет свою определенную роль, в частности, имена героев зачастую являются важными определяющими компонентами образа. На первый взгляд оба героя в центре внимания, при этом Нефедович назван полным именем, Вася же называется на протяжении всей повести просто Васей Шумковым, внимание читателя, хотя и не сразу, но акцентируется также на его физическом недостатке – кривобокости и на роде деятельности:

> Известный телесный недостаток… вызывавший всегда глубоко любящее чувство сострадания (*Достоевский. Слабое сердце*).

Вася – простой петербургский чиновник, получающий 300 рублей в год, хотя и уверен, что «в иной год, в хороший, даже семьсот наберется» за счет подработок, друг же его Аркадий Иванович при случае спешит его разуверить, что подработок может и не быть:

> Это не то, что триста рублей верного жалованья, где всякий рубль как друг неизменный (*Достоевский. Слабое сердце*).

На первый взгляд может показаться, что Ф. М. Достоевский представляет вниманию читателя образ маленького, затерявшегося в обществе человека, но у великого писателя не может быть всё столь однозначно и вглядевшись внутрь героя, проанализировав его духовную сущность, можно сделать для себя интересные выводы.

Вася Шумков интересен для исследователя образа главного героя повести прежде всего своими качествами положительного героя. Сравнивая его с Макаром Девушкиным, стоит отметить его отношение к окружающим – это всеобъемлющее чувство любви к ближнему и всецелая готовность прийти на помощь, именно этими добродетелями характеризуется образ Васи. Вася обращается к другу, он искренне любит его, готов отдать ему все:

> Право, Аркаша, я тебя так люблю, что не будь тебя, я бы, мне кажется, и не женился, да и не жил бы на свете совсем (*Достоевский. Слабое сердце*).

Вася демонстрирует чувство счастья и хозяйке магазина:

> Вася готов был расцеловать мадам Леру от восторга (*Достоевский. Слабое сердце*).

и чувство бескорыстной любви к Лизе Артемьевой, на которой планирует жениться. В любой ситуации Вася Шумков излучает доброту и счастье и готов делиться ими с окружающими.

Интересно, что некоторые современники Ф. М. Достоевского отнеслись к изображенным в повести «Слабое сердце» чувствам несколько отрицательно, так, критик журнала «Современник» Павел Анненков писал в обзоре русской литературы 1848 году, что любовь Васи Шумкова и Аркадия Нефедовича «расплывчатая, слезистая, преувеличенная до такой степени, что большей частью не верится ей» [прив. по: Перлина 1972, с. 477].

Заключение

Компаративный анализ образов главных героев произведений раннего периода творчества Ф. М. Достоевского – романа «Бедные люди» и повести «Слабое сердце» и их сопоставление с особенностями формирования образа человека в традициях святоотеческой литературы дает возможность предположить, что добродетели, представленные в Священном Писании и произведениях древнерусских авторов, играют ключевую роль в становлении образов Ф. М. Достоевского. Герои Ф. М. Достоевского являют собой образец христианского добродетельного поведения и находятся в постоянном процессе духовного возрождения и преображения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Л.–СПб: Наука, 1988–1996. [Dostoyevskiy, F. M. (1988–1996.). Sobraniye sochineniy. (Collected Works Issued): in 15 vols. L.–St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)].

Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. М.: Индрик, 2013. [Zakharov, V. N. (2013). Imya avtora – Dostoyevskiy (The Author's Name is Dostoyevsky). Moscow: Indrik. (In Russ.)].

Перлина Н. М. Примечания // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Л.: Наука, 1972. [Perlina, N. M. (1972). Primechaniya (Remarks). In Dostoyevskiy, F. M., Polnoye sobraniye sochineniy: in 30 vols. Vol. 2. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Сочинения преподобнаго Максима Грека изданныя при Казанской Духовной Академии. Часть вторая. Нравоучительныя сочинения. Казань, 1860. [Sochineniya prepodobnago Maksima Greka izdannyya pri Kazanskoĭ Dukhovnoĭ Akademii (Works of Monk Maxim the Greek Published at the Kazan Theological Academy). (1860). Part 2. Nravouchitel'nyya sochineniya. Kazan'. (In Russ.)].

Фридлендер Г. М. Примечания // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. / под ред. Г. М. Фридлендера. Т. 1. Л.: Наука, 1972. [Fridlender, G. M. (1972) Primechaniya. In Dostoyevskiy, F. M., Polnoye sobraniye sochineniy: in 30 vols. Vol. 1. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Frank J. Dostoevsky: The seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton University Press, 1979.

Moscardelli N. Dostoievski: l'uomo, il poeta, il maestro. Ugo Guanda Editore, 1935.

Terras Victor. Reading Dostoevsky. University of Wisconsin Press, 1998.

УДК 008:130.2
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_202

Н. В. Афанасьевская

старший преподаватель кафедры романо-германских языков
Дипломатическая академия МИД РФ
afanassievskaya@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗ» В КОНТЕКСТЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА В КУЛЬТУРЕ

В статье показана трансформация понятия «образ» в контексте визуального поворота в культуре. Понятие «образ», привлекающее внимание ученых на протяжении веков, имеет множество трактовок. В связи с появлением новых визуальных культурных форм оно получает новую смысловую окраску. На первый план выходит исследование процессов создания и восприятия образов, их знаковой природы. Появление новых подходов к изучению образов вызвало трансформацию этого феномена: акцент сместился с образа как такового на образ как посредник, как способ хранения и передачи информации, как средство выражения и понимания реальности.

Ключевые слова: визуальный поворот в культуре; образ; визуальный образ; культурный код; цифровое пространство современной культуры; виртуальная среда.

N. V. Afanasievskaia

Senior Lecturer, Department of Romano-Germanic Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
afanassievskaya@gmail.com

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT “IMAGE” IN THE CONTEXT OF THE VISUAL TURN IN CULTURE

The article shows the transformation of the concept of «image» in the context of a visual turn in culture. The concept of «image», which has attracted the attention of scientists for centuries, has many interpretations. In connection with the emergence of new visual cultural forms, it gets a new semantic color. Studies that study the processes of creating and perceiving images, their iconic nature, come to the fore. The emergence of new approaches to the study of images has caused a transformation

of this phenomenon: the emphasis has shifted to the study of the image as an intermediary, as a way to store and transmit information, as a means of expressing and understanding reality.

Key words: the visual turn in culture; image; visual image; cultural code; the digital space of contemporary culture; virtual environment.

Введение

Еще в XX веке с распространением фотографии, кино, затем телевидения стало понятно, что человечество сталкивается с новой влиятельной тенденцией в развитии культуры. С появлением Интернета и его стремительной экспансией в XXI веке, популяризацией цифровых технологий, появлением новых жанров в искусстве встает необходимость исследовать не только визуальные практики, но и по-новому осмыслять ключевые понятия, связанные с этой новой парадигмой, легитимированной в современном гуманитарном знании как «визуальный поворот». Вслед за Л. М. Гаврилиной, мы считаем, что визуальный поворот обладает онтологическим и эпистемологическим статусом и фиксирует «изменения, произошедшие как в самой социокультурной реальности, так и в способах и ракурсах ее рассмотрения» [Гаврилина 2015, с. 32].

Понятие «образ» и феномен, им обозначаемый, в контексте визуального поворота обретают дополнительную смысловую наполненность и исследуются сквозь призму новых принципов. Образ становится одним из ключевых понятий в «культуре визуального поворота», он всесторонне изучается с точки зрения его создания, восприятия, структуры, влияния, роли и воздействия, а также отношения с реальностью.

Визуальный образ и его структура

Несмотря на то что существует множество трактовок образа, традиционно этот феномен определяется как нечто нематериальное, что воспроизводит, копирует свойства реального объекта.

Как известно, в процессе мышления образы порождаются нашим сознанием, отражая реальный мир, действительность, окружающую нас. На это свойство образов делается акцент при исследовании данного феномена в рамках психологии. Так, П. Я. Гальперин определяет мысленный образ как результат абстрагирующей деятельности субъекта, способ репрезентации объекта субъекту [Гальперин 1995].

Образ, являясь частью суждения, выступает как понятие, концепция, т. е. прежде всего образ представляет из себя абстракцию, рожденную нашим сознанием и отражающую нечто конкретное, реальное. Ж.-П. Сартр отмечал в этой связи, что «изучать роль образа в мышлении, значит стремиться расположить его согласно его рангу среди совокупных объектов, конституирующих актуальное сознание; именно в этом смысле можно говорить о мышлении, опирающемся на образы» [Сартр 2001, с. 69].

В рамках гносеологии формирование образа трактуется как результат познавательной деятельности личности: в процессе восприятия новой информации в сознании рождается образ, отражающий объект реального мира.

По мере того, как доля визуальной составляющей воспринимаемой человеком информации возрастала, а визуальная культура становилась доминирующей формой, вставала очевидная необходимость в более детальном изучении природы визуального образа.

Исследования в области машинного зрения, ставившие целью прикладные задачи (например, распознавание визуальных образов и паттернов), привели к появлению обобщающих моделей создания и восприятия визуального. Эти модели во многом повторяли то, как благодаря нейрофизиологическим процессам объекты внешнего мира в сознании человека структурируются, создавая ментальные образы – субъективные конструкты человеческого сознания. Изучение образов, создаваемых нейросетями на основе декомпозированной входящей информации, позволяет провести аналогию между созданием и восприятием образов человеческим сознанием и построением и идентификацией образов искусственным интеллектом. В XXI веке, в эпоху постоянного соперничества физического и цифрового миров, эта аналогия особенно продуктивна для понимания принципов конструирования визуальных образов, процесса их распознавания и функционирования, изучения различных форм визуального опыта.

В процессе постижения сложной структуры визуального образа, исследователи сравнивали его с текстом, сопоставляли знаковую природу образа и текста, однако результаты данных исследований также не давали однозначного представления о его природе. Так, Ю. М. Лотман относит визуальные образы к изобразительным или иконическим знакам, считая их «естественными» и «понятными», не требующими

владения специальным шифром для понимания. В его концепции: «Изобразительный, или иконический, знак подразумевает, что значение имеет единственное, естественно ему присущее выражение» [Лотман 1973, с. 9].

Однако Р. Барт приходит к выводу, что образ представляет из себя нечто большее, чем просто подражание объекту, он выделяет в восприятии образа две составляющие: буквальную и символическую, задаваясь вопросом: «Каким образом смысл соединяется с изображением?» Это значит, что образ имеет внешнюю оболочку, которую человек воспринимает (иконическая сторона образа), и содержание (идея) [Барт 1994, с. 297].

В контексте визуального поворота воспринимаемый зрительно образ (его внешняя оболочка) не является предметом изучения как таковым. Акцент смещается на восприятие той информации, которую этот образ содержит. Образ является лишь призмой, сквозь которую происходит восприятие действительности, то есть познанию образов противопоставляется познание при помощи образов, как медиумов, познанию мира – познание через образы этого мира, самопознанию – познание себя через образы. Так, А. Менегетти считает познание образов неотъемлемой частью процесса самопознания. Анализируя влияние кинематографа на человека, он изучает прежде всего кинематографические образы и то, как они отражаются в подсознании человека, поскольку увиденный образ не только воспринимается человеческим сознанием, но и отзывается в нашем бессознательном. Это происходит из-за того, что скрытое содержание бессознательного проецируется на увиденный образ [Менегетти 2001].

Здесь нам также представляется уместной и корректной аналогия визуального образа с текстом, поскольку восприятие визуального образа, как и восприятие текста, всегда многослойно и в первую очередь представляет собой сопоставление новой информации с уже имеющейся. Кроме того, в визуальном образе, так же как и в тексте, информация кодируется определенным образом. По мнению Умберто Эко, существует код, «устанавливающий соответствие между определенным графическим знаком и отличительным признаком, на котором держится код узнавания» [Эко 2004, с. 160].

Не являясь тождественным объекту, образ концентрирует информацию о нем. Хотя источник образа объективен, сам образ, его

восприятие всегда субъективно, поскольку зависит от различных свойств и качеств субъекта, в сознании которого данный образ проявляется. Так художник благодаря своим способностям по-особому видеть мир и своему воображению конструирует образы реального внешнего мира и представляет их зрителю. В результате возникает художественный образ, который представляет собой ни что иное, как реальность, переработанную и трансформированную художественным воображением, художественным вкусом, средствами выразительности и т. д.

В результате на первый план выходит попытка понять не только какой смысл транслирует тот или иной образ, но и то, как эта информация воспринимается и интерпретируется. Образ, как медиум, становится частью коммуникации, визуальным знаком.

Образ в цифровом пространстве современной культуры

В эпоху цифровизации визуальная коммуникация становится неотъемлемой частью нашей жизни. Коммуникация при помощи образов всё чаще заменяет общение с помощью текстов.

В контексте визуального поворота намечается тенденция визуализировать абстрактное. Абстрактные понятия переходят в конкретное отражение реальности (визуализируются) при помощи технических средств, например создаются образы, помогающие в общении (стикеры, смайлики). К тому же, созданные на основе подобия, соответствия, образы могут быть синтетическими, являться репрезентацией совокупности понятий. В качестве примера можно привести «образ эпохи», «образ культуры», «образ идентичности». При этом исследователи стремятся понять, как происходит порождение таких образов и какова их сила воздействия.

Повсеместное использование образов (реклама, СМИ, Интернет и т. д.) приводит к тому, что они не только влияют на различные сферы нашей жизни, но и формируют наше сознание.

Визуальные образы благодаря силе эмоционального воздействия способны влиять на восприятие реальности, конструировать модели поведения, формировать социокультурное пространство. Восприятие действительности тесно связано с визуальными образами, диктующими и порой навязывающими определенный стиль жизнь.

Образы как средство влияния, пропаганды изучаются и используются в политике, рекламе, СМИ. Поэтому возникает необходимость в изучении механизмов создания образов (например, визуальных), факторов, влияющих на их порождение (ассоциативные связи, предыдущий опыт, культурная принадлежность и др.). В изучении образов акцент смещается на отношение образа и отображаемого, на то, насколько образ, рожденный сознанием, соответствует действительности.

Например, образ на фотографии является отражением реальности (благодаря механической природе фотографии максимально достоверным), однако его нельзя рассматривать, не учитывая личность фотографа, который принимает решение запечатлеть именно тот, а не другой момент действительности.

Немаловажно также учесть, что на эти процессы накладывает отпечаток воображение, особенности субъекта, его восприятия реальности, его нравственно-этические ценности, культурная принадлежность.

Вместе с тем образы являются не только результатом мыслительной деятельности отдельного индивида, их создание зависит от многих факторов внешней действительности. Любой образ будет социально, исторически, культурно обусловлен. В этой связи особенно продуктивным на сегодняшний момент представляется изучение «образного кодирования в культуре» [Бахманн-Медик 2017]. Д. Бахманн-Медик справедливо отмечает, что «на смену парадигме культура как текст приходит парадигма культура как образ… понятие культуры, визуально и медиально сужаемое в иконическом повороте, вновь обретает свой культурно-антропологический потенциал, который связан с возможностью конструировать и передавать культурные различия, как это делают образы, особенно “культурные образы” и культурные имиджи» [там же, с. 413].

Образ и реальность

В современном мире человек всё чаще попадает в виртуальное пространство, наблюдает виртуальные события, действует в виртуальном времени. Граница между реальностью и виртуальным становится всё более размытой. Однако образы существуют в независимости от того, насколько человек связан с реальностью или оторван от

нее. Образы окружают человека на протяжении всей жизни. Человек их создает, проецирует, воспринимает, потребляет, транслирует. Эти процессы приводят к необходимости пересмотра понятия «образ» применительно к новым визуальным практикам.

Мысль о том, что нас окружают ненастоящие, поддельные, неявные смыслы, вещи, идеи, знаки, не связанные больше с реальностью, утвердилась в исследованиях современной культуры благодаря трудам философов – постмодернистов. Так, Ж. Бодрийяр считает симуляцию «господствующим типом нынешней фазы» [Бодрийяр 2016, с. 113]. Описывая трансформацию понятия «образ» в культуре постмодерна, он выделяет различные стадии, которые он последовательно проходит в ходе своего развития. При этом образ способен не только отражать реальность или искажать ее, но и маскировать отсутствие реальности или полностью замещать ее симулякром.

Жак Деррида, говоря о массмедийной культуре, пишет об образах как о призраках, как о чем-то ненастоящем, имеющим видимость, но лишенным или наделенным искаженным смыслом. «Призрак – это, среди прочего, то, что мы воображаем, то, что, как нам кажется, мы видим, и то, что мы проецируем – на воображаемый экран, туда, где не на что смотреть» [Деррида 2006, с. 149].

С высоты сегодняшнего опыта становится очевидно, что инновации в области медийных технологий привели не только к появлению образов, замещающих действительность, но и к симуляции этой действительности. «Симулякры», или «призраки», функционируют наряду с явлениями реального мира. Виртуальная реальность на сегодняшний момент не только становится обыденностью, но и в отдельных случаях конкурирует по значимости с реальностью как таковой. Общение в социальных сетях заменяет реальное общение, образ на фотографии в сознании человека может быть более важным, чем его имидж (образ) в жизни, появляющиеся новые технические средства способны симулировать действительность во всех ее проявлениях.

Для вовлеченных людей образы реального мира становятся неотличимы от виртуальных. В связи с этим намечается тенденция изучения понятия «образ» в свете его симулятивной природы, соответствия или несоответствия действительности.

Можно утверждать, что в рамках современных исследований, посвященных изучению цифровых технологий, Интернета и других

визуальных феноменов, формируется новый подход к пониманию феномена «образа» (его природы, особенностей создания и восприятия), а также к изучению современных визуальных практик и визуальной культуры в целом. Повсеместное присутствие образов, вызванное техническим прорывом, появлением новых каналов связи и обмена информацией ставит новые задачи в рамках исследования визуального, что приводит, в свою очередь, к трансформации понятия образ. В контексте визуального поворота понятие «образ» обретает дополнительную смысловую наполненность. В пространстве современной культуры образ по-прежнему «удерживает» сущность ментального конструкта; образы в контексте визуальной культуры по-прежнему балансируют на границе конвенциональности и интерпретативной вариативности, содержат в себе объективную и субъективную составляющие. Однако образ представляет собой нечто большее, чем то, что мы просто видим. Любой визуальный образ имеет две составляющие: материальную, или техническую, и символическую, создающую смыслы. Вместе с тем образ может утрачивать связь с реальностью. Он может подменять собой действительность. Кроме того, образ приобрел функцию медиума: акцент в изучении образов переносится с образов как таковых, на образы как средство выражения, как посредники, как носители информации, маркер самоопределения и способ выражения идентичности индивида в пространстве современной культуры [Малыгина 2019].

Заключение

Резюмируя трансформацию, произошедшую с понятием «образ» в контексте визуального поворота, можно процитировать высказывание Д. Бахманн-Медик, считающей, что «визуальный образ – это не репрезентация, а делание видимым» [Бахманн-Медик 2017, с. 413]. Такой подход позволяет шире взглянуть на понятие «образ», изучить процессы его создания и восприятия, а также понимание мира через образы. Образы в цифровую эпоху – это не только способы передачи смыслов, но и ключ к пониманию реальности.

Сегодня коммуникация всё чаще и чаще происходит в виртуальном пространстве. А непосредственное общение заменяется общением при помощи образов, в первую очередь визуального характера: размещение фотографий в социальных сетях, перепост изображений,

общение при помощи смайликов – всё это активно заменяет текстовую коммуникацию. Кроме того, создание определенного «образа» в Сети играет большую роль в процессе самоидентификации, а образы визуальные, в свою очередь, несут черты индивида, социума, культуры, отпечаток идентичности [Малыгина 2019]. В идентификационных процессах современного человека образы занимают важное место, выполняя функции кодов реальности, становятся ключом к самопознанию, способом передачи смыслов, маркером идентичности и способом ее выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Барт Р. Риторика Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. [Barthes, R. (1989). Izbrannie raboti: semiotika, poetika (Selected works: Semiotics. Poetics). Moscow: Progress. (In Russ.)].

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. [Bachmann-Medick, D. (2017). Kulturnie povoroti. Novie orientiri v naukah o kulture (Cultural turns. New orientations in the study of culture). Moscow: New scientific review. (In Russ.)].

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2013. [Baudrillard, J. (2013). Simvolicheskiy obmen i smert' (Symbolic exchange and death). Moscow: Dobrosvet, Publisher KDU. (In Russ.)].

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2016. [Baudrillard, J. (2016). Symulyakri i symulyatsii (Simulacrums and Simulations). Moscow: POSTUM. (In Russ.)].

Гаврилина Л. М. Эпоха поворотов: эпистемологические поиски и социокультурные реалии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Том 1 (Культурология). С. 31–36. [Gavrilina, L. M. (2015). The Epoch of Turns: Epistemological Searches and Sociocultural Realities. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2 (1) (Culturology), 31–36. (In Russ.)].

Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии, 1995. [Galperin, P. Y. (1995). Psyhologiya kak obektivnaya nauka (Psychology as an objective scince). Moscow: Institute of Practical Psychology. (In Russ.)].

Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, Ecce homo, 2006. [Derrida, J. (2006). Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novii internatsional (Specters of Marx. The state of the Debt, the work of mouring and the new international). Moscow: Logos-altera, Ecce homo. (In Russ.)].

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамт, 1973. [Lotman, Y. (1973). Semiotika kino i problemi kinoestetiki (Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics). Tallinn: Eesti Raamt. (In Russ.)].

Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 13 (829). С. 173–185. [Malygina, I.V. (2019). Identity in the space of post-culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(829), 173–185. (In Russ.)].

Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001. [Meneghetti A. (2001). Kino, teatr, bessoznatelnoe (Cinema, theatre, unconscious). (In Russ)]. URL: https://libking.ru/books/sci-/sci-culture/207799-antonio-menegetti-kino-teatr-bessoznatelnoe.html (дата обращения: 10.04.2021).

Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / пер. с фр. М. Бекетовой. СПб: Наука, 2001. [Sartre, J.-P. (2001). Voobrajaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya (The Imaginary. Phenomenological Psychology of Imagination), transl. by M. Beketova. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)].

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. [Eco U. (2004). Otsutstvuushaya stuktura. Vvedenie v semiologiu (The Absent Structure: Introduction into Semiology). St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)].

УДК 81.139 + 008
DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_212

Д. А. Демина

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета
dasha_k@mail.ru

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ТИП ДИСКУРСА

В статье рассматривается выделение теологического дискурса в особый тип дискурса. Разделяются теологический и религиозный типы дискурса. В своих размышлениях автор опирается на исследования в области философии, теологии, религиоведения, лингвистики и приходит к выводу, что теологический дискурс относится к научному дискурсу, однако обладает своими особыми чертами.

Ключевые слова: религиозный дискурс; теологический дискурс; научный дискурс; теология; предмет теологии.

D. A. Demina

PhD (Pedagogy), Head of the Department of the Second Foreign Language
of the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University
dasha_k@mail.ru

THEOLOGICAL DISCOURSE AS A SPECIAL TYPE OF DISCOURSE

The article aims to distinguishg theological discourse as a special type of discourse. First of all, the author divides the theological and religious types of discourse. In his reflections, the author relies on research in the field of philosophy, theology, religious studies, linguistics and comes to the conclusion that theological discourse refers to scientific discourse, but has its own special features.

Key words: religious discourse; theological discourse; scientific discourse; theology; subject of theology.

Введение

В последние несколько лет в России активно обсуждается вопрос о месте теологии в науке и обществе. Этот вопрос вызывает бурные дискуссии: можно ли и должно ли признать теологию как науку; могут ли заниматься исследованиями в области теологии люди, не принадлежащие к соответствующей конфессии; можно ли допускать

CC BY

к теологическим изысканиям недуховных лиц; обладает ли теология своим предметом, своими методами, собственным терминологическим аппаратом?

Мы хотели бы посмотреть на вопрос о месте теологии в науке и обществе с лингвистической точки зрения и определиться с понятием «теологический дискурс». На наш взгляд теологический дискурс обладает своими уникальными чертами и должен быть четко выделен как тип дискурса. Для этого необходимо отграничить его от религиозного дискурса и описать его особенности в рамках научного дискурса.Чтобы можно было выделить теологический дискурс как особую семиотическую систему, дать определение понятию «теологический дискурс», выделить жанры этого типа дискурса, обозначить его участников, необходимо обратиться к исследованиям в различных областях и изучить, какое место они отводят теологии и теологическому дискурсу, рассмотреть спорные моменты, отобрать наиболее логичную и убедительную аргументацию в пользу одной или другой точки зрения.

В первую очередь мы обратились к дебатам относительно внесения теологии в перечень специальностей ВАКа и открытия диссертационного совета по теологии – это позволит нам сделать выводы, можно ли рассматривать теологию как науку. Далее мы обратились к исследованиям в области лингвистики, чтобы посмотреть, какое место отводит теологическому дискурсу лингвистика. Затем, так как мы относим теологический дискурс к научным типам дискурса, мы выделяем особые черты теологического дискурса в рамках дискурса научного, в том числе сравниваем теологию с религиоведением как наиболее близкой наукой.

Споры о возможности внесения теологии в перечень ВАКа

В 2015 году появляется паспорт теологии как научной специальности ВАКа, через год был создан диссертационный совет по этой специальности, еще через год в совете была защищена первая кандидатская диссертация. Таким образом теология заняла свое официальное место среди других признанных наук. Речь идет о современной России, во многих других странах теология уже много лет признана в качестве официальной науки (в Германии, Швейцарии, Австрии, Франции и др.), а в дореволюционной России теология (богословие) также занимала неоспоримое место в научной системе: «Богословие

рассматривалось не только как составляющая системы научного знания, но и как самостоятельная научная область» [прот. Николай Емельянов 2012, с. 17].

Однако факт признания теологии официальной наукой вызвал множество возражений со стороны представителей общественности и нетеологических наук. В свете этого теологии пришлось защищать свой статус. В первую очередь, против признания теологии в качестве науки выступают представители естественных наук: в 2007 году (тогда Всемирным русским народным собором было предложено внести теологию в перечень научных специальностей ВАКа) было написано «письмо десяти академиков», адресованное Президенту РФ В. В. Путину. Среди прочего, авторы письма выражали свою озабоченность тем, что теология может быть включена в список специальностей ВАКа. При этом авторы письма объясняли свое мнение тем, что «любая научная дисциплина оперирует фактами, логикой, доказательствами, но отнюдь не верой» [Открытое письмо … 2007]. Все авторы письма были представителями естественных наук.

Чуть позже, в октябре 2007 года, была опубликована Резолюция №1580/2007 Парламентской Ассамблеи Совета Европы, в которой говорилось об опасности «подменить науку верованием» в свете защиты идей эволюционизма против креационизма (это один из острейших спорных вопросов между представителями естественных наук и теологии)[1]. В ответ на «письмо десяти академиков» было написано «письмо других академиков» (1 ноября 2007 года), в котором авторы, среди прочего, упоминали о том, что существует разница в методологии естественных и гуманитарных наук, что «целый ряд гуманитарных наук, отнюдь не оперирует одними лишь фактами и доказательствами»[2].

В 2008 году было написано обращение 227 докторов и кандидатов наук к Президенту РФ, в котором, в частности, утверждалось, что «теология – это отдельная отрасль науки, никак не входящая в противоречие с другими науками, как гуманитарными, так и естественными»[3].

[1] URL: https://razumru.ru/humanism/journal/47/resolution.htm (дата обращения: 07.04.2021).

[2] URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=681 (дата обращения: 07.04.2021).

[3] URL: http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=documents&div=716 (дата обращения: 07.04.2021).

На сегодняшний день теология в России является официально признанной наукой, однако недовольство оппонентов не утихает. Разногласия о статусе теологии есть и в среде самих ученых-теологов.

Так Ж.-К. Ларше различает богословие (автор рассматривает понятия *богословие* и *теология* как синонимичные, что с нашей точки зрения абсолютно оправдано семантически, однако это мнение разделяют не все ученые единогласно) [Ларше 2012]) мистическое (доступное только избранным познание «самой божественной энергии, сообщаемой человеку от Отца через Сына в Духе Святом», оно «превосходи разум и не может быть обозначено ни понятиями, ни построениями, выражаемыми в словах») и богословие как естественное созерцание, «то есть познание Бога, исходя из Его появлений в творении» [Ларше 2012, с. 120]. Мистическое богословие – удел избранных. Говорить о признании мистического богословия традиционной наукой не приходится, так как его методы не соответствуют общепринятым современным научным методам.

Естественное богословие, в свою очередь, разделяется на катехизическое, апологетическое и доксологическое. Катехизическое богословие – первоначальная форма богословия, которая представляет собой наставления в христианской духовной жизни для оглашенных (людей, готовящихся к крещению), членов Церкви, а также людей, интересующихся вопросами веры и жизнью Церкви. Изначально заниматься катехизаторством мог только епископ, затем часть клира, мирянам каноны не разрешали проповедовать в церкви и публично преподавать вне храма. Такое ограничение также не позволит рассматривать теологию как классическую науку.

Однако, во-первых, это одно из мнений, а во-вторых, сам Ж.-К. Ларше выделяет область теологии, которая отвечает требованиям, предъявляемым к научным дисциплинам. Апологетическая форма богословия защищает веру. Эта форма богословия опирается на рациональное мышление, на законы формальной логики, на точную терминологию (при этом используются философские понятия), ясное и четкое изложение мысли и последовательное опровержение логических построений оппонентов. Эта форма богословия во многом строится на взаимодействии с нехристианским миром, поэтому она выбирает в качестве инструмента общения правила собеседника (строгую терминологию, научное доказательство). Третья форма

естественного богословия – богословие доксологическое (славословия). Эта форма встречается в некоторых трудах Отцов Церкви, в которых авторы выражали свой опыт познания Божественных энергий в особой поэтической форме, а также в литургических текстах. Эта форма богословия тесно связана с духовным опытом и молитвой [Ларше 2012].

На современном этапе теология официально признана научной дисциплиной, однако до сих пор с этим не хотят смиряться некоторые представители научного мира.

Теологический дискурс в лингвистике

Дискурсивные исследования в области лингвистики отражают структуру картины мира социума. Изучив актуальные научные исследования в области лингвистики, посвященные типам дискурса, оперирующим религиозной лексикой (Е. Е. Анисимова, Е. В. Бобырева, Г. В. Булавина, В. Ю. Лебедев, О. А. Прохватилова, Е. С. Стрельникова, Ю. В. Романченко, М. В. Слутина), мы убедились в актуальности темы, однако также можно заметить, что на данный момент нет единого понимания термина «теологический дискурс». Часто его смешивают с религиозным дискурсом или ставят знак равенства между этими двумя понятиями. Так, В. Ю. Лебедев определяет теологический дискурс как дискурс, в котором речь идет о Боге. Лебедев выделяет четыре разновидности теологического дискурса: 1) библейский, 2) рациональный (исследование утверждений о Боге, в богословской культуре), 3) догматический (провозглашает догмы веры), 4) ритуальный, или литургический [цит. по: Анисимовой 2019, с. 19].

С. В. Булавина разделяет религиозную лексику (основные христианские понятия, большей частью из Библии) и церковную (связана с материальной стороной жизни Церкви) [Булавина 2003]. О. А. Прохватилова и Е. С. Стрельникова различают сакральную лексику (базируется на понятии «вера») и богослужебную лексику (связана с ритуалами) [Прохватилова, Стрельникова 2006]. Е. В. Бобырева противопоставляет религиозный и научный виды дискурса, считая, что они противостоят друг другу [Бобырева 2007]. Автор аргументирует свою позицию тем, что «всякая религия строится на вере, поэтому противостоит научности как апробированной и доказанной истине»

[там же, с. 13]. Еще одно различие между религиозным и научным дискурсом Е. В. Бобырева видит в том, что «центральными понятиями научного дискурса являются абсолютная истина, знание, центральные концепты религиозного дискурса – «Бог» и «вера» [Бобырева 2007]. Мы не можем согласиться с утверждением, что истина не входит в концептосферу религиозного (или теологического) дискурса, – вся познавательная деятельность человека стремится к истине.

Н. А. Демина употребляет понятия религиозного и теологического типов дискурса. Однако автор не разделяет эти типы. С точки зрения Деминой, «неотъемлемыми составляющими религиозного дискурса являются религиозное чувство, откровение, мистический опыт, несводимы к системе рационально обоснованных утверждений» [Демина 2020, с. 158]. Автор рассматривает теологический дискурс как институциональный дискурс, в основе которого лежит взаимодействие в рамках института. С точки зрения автора, предмет теологического дискурса – «прежде всего, экзистенциальные вопросы о сущности и смысле человеческой жизни» [Демина 2020, с. 159]. Далее Н. А. Демина приводит цитату С. Г. Бариновой, в которой речь идет о вере. Таким образом, Н. А. Демина относит понятие веры к теологическому дискурсу. В своих работах она многократно употребляет понятие «религиозный дискурс», никак не отделяя его от дискурса теологического.

Некоторую путаницу в разграничение понятий религиозного и теологического дискурсов вносит и новое, активно развивающееся направление в лингвистике, – теолингвистика. К кругу проблем, которыми занимается теолингвистика относятся: описание языка религиозной коммуникации, язык проповедей, проблемы перевода религиозных текстов, язык Библии, молитвы и др. А. К. Гадомский определяет теолингвистику как «науку, возникшую на стыке языка и религии, исследующую проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [Гадомский 2004, с. 167]. Путаница возникает уже на уровне словообразования: «теолингвистика» исследует проявления «религии».

Е. Е. Анисимова под религиозным дискурсом предлагает понимать «совокупность коммуникативных действий, событий, текстов, относящихся к предметной области «религия», целью которых является: общение человека с Богом; взаимодействие верующих для сохранения, передачи религиозного знания, организации внутрицерковной

жизни; поддержание отношений церкви с обществом и распространение веры среди неверующих» [Анисимова 2019, с. 14]. Данное определение мы находим наиболее точным для понятия «религиозный дискурс», однако «теологический дискурс» в этом случае остается за рамками исследования.

В. И. Карасик относит религиозный дискурс к институциональному дискурсу. Согласно Карасику, религиозный дискурс обслуживает речевое взаимодействие внутри института Церкви (религиозной организации, объединенной общностью верований и обрядностью) [Карасик 2004]. Теологический дискурс находится на стыке религиозного и научного видов дискурса, в рамках классификации Карасика теологический дискурс, скорее, следовало бы отнести к религиозному виду дискурса, однако, с нашей точки зрения, в теологическом дискурсе другие участники (некоторыми исследованиями в области теологии могут успешно заниматься не члены Церкви, как и участие в теологическом дискурсе не требует конфессиональной принадлежности. Так и наоборот, не все члены Церкви способны вести дискурс теологический), у религиозного и теологического дискурса разные цели, стратегии, жанры (частично пересекающиеся). Религиозный и теологический виды дискурса взаимосвязаны, но это не один вид дискурса.

Ю. В. Романченко рассматривает теологический дискурс «как (особый) вариант религиозного дискурса» [Романченко 2008, с. 3]. Она считает, что теологический дискурс обслуживает «коммуникацию между теологами / нетеологами и теологами / теологами» и он представлен «двумя основными видами: популярно-теологическим и теоретико-теологическим дискурсом» [там же, с. 4]. Согласно автору «целью теологического дискурса является разъяснение христианского вероучения и убеждение реципиента в его истинности через толкование Священного Писания и размышления о Боге» [там же, с. 7]. При этом популярно-теологический дискурс – донесение религиозных истин до нетеологов, а теоретико-теологический дискурс – общение между специалистами-теологами.

Теоретико-теологический дискурс являет собой научное по форме рассуждение о символичном мире Божественного и к его основным принципам организации относятся догматизм, научная авторитетность и рациональная аргументативность [Романченко 2008, с. 7]. При том, что Романченко определяет теологический дискурс как особый

вид религиозного дискурса, который исследователь определяет как разновидность институционального дискурса, «организованного вокруг ключевого концепта – веры как доверительного союза человека с Богом» [Романченко 2008, с. 8]. Согласно Ю. В. Романченко, к участникам коммуникации относятся теологи (имеют специальное образование) и нетеологи (верующие, которых автор объединяет в рамках категории «религиозная вера» [там же, с. 10]. Нам кажется нелогичным исключить из данного дискурса нетеологов, которые, однако, не являются членами Церкви, которые, владея терминологическим аппаратом теологии, могут стать равноправными участниками дискурса.

Мы видим, что в лингвистической науке нет четкого разграничения между теологическим и религиозным дискурсом: смешиваются области теологического дискурса и религиозного дискурса (В. Ю. Лебедев), противопоставляется церковная и религиозная (С. В. Булавина), сакральная и богослужебная[1] (О. А. Прохватилова, Е. С. Стрельникова) лексика, религиозный и научный дискурс (Е. В. Бобырева). Для того чтобы разграничить эти понятия, обратимся к понятиям «религия», «религиоведение», «теология».

Предмет изучения теологии. Особенности теологического дискурса в рамках научного дискурса

Несмотря на широкое употребление понятия «религия», нет единого определения этого понятия, также есть расхождения и в этимологическом толковании понятия: 1. происхождение слова от *relegere* (лат.) – *перечитывать, тщательно обдумывать, откладывать в сторону*. Предполагается, что люди отделяют вопросы, связанные с высшими силами, от вопросов бытовых и скрупулезно их обдумывают. Эта точка зрения восходит к Цицерону; 2. происхождение слова от *reeligere* (лат.) – *воссоединять.* Согласно этой точке зрения (которая восходит к Блаженному Августину) религия возрождает ту связь человека и Бога, которая у него было до грехопадения; 3. происхождение слова от *rigaelre* (лат.) – *соединять*. Это толкование (восходящее к Лактацию) наиболее распространено в настоящее время: религия – учение о связи человека и Бога. С точки зрения христианской

[1] Такое разделение, с нашей точки зрения, не оставляет места лексике именно теологической, научной.

теологии дать определение понятию «религия» невозможно, так как Бог бесконечен, а дать определение – значит, обозначить границы.

Религия, ее возникновение, развитие и существование различных религий, их компоненты, значение в истории и жизни общества, культуры является предметом изучения религиоведения. При этом религиоведение изучает религию с внерелигиозной точки зрения: изучает религиозное поведение человека, религиозные тексты, институты, общины. Основные направления в области религиоведческих исследований – история, философия, феноменология, психология и социология религии.

Достаточно часто, исходя из словообразования понятия «теология» (от греч. *Бог* и *слово – учение о Боге*), считают, что предмет теологии абсолютно ясен и не требует комментариев, однако всё не так просто. Определить предмет теологии как *Бог* не совсем верно, так как Бог непознаваем. Иногда говорят, что теология – учение о проявлениях Божественных энергий. Согласно Фоме Аквинату, теология – наука о Боге и всех вещах в их отношении к Богу, по Аристотелю теология – наука о высшем, существующем самостоятельно и неподвижном, сущем. Сегодня предметом теологии считают Бога, но и веру Церковную. К. М. Антонов пишет, что теология изучает веру Церкви «в ее систематическом, практическом и историческом аспектах» [Антонов 2012, с. 76]. Таким образом, теология имеет конкретный, вполне земной, предмет изучения.

Хотя К. М. Антонов считает, что лишь небольшая часть трудов христианских богословов XX века на сегодня может быть признана научной, он говорит о том, что богословие является «сложной многоуровневой системой познавательных практики дисциплин, различные элементы которой имеют различное отношение к современной гуманитарной науке и ее стандартам» [там же, с. 75] (речь идет о формальных признаках, которые позволяют признать какую-либо дисциплину научной специальностью и включить ее в номенклатуру ВАК). При этом нельзя забывать, что критерии, по которым какую-то дисциплину можно признать научной или не признать, разработаны учеными и являются условностью, которая может меняться со временем.

Антонов различает два уровня теологии:

1) теологию как вероучение конкретной церковной общины (на этом уровне к теологии не применяются научные требования);

2) совокупность образовательных структур и научных исследований.

И если для первой «характерно специфическое сочетание рефлексии и исповедания: мышления в пространстве Церкви уясняющего положение человека в отношении к Богу и миру, и проясняющего возвещения истин церковной веры, указывающих человеку путь ко спасению во Христе», то вторая четко и точно с помощью «определенного набора процедур» [Антонов 2012, с. 76] решает конкретные научные проблемы.

Теологию упрекают в догматизме, в том, что вся теологическая мысль подчинена церковной доктрине, однако это не совсем справедливое утверждение. Как и у любой науки, у теологии есть аксиомы, на которые она опирается, однако догматы и канон являются не аксиомами, а предметом изучения.

Таким образом, религиоведение изучает реальную религиозную деятельность, реальные проявления религиозности. Теология же изучает норму, а не конкретные проявления церковной жизни. Религиоведение рассматривает объекты изучения с точки зрения их места в развитии религиозной традиции и истории религии, теология же соотносит объект и его проявления с нормой церковного сознания, с ролью объекта в церковной жизни. Теология изучает веру Церкви изнутри, религиоведение же изучает роль Церкви и ее учения в жизни общества. При этом религиоведение и теология пересекаются в областях своих исследований: библеистика, патрология, история Церкви входят в область интересов как теологии, так и религиоведения, т. е. частично совпадают объекты изучения данных наук.

Теологии часто ставят в упрек отсутствие собственной методологии. Теология, действительно, активно пользуется методологическим инструментарием других наук: прежде всего философии, истории, лингвистики, социологии и др. Однако это общая ситуация для гуманитарных наук.

На пути всеобщего признания теологии как науки стоит вопрос о ее конфессиональной принадлежности, что, по мнению многих, противоречит идее светского государства, а также объективности научного знания. Однако во многих областях теологического знания не предполагается конфессиональная принадлежность, – например, библеистика, патрология, история Церкви. Исследования в данных

областях ведутся учеными разных конфессий, а также учеными без какой-либо конфессиональной принадлежности. Также можно провести аналогию с философией. Здесь тоже есть философия Платона, Аристотеля, Декарта, Канта и т. п. Можно быть приверженцем какой-либо одной философии, нельзя быть платоником и марксистом одновременно.

Мы разделяем мнение М. О. Орлова, Д. Н. Плохова, К. Ю. Петровой, которые приходят к выводу, что «теология вполне может функционировать в варианте строгой научной дисциплины, и именно в таком виде она может полноценно войти в систему гуманитарного знания» [Орлов, Плохов, Петрова 2019].

Заключение

Опираясь на предмет изучения теологии как науки, мы предлагаем разделить теологический и религиозный типы дискурса, выделить теологический вид дискурса как самостоятельный тип дискурса, который относится к дискурсу научному, однако обладает своим терминологическим аппаратом, стратегиями, кругом участников, жанрами. И если религиозный дискурс включает в себя область веры и обряда, то дискурс теологический охватывает вероучение и апологетику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFRENCES

Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты: монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. [Anisimova, E. E. (2019). Religioznyj diskurs: funkcional'nyj i antropologicheskij aspekty (Religious discourse: functional and antopological aspekts). Moscow. FGBOU VO MGLU. (In Russ.].

Антонов К. М. Теология как научная специальность // Вопросы философии, 2012. Вып. 6. [Antonov, K. M. (2012). Teology as a scientific specialty. Philosophical issues, 6. (In Russ.)]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=555&option=com_content&task=view (дата обращения: 07.04.2021).

Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. [Bobyreva, E. V. (2007). Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii: na materiale pravoslavnogo veroucheniya (Religious discourse: Values, genres, strategies: bases on the Orthodox Faith): abstract of Senior Doctorate in Philology. (In Russ.)].

Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: дис. …канд. филол. наук. Воронеж, 2003. [Bulavina, S. B. (2003). Russkie ustojchivye slovosochetaniya, soderzhashchie cerkovno-religioznuyu leksiku (Russian stable phrases containing church-religious vocabulary): PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)].

Гадомский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 1, Вып. 49. С. 164–167. [Gadomskiy, A. K. (2004). O lakunah v sisteme lingvisticheskoj nauki: problema vzaimodejstviya yazyka i religii (On lacunae in the system of linguistic science: the problem of interaction between language and religion. Culture of the peoples of the Black Sea region), 49, 164–167. (In Russ.)].

Демина Н. А. К вопросу о специфике теологического дискурса // Эпоха науки Вып. 23. 2020. С. 158–162. [Demina, N. A. (2020). On the issue of the specifics of theological discourse. Age of Science, 23, 158–162. (In Russ.)].

прот. Николай Емельянов. Богословие в системе научного знания (по материалам дискуссии о высшем духовном образовании в 1905–1906 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2(45). С.7–19. [archpriest Nikolaj Emelyanov. (2012). Bogoslovie v sisteme nauchnogo znaniya (po materialam diskussii o vysshem duhovnom obrazovanii v 1905–1906 gg. (Theology in the system of scientific knowledge (based on the materials of the discussion on higher spiritual education in 1905–1906). Vestnik of St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, 2(45), 7–19. (In Russ.)].

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. [Karasik V. I. (2004). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs (Language circle: personality, concepts, discourse). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].

Ларше Ж.-К. Что такое богословие? // Вестник ПСТГУ. I : Богословие. Философия. 2012. Вып. 3(41). С. 117–131. [J. C. Larchet. (2012). What is Theology? Vestnik of St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, Theology. Philosophy, 3(41), 117–131. (In Russ.)].

Орлов М. О., Плохов Д. Н., Петрова К. Ю. Теология в системе гуманитарных наук: особенности предмета и методологии. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Санкт-Петербург, Т. 20. No 4. 2019. С. 313–323. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-v-sisteme-gumanitarnyh-nauk-osobennosti-predmeta-i-metodologii (дата обращения: 07.04.2021). [Orlov, M. O., Plohov, D. N., Petrova, K. Y. (2019). Teologiya v sisteme gumanitarnyh nauk: osobennosti predmeta i metodologii (Theology in the system of humanities: characteristics of the subject and methodology). Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities. St. Peterburg. (In Russ.)].

Открытое письмо десяти академиков РАН Президенту Российской Федерации В. В. Путину // Наука в Сибири. 2007. Вып. 28–29 (2613–2614). URL: Наука в Сибири (nsc.ru) (дата обращения: 07.04.2021). [Open letter of ten academicians of the Russian Academy of Sciences to the President of the Russian Federation V. V. Putin. (2007). Science in Siberien, 28–29 (2613–2614). (In Russ.)].

Прохватилова О. А., Стрельникова Е. С. Стилистика русского языка. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. [Prohvatilova, O. A., Strel'nikova, E. S. (2006). Stilistika russkogo yazyka (Stylistics of the Russian language). Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. (In Russ.)].

Романченко Ю. В. Лингвопракматический аспект немецкоязычного теологического дискурса: автореф. … канд. филол. наук. М., 2008. [Romanchenko, Yu. V. (2008). Lingvoprakmaticheskij aspekt nemeckoyazychnogo teologicheskogo diskursa (Linguopractical aspect of German-language theological discourse): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 8 (850)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 8 (850)

Ответственные за выпуск 8 (*850*)

кандидат педагогических наук доцент Д. А. Демина
кандидат филологических наук доцент Е. А. Попова
кандидат филологических наук доцент Е. А. Попова

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 02.10.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № 78/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.